

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

27 2020
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (317) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Валентинович Асмус* (1952), директор ФГБУ «НИЦ «Планета», председатель правления Российского гидрометеорологического общества, член коллегии Росгидромета, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премий Правительства РФ и Правительства Москвы, академик Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского.

Василий Валентинович родился в Москве, в семье известного русского философа и видного деятеля советской культуры Валентина Фердинандовича Асмуса. Он закончил Московский институт электронного машиностроения (факультет прикладной математики), а затем аспирантуру Вычислительного центра СО РАН. С 1976 года он начал свою деятельность в НИЦ «Планета», с 1997 года — в должности директора.

Асмус широко известен в нашей стране и за рубежом как специалист в области математического моделирования и информатики. Он активно участвует в разработке государственных программ и реализации планов создания космических комплексов наблюдения Земли, а также руководит работами по созданию космических информационных систем, выполняющих стратегические задачи в интересах народного хозяйства и обороны. Под руководством Асмуса спроектирована, разработана и сдана в эксплуатацию крупнейшая в России и одна из самых крупных в мире государственная территориально-распределенная система космического мониторинга окружающей среды. Василий Валентинович внес значительный вклад в разработку технологий дистанционного исследования атмосферы, суши, криосферы, акваторий Мирового океана. Созданные им программные системы обработки спутниковых данных внедрены и широко используются в России и за рубежом. Василий Валентинович принимал активное участие в испытаниях и эксплуатации космических систем серий «Ме-

теор», «Метеор-Природа», «Ресурс», «Океан», «Электро», «Канопус» и др.

Василий Асмус — автор более 150 научных работ, включая монографии и патенты, в отечественных и зарубежных изданиях. Он является членом оргкомитетов и программных комитетов международных и отечественных конференций, а также редколлегий ряда периодических научно-технических изданий, главным редактором журнала «Метеорология и гидрология».

Асмус — член государственных комиссий по летным испытаниям космических комплексов социально-экономического и оборонного назначения, а также средств выведения, член Межведомственной экспертной комиссии по космосу, заместитель председателя Совета главных конструкторов по космическим комплексам, член Совета по космосу РАН, член научно-технических советов Военно-промышленной комиссии Российской Федерации, Росгидромета и Роскосмоса, председатель ученого совета ФГБУ «НИЦ «Планета». В качестве эксперта по космическим технологиям он представляет Россию в международных организациях: WMO, CEOS, CGMS, GEOSS, EUMETSAT.

Василий Валентинович Асмус удостоен государственных (орден Дружбы, орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль «В память 850-летия Москвы», грамота Президента РФ) и ведомственных наград (Росгидромет, Роскосмос, Минприроды России, РАН, Минобороны России, МЧС России), наград WMO и ICSU, почетных званий «Заслуженный создатель космической техники», «Заслуженный испытатель космической техники», «Ветеран космонавтики России», «Почетный геодезист», «Почетный работник Гидрометеослужбы России», «Ветеран гидрометеослужбы Вооруженных сил России», «Лучший руководитель России».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андреев В. А., Фарниев В. А.

Проблемы теории чрезвычайного положения.
Опасность передачи чрезвычайных
полномочий 245

Берг Н. А., Пухова Ю. В.

Анализ современного состояния и тенденции
развития налогового контроля в Российской
Федерации 248

Булгакова И. О.

Понятие и значение ипотеки в Российской
Федерации 250

Вашурина С. С.

Правовое положение государства как участника
международного частного права 252

Голикова В. В., Кубанова А. М.

Предмет, объекты, задачи судебной бухгалтерской
экспертизы операций по учету заработной платы
и социальных выплат 257

Грозный В. И., Фастович Г. Г.

Возникновение коррупции в России и методы
борьбы с ней 258

Дегтярева Д. А.

Особенности рассмотрения индивидуальных
трудовых споров: значение и эффективность
комиссии по трудовым спорам в разрешении
конфликтов 261

Елисеева Н. С.

К вопросу о моменте окончания купли-продажи
человека как формы торговли людьми 263

Ермолаев А. Е.

Юридическая природа судебных актов
Конституционного Суда, в частности, к вопросу
об отказных определениях 264

Иванов А. В.

Институт целевой подготовки кадров
в российском праве: межотраслевой анализ .. 268

Иванов А. В.

Номинативное и описательное использование
чужого товарного знака (знака обслуживания):
проблема и особенности ее решения 273

Кайгородова А. Л., Подгорный Н. А.

Применение мер уголовно-правовой
ответственности для предотвращения
незаконной добычи янтаря в целях обеспечения
экологической безопасности России..... 277

Корчагин А. Г., Майер А. Д.

Исследование внутренних документов
при предварительной проверке контрагента .. 279

Коцарь Е. И.

Юридическая характеристика договора бытового
подряда 282

Кубанова А. М.

Классификация судебной бухгалтерской
экспертизы операций по учету заработной платы
и социальных выплат 283

Либерчук А. Е.

Особенности института наследования по праву
представления в гражданском законодательстве
России и иных государств 285

Митянин А. К.

Категоризация инвесторов — физических лиц
на рынке ценных бумаг РФ: надуманная мера
или осознанная необходимость..... 287

Михайлюкова В. С.

Исполнение судебного акта о привлечении
к ответственности контролирующих должника
лиц в банкротстве 289

Никитин В. В., Липская О. Н., Кульгашова О. В.

Страховые взносы в Пенсионный фонд:
что нужно о них знать 291

Родионова Е. А.

Способы защиты информации в глобальной сети
Интернет..... 293

Рыжова О. А., Цуканова Д. А.

Правовой режим государственной тайны..... 297

Сидорова М. В. К вопросу о правовом статусе прокурора на стадии возбуждения уголовного дела 301	Ухина Н. И., Закалюжная Н. В. Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции 314
Смелов Д. А. Институт зачета в системе международного и российского права 302	Чигрин В. В. Проблемы собственника при вселении арендаторов в жилое помещение при отсутствии согласия другой стороны и пути их разрешения путем внесения дополнений в статью 30 Жилищного кодекса РФ 317
Сусленков Д. А. Ключевые особенности и проблемы международного нотариата 307	Шеховцова Н. С. Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве 319
Трофимова Д. В. Лоббизм в США 312	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы теории чрезвычайного положения. Опасность передачи чрезвычайных полномочий

Андреев Владислав Андреевич, студент;

Фарниев Валерий Асланбекович, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматривается понятие чрезвычайного положения. Анализируются возможные проблемы, возникающие при передаче чрезвычайных полномочий, рассмотрены правовые механизмы РФ, предлагаются решения существующих проблем.

Ключевые слова: конституционное право, чрезвычайное положение, Агамбен, правовой порядок.

Актуальность. На сегодняшний день довольно актуальной является тема государственно-правового режима чрезвычайного положения. Эпидемиологическая проблема, вызванная распространением коронавирусной инфекции, коснувшейся всего населения планеты, вновь обратила внимание многих ученых правоведов, особенно специалистов в области конституционного права на такой конституционный (государственно-правовой) режим, как чрезвычайное положение. До сих пор нет точного ответа, почему в нашем государстве не был введен данный режим, ведь смертность от вируса достаточно высока, и, соответственно, ставится под угрозу безопасность граждан нашей страны. С другой стороны, неясно, к чему бы вообще привело введение данного режима, ведь он сопровождается огромными экономическими затратами, которые наше государство не может себе позволить из-за существующего экономического кризиса.

Существует много нерешенных неоднозначных проблем, касающихся данного режима, например, проблема законности введения чрезвычайного положения, но об этом мы расскажем ниже. Важно четко понимать случаи введения указанного режима и правовые рамки, в пределах которых он применяется. Не приведет ли исключительное право у государства, данное конституцией, на введение чрезвычайного положения к узурпации власти и фактическому ограничению конституционных прав и свобод граждан? Все это предстоит изучить и предложить решения данных проблем.

Также нельзя не признать тот факт, что степень изученности данной темы российскими учеными близка к нулю. Пожалуй, единственно значимую монографию, посвященную чрезвычайному положению, написал В. М. Гессен. Она получила название «Исключительное положение» и была издана в Санкт-Петербурге в 1908 году. В послеоктябрьский период данная проблема также фактически не рассматривалась. Не происходило комплексного ана-

лиза зарубежного законодательства, посвященного режиму чрезвычайного положения. Лишь после 80-х годов XX века группой ученых ВНИИ было проведено исследование английского, американского, французского и немецкого законодательства. Их коллективная работа получила название «Законодательство буржуазных стран о чрезвычайном положении».

И несмотря на это, конституционный режим является неотъемлемой частью национальной системы безопасности большинства стран мира. Его существование может быть обусловлено возникновением некоторых экстремальных, опасных для общества ситуаций, носящих социальный, политический, экономический и природных характер.

Цель работы. Провести комплексный анализ режима чрезвычайного положения, выявить существующие проблемы, связанные с введением данного конституционного института и предложить их решение.

Для того, чтобы прийти к нашей цели, мы ставим перед собой следующие **задачи**:

- Изучить историю возникновения чрезвычайного положения, дать его комплексное понятие
- Выявить причины введения чрезвычайного положения
- Определить существующие проблемы

В нашей работе мы используем в основном такие **методы**, как анализ и обобщение научно-методической литературы, а также некоторых законов, посвященных данной теме.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее материалы можно использовать при изучении режима чрезвычайного положения, относящегося к области конституционного права.

Понятие чрезвычайного положения. Применение экстремных мер государством, ограничивающих права и свободы человека, в условиях чрезвычайных ситуаций, привело

к возникновению такого правового режима, как чрезвычайное положение.

Особое развитие данный институт получил в середине XIX века в Европе в связи с принятием первых парламентских актов, регламентирующих на законодательном уровне чрезвычайное положение. Генеральная Ассамблея ООН в 1966 приняла международный пакт о гражданских и политических правах, где закреплялись особые условия ограничения прав и свобод человека со стороны государств путем введения чрезвычайного положения.

До 1917 года в Российской Империи не было как такого понятия чрезвычайного положения, существовал режим чрезвычайной охраны, принятый после убийства Александра II в 1881 году. В советское время режим чрезвычайного положения регулировали следующие акты:

- Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» (8 марта 1923 г.);
- Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» (10 мая 1926 г.);
- Закон СССР «О чрезвычайном положении» (1 декабря 1988 г.);
- Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» (апрель 1990 г.).

Современное понятие государственно-правового режима можно изложить следующим образом. Это особый правовой режим, существование которого обусловлено возможностью возникновения различного рода экстремальных, опасных для жизни людей ситуаций или уже существованием такого рода происшествий, которые могут привести к разрушению существующего конституционного порядка, привести к гибели людей или разрушению государства в целом. Зачастую обычные методы государственной деятельности представляются недостаточными для того, чтобы отвести нависшую угрозу, в связи с чем и вводится режим чрезвычайного положения. Безусловно, режим чрезвычайного положения, как мы уже говорили, является неотъемлемым и, пожалуй, одним из самых важных элементов национальной системы безопасности государства.

Указанный правовой режим состоит из комплекса согласованных элементов правового института, определяющих:

- Государственный орган, наделенный исключительным правом введения чрезвычайного положения
- Очевидно, основания для введения данного режима
- Порядок введения и снятия чрезвычайного положения
- Особый режим деятельности государственных органов и частных предприятий
- Временные изменения в предметах ведения и полномочий между центром и субъектами государства (соответственно в федеративных государствах)

В основе функционирования чрезвычайного положения лежит парламентский контроль. Исполнительная власть не подотчетна законодательной в условиях быстрого реагирования на возникшие чрезвычайные ситуации, при этом

в полномочия законодателя входят контроль за действиями главы исполнительной власти и определение объемов и методов такого реагирования.

Чрезвычайное положение подразумевает под собой переход к особым методам управления государством. Изменяются полномочия различных государственных органов, ограничиваются конституционные права и свободы граждан с одновременным возложением на них новых обязанностей.

На законодательном уровне понятие чрезвычайного положения закрепляется в ФКЗ «О чрезвычайном положении» [2]: «Чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей».

Одним из важнейших аспектов теории чрезвычайного положения являются причины, которые приводят к его возникновению. Недостаточная проработанность этого вопроса может привести к ситуации, когда государство будет использовать институт чрезвычайного положения с целью решения не какой-либо чрезвычайной ситуации, а политических задач путём девальвации существующего правопорядка.

Вопрос о временных границах чрезвычайных полномочий крайне важен так же, как точное понимание, когда необходимо прекращать действие чрезвычайных полномочий с целью недопустимости узурпации власти.

Как показывает исторический опыт, люди крайне редко добровольно слагают с себя властные полномочия, исключением являются страны с развитыми демократическими институтами, в прочих же власть, как правило, приходится отнимать силой. То же самое может произойти и с наделённым чрезвычайными полномочиями органом власти в лице его руководителя. В таких случаях необходимо чёткое понимание процедуры возврата в исходное состояние.

Законодательство российской федерации даёт следующие ответы на поставленные вопросы.

В статье 2 Федерального конституционного закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» сказано, что «Целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации».

Согласно статье 3 чрезвычайное положение вводится в обстоятельствах представляющих непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, решение которых невозможно без применения чрезвычайных мер.

Принятие решения о введении чрезвычайного положения закон возлагает на президента Российской Федерации статьей 4.

Стоит сказать, что в большинстве стран полномочия по введению чрезвычайного положения также возложены на главу государства.

Таким образом, вопрос о причинах введения чрезвычайного положения решается только частично. Несмотря на то, что в статье 2 перечисляются ситуации, при которых необходимо вводить чрезвычайное положение, оценка опасности от того или иного явления относится к компетенции президента. Соответственно, есть риск того, что эта оценка может быть недобросовестной или ошибочной. В обоих случаях это решается путём одобрения этого решения советом федерации.

Стоит также упомянуть обзор 36 стран, проведённый под руководством ООН. Обзор ставил своей целью составить исчерпывающий перечень ситуаций, при которых необходимо введение чрезвычайного положения. Было определено семь групп обстоятельств.

1. Внешняя угроза (война, обеспечение безопасности государства, международный конфликт)
2. Восстание гражданская война.
3. Нарушения мира, публичного порядка
4. Угроза конституционному строю;
5. Стихийные бедствия
6. Угроза экономической жизни страны
7. Нарушение функционирования жизненно важных отраслей экономики или общественных служб. [2]

В то же время опасность злоупотребления полномочиями всё ещё остаётся. Решить эту проблему можно было бы путём составления точно определённых ситуаций, при которых необходимо применение чрезвычайных мер, но в этом случае велика вероятность возникновения ситуаций, не предусмотренных законом и, тем не менее, требующих чрезвычайных полномочий для её решения.

Касательно же ФКЗ «О чрезвычайном положении», Совет Федерации обязан одобрить решение президента о введении чрезвычайного положения.

В данной ситуации Совет Федерации является контролирующим органом, противовесом власти президента. Этот механизм существенно уменьшает возможности спекуляции со стороны главы государства.

Сам по себе, институт чрезвычайного положения предполагает временный характер, что нашло отражение и в ФКЗ.

Касательно временных рамок чрезвычайного положения, согласно статье 9, регламентирующей срок действия чрезвычайного положения, срок чрезвычайного положения, вводимого на территории РФ, не может превышать 30 суток, а в отдельных местах 60. В случае, если в указан-

ный срок ситуация, ставшая причиной введения чрезвычайного положения, не будет устранена, режим продлевается очередным указом президента. Этот указ также поступает на рассмотрение Советом Федерации. Статья 10 предусматривает возможность президента досрочной отмены режима чрезвычайного положения.

Исходя из анализа вышеперечисленных статей, ограничивающих действие чрезвычайного положения во времени, можно сказать, что временные рамки действия чрезвычайного положения и необходимость получения разрешения Совета Федерации на его продление способствуют недопущению произвола.

В то же время остаются опасность некорректной оценки сложившейся ситуации. Например, ситуация с пандемией коронавируса, по формальному признаку её можно отнести к ситуации, указанной в пункте «б» статьи 3, а именно чрезвычайной ситуации природного характера, представляющей непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан. При этом чрезвычайное положение введено не было. В то же время страны северной Европы также не стали вводить режим чрезвычайного положения.

Ситуация с вирусом наглядно продемонстрировала, что существующие механизмы, призванные не допускать использование института чрезвычайного положения, не работают в должной мере. Всё ещё остаётся вероятность намеренного преувеличения опасности с целью введения чрезвычайного положения и дальнейшего его продления.

Так же, следует обозначить проблему теории чрезвычайного положения, высказанную Джорджо Агамбеном в книге «Homo sacer. Чрезвычайное положение». Он полагает, что теория чрезвычайного положения становится как нельзя актуальна, так как: «чрезвычайное положение всё более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики. Превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать — и фактически уже ощутимо преобразовало — структуру и смысл различных традиционных конституционных форм» [3, с. 9].

Д. Агамбен считает, что «мысль о том, что приостановление действия права может быть необходимым для общего блага, не свойственно средневековому миру. Чрезвычайное положение стремится войти в правовую систему и стать подлинным «состоянием» права лишь в современную эпоху» [3, с. 46] Связано это с тем, что в XX в. в Европе всё ещё применялись институты неограниченных полномочий. Некоторые статьи конституций европейских стран, могут привести к кардинальному изменению все политической жизни страны. Например, 16 статья Конституции Франции.

В то же время Д. Агамбен отмечает тот факт, что чрезвычайное положение превращается из временных по своему характеру чрезвычайных мер в управленческую парадигму.

В результате своего исследования Агамбен пришёл к выводу, что чрезвычайное положение является зоной анемии,

в которой все юридические понятия парализованы. Любые теории чрезвычайного положения, имеющие своей целью связать его с правом, ошибочны.

Вывод. Несмотря на то, что теория о чрезвычайном положении впервые была описана ещё в начале XX в. Карлом Шмитом, на сегодняшний день мы не имеем полноценной теории чрезвычайного положения.

Тем не менее, чрезвычайное положение — одно из наиболее значимых явлений публичного права любого современного государства. В независимости от режима и формы правления.

Остаются неразрешёнными проблемы недобросовестной оценки опасности того или иного явления с целью девальвации существующего правопорядка и решения политических проблем.

В нашей работе мы достигли поставленной цели, проведя комплексный анализ режима чрезвычайного положения, определив существующие нерешенные проблемы: злоупотребление исключительными полномочиями, из чего может вытекать узурпация власти, проблему законности режима чрезвычайного положения и др. Решить данные проблемы удалось частично в связи с недостаточной проработанности теоретической базы данной темы.

Литература:

1. Конституционные акты Франции Конституционный закон от 3 июня 1958 г.
2. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»
3. Джорджо Агамбен Номо sacer. Чрезвычайное положение. — М.: Издательство «Европа»,
4. Доклад СВОП «Режим чрезвычайного положения: Опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах». — Текст: электронный // svop.ru: [сайт]. — URL: <http://svop.ru/meeting/y1992/1032/> (дата обращения: 29.06.2020).

Анализ современного состояния и тенденции развития налогового контроля в Российской Федерации

Берг Наталья Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент;

Пухова Юлия Владимировна, студент магистратуры

Челябинский государственный университет

Налоговый кодекс РФ, устанавливая общие правила регулирования налогов и сборов, закрепляет различные формы фискального администрирования и контроля. К определению категорий «администрирование» и «контроль» существуют различные подходы.

Администрированием следует считать следующие процедуры, осуществляемые налоговыми органами: постановка на учет физических и юридических лиц, информирование налогоплательщика о порядке применения налогового законодательства, направление налоговых уведомлений, взаимодействие с налогоплательщиками через личный кабинет, внесение сведений в документы, регистрация имущества в целях придания им статуса объектов налогообложения, проведение регистрационных действий, являющихся условиями возникновения налоговой обязанности и др. Таким образом, упомянутые выше формы налогового контроля, закрепленные законодателем статьями 83–86 Налогового Кодекса РФ носят характер администрирования.

При анализе судебной практики установлено, что основными причинами налоговых споров являются не формы фискального администрирования, а те которые приводят к доначислению сумм налогов.

Так, основными претензиями к налоговым органам при проведении мероприятий налогового контроля стали истребование документов, проведение допросов и осмотров. Анализ налогового законодательства, а также практики ее применения позволяет сделать вывод о том, что сложившиеся негативные аспекты в проведении форм налогового контроля не позволяют в полной мере использовать методы налогового контроля должностными лицами налогового органа для эффективной работы.

Вместе с тем, по мнению Е. Л. Васяниной налоговые органы наделены неограниченными полномочиями в сфере налогового администрирования и контроля, также по ее мнению налоговые органы осуществляют обязанности, которые не закреплены законодательными актами, среди них осмотр помещений, территорий, документов и предметов в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки и рассмотрение деятельности налогоплательщиков на заседании комиссий по легализации налоговой базы. [2]

Негативные аспекты в процедуре осмотра также находит Передернин А. В. Он отмечает противоречие в ст. 82 и 92 НК РФ. В ч. 2 п. 1 ст. 82 «Общие положения о налоговом контроле» указано, что должностными лицами налого-

вых органов может проводиться осмотр помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли). В ст. 92 НК РФ определено, что должностное лицо налогового органа, производящее выездную налоговую проверку, в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки, вправе производить осмотр территорий, помещений налогоплательщика (участника консолидированной группы налогоплательщиков), в отношении которого проводится налоговая проверка, документов и предметов. В данной статье по отношению к осмотру словосочетание «используемых для извлечения дохода (прибыли)» отсутствует. [3]

Действительно, стоит признать, что ст. 92 НК РФ не содержит развернутого перечня документов и предметов, который налоговый орган вправе осматривать. Однако, если данный перечень возможно закрепить законодательно, то необходимо предусмотреть негативные последствия данного закрепления, которые будут однозначно ограничивать не только должностных лиц налоговых органов при проведении процедуры осмотра, но также возможность налогоплательщика дополнительными доказательствами подкреплять свою точку зрения относительно правомерности задокументированной им деятельности. В тоже время необходимо понимать, что специфика каждой отдельной деятельности каждого налогоплательщика предполагает и разные способы ее осуществления, а также предметы, используемые для ее реализации.

В отношении комиссий по легализации, проводимых налоговыми органами следует также отметить, что действительно данное мероприятие налогового контроля не имеет четкого законодательного закрепления, однако данная процедура не является формой или методом налогового контроля, результаты которых могли бы привести к доначислению налогов и сборов.

Многочисленные негативные аспекты несет и истребование документов у налогоплательщика. Так, по мнению Юдаковой О. В. Налоговый кодекс РФ не содержит открытый перечень документов, который истребует налоговый орган, что и порождает споры между налогоплательщиками и налоговыми органами. При этом, по мнению Юдаковой О. В. истребование налоговыми органами регистров бухгалтерского, а не налогового учета, которые не являются источником формирования налогооблагаемой базы, служебную переписку между налогоплательщиком и его контрагентом, подтверждение проявления должной осмотрительности при выборе контрагента и другие документы, не относятся к тем документам, которые обозначены в статьях 21 и 31 НК РФ. Еще одной немаловажной проблемой, по мнению Юдаковой О. В. является истребование большого количества документов, назначение и проведение экспертизы, применение автоматизированной системы контроля НДС — 2, которая внедрена в систему налогового контроля в 2017 году. По ее мнению система АСК НДС-2 некорректна, при ее использовании добросовестный налогоплательщик, который не знал и не мог знать, что в четвер-

том или пятом звене от его сделки какая-то фирма не задекларировала полученный НДС, попадает под подозрение как выгодоприобретатель, а еще хуже под налоговую проверку. Самое главное, что оправдываться приходится не организации, которая не задекларировала полученный НДС и которая из-за отсутствия денежных средств не понесет ответственность, а добросовестному налогоплательщику, который занимается реальным бизнесом и, с которого можно что-то взять. [6]

Аналогичного мнения придерживается и Федюнин А. Н. По его мнению, основной проблемой, которая возникает на практике, является взыскание денежных средств с неверного налогоплательщика. Суть ее заключается в том, что налоговые органы центрального аппарата в делах, касающихся необоснованной налоговой выгоды, не заинтересованы в поисках реального виновника нарушения. Поскольку даже в случае его обнаружения и передачи данных в тот налоговый орган, где он стоит на учете, никаких плюсов с точки зрения статистики налоговый орган не получает. Поэтому и поиск виновника нарушения перекладывается на налогоплательщика. [5]

Одновременно с этим, имеется противоположное мнение в отношении налогового контроля. Так, например, Сидорова Е. А., Вакунова А. В. предлагают ужесточить налоговый контроль вплоть до возвращения к функционированию такого органа, как налоговая полиция, либо созданию структурного органа, чьи полномочия не будут схожи с полномочиями налоговых органов. [4]

При анализе судебной практики можно прийти к выводу, что подавляющее большинство налоговых споров возникает между налогоплательщиками и налоговым органом в ходе проведения камеральных и выездных проверок. Основанием для доначислений служат доказательства документирования налогоплательщиками фиктивных операций с организациями, участвующими в схемах по уходу от налогообложения и предоставляющих организациям реального сектора экономики формального права на применение налоговых вычетов по НДС, фиктивных расходов по налогу на прибыль, влекущие за собой искажение и неверное исчисление налоговой базы с последующим занижением сумм к уплате налога с бюджет.

Недобросовестными налогоплательщиками в рассматриваемой судебной практике не приводится в подтверждение реальности задокументированных сделок дополнительная информация, документы, пояснения, позволяющие идентифицировать реального контрагента.

Также следует отметить, что контрагенты, сделки с которыми попадали под пристальное внимание налогового органа являлись организациями, не обладающими признаками реально действующих. Документы данными контрагентами представляются по требованию налоговых органов крайне редко и в неполном объеме. Руководители и учредители данных организаций являются «номинальными», могут носить «массовый» характер, уклоняются от явки и от дачи показаний, либо не владеют информацией о дея-

тельности организации, в которых являются законными представителями. Организации не располагаются по месту регистрации фирмы, при проведении мероприятий налогового контроля в целях подтверждения юридического адреса организации может быть вывеска с ее наименованием, однако представители данных фирм не появляются в данных местах, корреспонденцию не забирают, деятельность по адресу не осуществляют.

Основной целью фирм-однодневок является предоставление необоснованной налоговой выгоды — создание фиктивных вычетов, расходов без соответствующего движения товара (работ, услуг). В данном случае организация, желающая получить налоговую выгоду, заключает договор с контрагентом, не исполняющим свои налоговые обязательства, перечисляет ему определенную сумму. Со стороны контрагента условия договора фактически не исполняются, составляются только лишь необходимые первичные документы, подтверждающие совершение операций.

За фирмой-однодневкой остается вторая нерешенная задача — вывод денежных средств в наличную форму, либо за границу, что сопряжено с незаконной банковской деятельностью.

В настоящее время в нормативно-правовых актах отсутствует понятие фирмы-однодневки, ее характерные признаки. И хотя налоговыми органами успешно проводятся мероприятия по исключению данных организаций в ЕГРЮЛ, ЕГРНИП, вопрос предупреждения регистрации данных организаций в настоящее время стоит остро.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что налоговые споры на самом деле под собой имеют более глубокую мотивную природу, нежели формальное соблюдение законности мероприятий налогового контроля проводимыми налоговыми органами. В то же время имеющиеся пробелы в налоговом законодательстве нередко позволяют признавать результаты мероприятий налогового контроля недопустимыми при рассмотрении налоговых споров судами. Данные пробелы отрицательно сказываются на эффективности налогового контроля. Помимо этого, следует обратить внимание на организации, участвующие в схемах по уходу от налогообложения и предоставляющие реальному сектору экономики налоговые преференции. В экономическом процессе, к сожалению, присутствует определенная категория хозяйствующих субъектов, использующих в своих корыстных целях несовершенство налогового законодательства и противоречивость арбитражной практики.

Литература:

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018)
2. Васянина Е. Л. Актуальные проблемы налогового права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 111.
3. Передернин А. В Правовые проблемы исполнения налоговыми органами государственных функций по контролю и надзору // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 1 (10). С. 127–134.
4. Сидорова Е. А., Вакунова А. В. Отсутствие системы контроля налоговых органов // Фундаментальные и прикладные исследования гуманитарных и естественных наук: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты. Энгельс: Общество с ограниченной ответственностью «Академия управления», 2018. С. 83–85.
5. Федюнин А. Н. Актуальные проблемы законодательства в сфере налогового контроля // Наука современности: проблемы и решения. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 146–151.
6. Юдакова О. В. Актуальные проблемы налогового контроля // EUROPEAN SCIENTIFIC CONFERENCE. Пенза: «Наука и Просвещение», 2019. С. 142–145.

Понятие и значение ипотеки в Российской Федерации

Булгакова Ирина Олеговна, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья посвящена изучению понятия ипотеки и ипотечного кредита, определению сущности ипотеки, выявлению ее значения на современном этапе развития.

Ключевые слова: ипотека, ипотечное кредитование, предмет ипотеки, значение ипотеки.

В научной литературе зачастую под термином «ипотека» понимается «ипотечный кредит». Однако, хоть слово «ипотека» в большинстве случаев применяется в совокупности со словом «кредит», оно имеет самостоятельное значение.

В целях определения сущности ипотеки необходимо сопоставить понятия «ипотека» и «ипотечный кредит» — определить их значение и четко разграничить.

Для разграничения указанных понятий обратимся к научной литературе.

По мнению Грудцыной Л. Ю. ипотека представляет собой залог недвижимости для обеспечения денежного требования кредитора-залогодержателя к должнику (залогодателю) [3]. Данный подход отражает понятие «ипотеки» не в полном объеме, конкретно, указаны не все стороны, участвующие в сделке.

Чередникова А. О. полагает, что ипотека — это залог недвижимого имущества, который осуществляется без передачи этого имущества во владение залоговому кредитору [8].

Косарева Н. Б. раскрывает понятие ипотеки как способ обеспечения обязательства заемщика перед кредитором в форме залога недвижимого имущества, когда кредитор получает удовлетворение своих денежных требований из стоимости заложенного недвижимого имущества [6]. Данный подход представляется наиболее правильным, так как в нем наиболее полно отображены все субъекты и объекты ипотечных взаимоотношений, а также оно является наиболее развернутым.

Тарасов В. И. придерживается точки зрения, что «ипотечный кредит» представляет собой тип экономических отношений по поводу предоставления ссуд под залог недвижимого имущества». В то же время Тагирбеков К. Р. представляет ипотечный кредит как «форму кредитования под залог недвижимости различного вида».

Следует отметить, что принципиальной разницы в формулировке сущности ипотеки и ипотечного кредита практически не наблюдается, все авторы сходятся в одном, что ипотечный кредит предоставляется под залог недвижимости, что, по мнению Дятлова Д. В. [4], является правильным и выступает главной особенностью и специфической чертой ипотечного кредитования.

Исходя из изложенного можно прийти к следующему выводу — ипотека представляет собой залог объектов недвижимости, в то время как ипотечный кредит представляет собой кредит под залог объектов недвижимости.

Чтобы определить сущность понятия «ипотека», следует конкретизировать, что является ее предметом. В научной литературе авторы высказывают различные мнения по данному вопросу. В частности, можно выделить три основных направления.

Первый подход определяет, что в качестве предмета ипотеки выступает только имущество, признанное недвижимым в соответствии со ст. 130 ГК РФ. Согласно второму подходу предметом ипотеки кроме недвижимого имущества могут выступать также права на него.

Что касается третьего подхода, то предметом ипотеки в данном случае может быть помимо имущества, существующего в натуре и прав на него, также недвижимое имущество, которое перейдет в собственность залогодателя в будущем. Данный подход по мнению Лепехина И. А., в этом споре является наиболее правильным [7]. Согласно положениям ГК РФ (п. 6 ст. 340), допускается залог вещей, которые залогодателем будут приобретаться в будущем. Данное положение делает возможным использование

жилого помещения, которое будет приобретено впоследствии, в качестве обеспечения обязательства должника перед кредитором по договору ипотечного жилищного кредитования.

В соответствии с законом об ипотеке в качестве объектов ипотечного кредитования могут выступать: 1) земельные участки, за исключением находящихся в муниципальной или государственной собственности и не предназначенных для жилищного строительства (ст. 63 Федерального закона «Об ипотеке»); 2) предприятия, а также здания, сооружения и иное недвижимое имущество, используемое в предпринимательской деятельности; 3) жилые дома, квартиры и части жилых домов и квартир, состоящие из одной или нескольких изолированных комнат; 4) садовые дома, гаражи и другие строения потребительского назначения; 5) воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания; 6) машино-места [1].

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об ипотеке» по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона — залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны — залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом [1].

Проведя анализ представленных позиций относительно понятия «ипотеки» можно дать исчерпывающее определение ипотеки как вещного способа обеспечения обязательства, когда предметом залога выступают недвижимое имущество, которое существует в натуре или которое залогодатель приобретет в будущем, либо принадлежащие залогодателю права на недвижимое имущество, заключающегося в праве залогодержателя получить удовлетворение своих требований из стоимости заложенного недвижимого имущества или прав на него преимущественно перед другими кредиторами.

Ипотека является одним из проверенных способов в мировой практике по привлечению вложений в жилищную сферу.

Формирование системы ипотеки является одной из наиболее важных экономических и социальных задач в современной России, поскольку затрагивает такие острейшие проблемы, как обеспечение жильем, распределение доходов населения, кардинальное ускорение жилищного строительства и связанных с ним отраслей производства [5].

Ипотека жилых помещений на сегодняшний день для населения России является наиболее подходящей формой реального решения жилищной проблемы. Кроме того, ее можно обозначить как один из самых проверенных в практике и надежных способов привлечения способов привлечения внебюджетных инвестиций в жилищную сферу. Именно ипотека позволяет согласовать интересы населения, коммерческих банков, строительного комплекса,

а также государства. Так, в настоящее время наблюдается рост ипотечного кредитования. Рынок ипотечного кредитования России с 2016 по 2018 года имел тенденцию роста, объем предоставленных ипотечных кредитов в данный период вырос на 74,1% и за 2017 год составил 2,017 триллиона рублей [9]. Согласно статистическим данным на начало 2020 года наблюдается рост выдачи ипотечного кредита по сравнению с прошлым годом на 14%.

В настоящее время ипотека представляет собой единственный обеспеченный механизм по предоставлению гражданам необходимого жилья. Ипотека — одна из форм залога, при которой закладываемое недвижимое имущество остается в собственности должника, при этом кредитор в случае невыполнения последним своего обязательства приобретает право получить удовлетворение за счёт реализации данного имущества. Ипотечкой является также залог уже существующего недвижимого имущества соб-

ственника для получения им кредита или займа, которые будут направлены либо на ремонт или строительство, либо на иные нужды по усмотрению заемщика-залогодателя.

Различные авторы выделяют множество проблем в ипотечном кредитовании в РФ, например: 1) низкая платежеспособность населения; 2) высокий уровень инфляции; 3) снижение спроса на ипотечный кредит; 4) высокие процентные ставки и другие, и все они должны решаться незамедлительно. Решение указанных проблем должно способствовать равномерному развитию ипотеки на территории всей страны с поддержкой государства, которая должна обеспечивать необходимые условия для деятельности и развития ипотеки. При условии достижения уровня стабильности экономики страны и приближения ее к уровню высокоразвитых государств, ипотека станет выгодной как для населения, так и для банковских учреждений.

Литература:

1. Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
3. Грудцына, Л. Ю. Ипотека-Кредит. Комментарий жилищного законодательства: учеб. пособие. М.: «Эксмо», 2006.
4. Дятлов, Д. В. Ипотечный кредит: понятие, виды, классификация/ Д. В. Дятлов, М. В. Антонова// Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 2 (42). С. 240–245.
5. Карманчикова, М. Ю. Проблемы и пути решения ипотечного кредитования/ М. Ю. Карманчикова, Ю. В. Болтенкова// В сборнике: Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня основания НИУ «БелГУ». 2016. С. 299–301.
6. Косарева, Н. Б. Основы ипотечного кредитования: учеб. пособие. М.: «Финансы и статистика», 2006.
7. Лепехин, И. А. Теоретический анализ понятия «ипотека» как правового института/ И. А. Лепехин// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28 (161). С. 62–64.
8. Чередникова, А. О. Особенности ипотеки как формы кредитования. Сущность, содержание и основные черты ипотечного кредитования/ А. О. Лепехин// Российское предпринимательство. 2010. № 4–1. С. 94–97.
9. Хохлова М. М. Анализ и тенденции развития ипотечного кредитования в РФ //Интеграция наук. 2019. № 1 (24). С. 212.

Правовое положение государства как участника международного частного права

Вашурина Светлана Сергеевна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Данная научная статья посвящена актуальным вопросам правового положения государства как участника международного частного права, в частности, автор рассматривает вопрос применения такого института международного частного права, как юрисдикционного иммунитета государства и его собственности при судебном разбирательстве. В настоящей работе автор рассматривает основные положения теорий абсолютного и ограниченного иммунитета иностранного государства, а также уделяет особое внимание критериям разграничения действий государства, совершаемых в коммерческих целях, от действий, направленных на осуществление суверенных функций.

Ключевые слова: иностранное государство, юрисдикция, юрисдикционный иммунитет, судебная практика, международное частное право, суверенные функции, абсолютный иммунитет, функциональный иммунитет

Для современного мира развитие международной торговли, а также экономического сближения многих государств не может оставаться незамеченным. Данные процессы оказывают явное влияние на развитие и совершенствование правовых норм, регулирующих внешне-экономическую деятельность. Конечно, такое развитие и совершенствование правовых норм касается не только внутригосударственного права, но и международного права, как частного, так и публичного. Известно, что во внешне-торговых отношениях могут принимать участие и государства, как субъекты права. В связи с чем возникает вопрос о правовом положении государства в международных торговых отношениях. Более того, остро встает вопрос о возможности осуществления юрисдикции в отношении государства как субъекта права и привлечения его к ответственности в случае нарушения им обязательств.

Исходя, в первую очередь, из природы государства как участника правоотношений, необходимо указать, что этот субъект имеет свои особенности. В международном частном праве существует институт юрисдикционного иммунитета государства и его собственности, который позволяет изъять государство из-под действия внутригосударственного права и судопроизводства против него. Однако данное правило не является безусловным, то есть в определенных случаях государство, как субъект внешне-торговых отношений, может подпадать под иную юрисдикцию. Основная проблема, которая возникает в вопросах применения юрисдикционного иммунитета к государству и его собственности, безусловно, это выработка критериев разграничения действий государства, как субъекта хозяйственной деятельности, и как субъекта, осуществляющего действия, направленных на осуществление суверенных функций.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемных вопросов правового положения государства в международных частно-правовых отношениях, а также применения института юрисдикционного иммунитета и осуществления принудительных действий в отношении имущества иностранного государства, посредством изучения как доктрины международного частного права, так и правовых норм, регулирующих эти отношения на международном и внутригосударственном уровнях.

Первостепенно для рассмотрения природы юрисдикционных иммунитетов государств, необходимо обратиться к понятию международной судебной юрисдикции по трансграничным гражданским делам. Стоит отметить, что понятие «юрисдикция» (*jurisdictio*) употребляется не только в международном частном, но и в международном публичном праве, где приравнивается к понятию «государственная власть» (*imperium*) и означает сферу суверенной власти государства в сфере законодательства, судебной власти и государственного управления. Что же касается понятия «юрисдикция» в международном частном праве, то в доктрине, можно встретить различные подходы. Например, Л. А. Лунц, приравнивает это понятие к понятию «между-

народной подведомственности», которое в свою очередь обозначает компетенцию судебных и административных органов -государства по разрешению определенного рода гражданских дел с иностранным элементом [3, с. 30–31]. В свою очередь, Б. М. Клименко, выражал позицию, в соответствии с которой понятие «юрисдикции государства» нельзя отождествлять с понятием территориального верховенства, так как по его мнению, юрисдикция государства — это право компетентных судебных и административных органов по рассмотрению и разрешению всех дел на территории государства.

Вероятно, что данная позиция более верна, так как понятие юрисдикции зачастую шире, чем территориальное верховенство. Последнее в свою очередь ограничено территорией государства, в то время как юрисдикция государства может распространяться и за ее пределы.

В ряде научных работ отечественных правоведов Т. Н. Нешатаевой [4, с. 9–21] и В. Н. Плигина [6, с. 33] можно встретить отождествление понятия «юрисдикция» с понятием «международная подсудность», однако при более детальном рассмотрении можно обнаружить, что эти понятия не являются идентичными. Более того, стоит обратить внимание, что и в зарубежной терминологии, используемой в нормативно-правовых актах или правовых доктринах, можно встретить путаницу в терминах. Можно заметить, что в зарубежном праве Англии, Италии и Франции применяются такие термины как юрисдикция и компетенция, более того, последний термин не является однозначным.

В праве Англии можно встретить такой термин как «*jurisdiction*», обозначающий компетенцию судов определенной страны по рассмотрению гражданских дел с иностранным элементом. Таким образом, юрисдикция в праве Англии включает в себя более узкое понятие компетенции. В праве Франции, как и в праве Италии понятия юрисдикции и компетенции разграничиваются. Вопрос о «юрисдикции» понимается как вопрос о разграничении предметов ведения между государствами, в то время как «компетенция» отвечает на вопрос о подсудности споров внутри государства.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в международном частном праве отсутствует единая терминология относительно понятия «юрисдикция». Для разрешения этой проблемы международные договоры зачастую содержат в себе более широкое понятие «компетенция», что приводит к решению вопроса о квалификации юридических понятий и позволяет избежать возникновения коллизий.

Переходя непосредственно к вопросу юрисдикционного иммунитета государства, стоит отметить, что в системе международных отношений центральное место занимает государство, оно является системообразующим элементом этих отношений. Однако нельзя отрицать, что суверенитет государства делает его принципиально отличным субъектом как в международном праве, так и в внутригосударственном праве. Несмотря на такой характерную специфику

государства, как субъекта, не мешает ему вступать в частноправовые отношения, характеризующиеся независимостью и равноправием сторон, свободой воли и неприкосновенностью частной собственности. В связи с чем, можно утверждать, что властная природа и суверенитет государства, участвующего в частноправовых отношениях не изменит их природу, но эти характерные признаки не могут не сказаться на его правовом положении.

Государство достаточно часто становится участником частноправовых трансграничных отношений, это может происходить по различным причинам, например, государство арендует земельный участок и здания, расположенные на нем для дипломатического или консульского учреждения в иностранном государстве. Сегодня встретить такие правоотношения не является диковинкой, зачастую можно видеть, что государство выступает стороной в договорах подряда, аренды, фрахта судов и тому подобное. Более того, в настоящее время в такие отношения вступают все государства несмотря на их экономическое положение, что говорит, в первую очередь, о том, что необходимо развивать и совершенствовать правовое регулирование таких отношений.

Возвращаясь к особенностям государства, как участника правоотношений, необходимо обозначить, что основная особенность правового режима государства как участника международно-правовой деятельности заключается в его иммунитете от иностранной юрисдикции [1, с. 222].

Обратившись к доктринальному определению юрисдикционного иммунитета, можно встретить как минимум две позиции. Одна позиция гласит, что юрисдикционный иммунитет — это право иностранного государства не подчиняться юрисдикции другого государства. Следовательно, это право позволяет иностранному государству не подчиняться каким-либо принудительным мерам судебных, административных и иных органов другого государства. Другая позиция гласит, что юрисдикционный иммунитет ничто иное, как отказ государства от применения каких-либо принудительных мер со стороны судебных, административных и иных органов в отношении иностранного государства.

Рассматривая появление такого правового института как иммунитет суверена, можно обратиться к известной со средних времен формуле *«par in parem non habet imperium»*, которая означает — равный не имеет власти над равным. В дальнейшем именно из этой формулы появилась концепция абсолютного юрисдикционного иммунитета, появившаяся в начале XIX века, которая была поддержана судьями семьи общего права.

Именно в начале этого столетия судебная практика и доктрина признали, что иммунитет государства является нормой международного права, порожденной объективной потребностью взаимодействия государств на территории друг друга [1, с. 224]. В правовой действительности, существовавшей в тот период времени, для государства не было никаких исключений, согласно которым на него могла рас-

пространиться юрисдикция иностранного государства. Более того, стоит обратить внимание на то, что к концу XIX столетия юрисдикционный иммунитет получил статус общепризнанной правовой нормы, которую достаточно трудно изменить и преодолеть.

Однако в конце XIX-начале XX века государство стало более активным участником коммерческих отношений, в том числе, и с иностранными контрагентами. В результате, вступающие в отношения с государством юридические и физические иностранные контрагенты оказывались в таком положении, при котором было просто невозможно реализовать свое право на судебную защиту. В связи с чем стала меняться и судебная практика, и правовая доктрина. Таким образом, во второй половине XX века в противовес концепции абсолютного иммунитета появилась концепция функционального (ограниченного) иммунитета государства.

Теория функционального (ограниченного) иммунитета гласит, что иммунитет иностранному государству предоставляется лишь в тех случаях, когда оно осуществляет суверенные функции. Если же иностранное государство заключает торговые сделки, эксплуатирует торговый флот, то есть совершает действия оно не пользуется иммунитетом [3, с 6–7].

Существование двух противоположных концепций применения института юрисдикционного иммунитета породило главный вопрос, касающийся правового положения государства как субъекта международного частного права. Более того, ситуация осложнялась и тем, что разрешение вопроса применения или неприменения иммунитета государства получило и политическую окраску, а на уровне национального права не существует и не может существовать единого подхода к решению этой проблемы. В связи с чем приведение правовых норм относительно вопроса юрисдикционного иммунитета государства к единому знаменателю легло на плечи международного права.

Брюссельская конвенция от 10 апреля 1926 г. и Дополнительный протокол к ней 1934 года были первой попыткой унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных торговых судов []. Стоит отметить, что этот международно-правовой акт был основан на теории функционального иммунитета, так как она приравнивает режимы государственных торговых судов и грузов, находящихся в собственности негосударственных физических и юридических лиц, допуская арест государственных иностранных судов и грузов и обращение на них взыскания.

Европейская конвенция об иммунитете государств и дополнительный протокол к ней, принятые Советом Европы в 1972 году, стала первым международно-правовым договором, специально посвященным проблеме юрисдикционного иммунитета государств. Более того, стоит отметить, что этот региональный договор стал катализатором для того, чтобы рассмотрение и разрешение вопроса юрисдикционных иммунитетов вышло на универсальный уровень. Так и произошло, в 1977 году вопрос об иммунитете

был включен в программу работы комиссии по международному праву с целью подготовки международного договора. В результате длительной и кропотливой работы Генеральной Ассамблеи ООН в 2004 году была принята Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (далее — Конвенция ООН).

Однако необходимо отметить, что Конвенция ООН разрабатывалась и принималась достаточно тяжело из-за большого количества разногласий государств относительно некоторых статей этого документа. Более того, на сегодняшний день Конвенция ООН все еще не вступила в силу, так как по состоянию на 19 августа 2019 года ее ратифицировало лишь 22 государства, а сама Конвенция предусматривает вступление в силу на тридцатый день после сдачи тридцатой ратификационной грамоты. Думается, что столь длительное подписание и ратификация этого документа является яркой иллюстрацией отношения национальных правительств и правовых систем к вопросу юрисдикционного иммунитета государства.

Необходимо отметить, что и Брюссельская конвенция 1926 года, и Европейская конвенция 1972 года, и Конвенция ООН 2004 года по-разному определяют объем иммунитета, условия его использования, но каждый из этих актов подтверждают право государства на иммунитете от иностранной юрисдикции в качестве общепризнанного начала как международного публичного, так и частного права.

Что же касается национального законодательства государств относительно норм об иммунитетах иностранного государства то стоит сказать о том, что первые законодательные акты стали появляться во второй половине XX века, в частности, статью 1604 закона США 1976 года «Об иммунитетах иностранного государства», которая устанавливает, что «иностранное государство обладает иммунитетом от юрисдикции в судах Соединенных Штатов Америки и в судах штатов...», ст. 1 Акта об иммунитете иностранного государства», принятого в Великобритании в 1978 году, гласит, что «государство обладает иммунитетом от юрисдикции судов Соединенного Королевства...», и это право признается за иностранным государством, даже если оно не участвует в процессе. Принятый в 2015 году Федеральный закон N 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» стал первым единым правовым актом национального законодательства, который разрешает вопросы применения юрисдикционных иммунитетов на территории Российской Федерации.

Юрисдикционный иммунитет можно рассматривать как совокупность трех видов иммунитетов иностранного государства, которые выделяют доктрина и судебная практика:

- во-первых, судебный иммунитет, то есть неподсудность иностранного государства судам другого государства. Судебный иммунитет предполагает, что ни одно государство не может принудить другое выступать в качестве ответчика в судебном процессе,

более того, судебный иммунитет так же предполагает, что государство не может отказать иностранному государству в праве выступать истцом в судебном процессе. Так же характерной чертой судебного иммунитета выделяют то, что иностранное государство становится подсудно судам другого государства, только если первое явно и недвусмысленно выразило свое согласие на это.

- во-вторых, иммунитет от предварительного обеспечения иска. Данный иммунитет означает, что в порядке обеспечения иска имущество иностранного государства не может быть подвергнуто каким-либо принудительным мерам со стороны другого государства;
- в-третьих, иммунитет от принудительного исполнения судебного решения, который предполагает недопустимость обращения на имущество иностранного государства меры принудительного исполнения судебного решения [3, с. 6];
- в-четвертых, иммунитет собственности государства, который означает правовой режим неприкосновенности государственной собственности, находящейся на территории иностранного государства;
- в-пятых, иммунитет от применения иностранного права (иммунитет сделок с участием государства), проистекающий исключительно из сделок, в которых государство выступает стороной, и состоящий в том, что к таким сделкам должно применяться право государства, являющегося стороной, если сторонами не согласовано иное.

Более того, указанные иммунитеты являются не только результатом доктринальной разработки, но и подтверждены судебной практикой. Например, обратившись к решению Арбитражного института при Стокгольмской палате в отношении спора Noga против Российской Федерации, можно увидеть, как в данном случае сработал иммунитет собственности государства. Так как швейцарская фирма неоднократно пыталась наложить арест на имущество Российской Федерации, находящееся за рубежом, но эти попытки не особо увенчались успехом в виду того, что суды первой инстанции отказывались в наложении ареста, а в случае, если арест на имущество был наложен, то вышестоящие суды отменяли такие решения.

Возвращаясь к вопросам существования двух теорий применения юрисдикционного иммунитета, то стоит отметить, что на сегодняшний день теория функционального иммунитета получила достаточно широкое распространение в виду того, что это позволяет привлекать государство, как сторону частно-правового отношения, к ответственности в случае нарушения им своих обязательств и защищать права и интересы контрагентов.

Этот вид иммунитета основан на разграничении функций государства на два вида: публично-правовые и частно-правовые. В том случае, если государство выступает как суверен и выполняет публично-правовые функции, то оно

будет пользоваться иммунитетом и в частноправовых отношениях в том числе. Если же государство выступает в качестве частного лица, например, занимается коммерческой деятельностью, то в этом случае об иммунитете речи идти не может. Казалось бы, достаточно понятная теория ограниченного иммунитета, но именно эта теория создает достаточно много проблем в ее применении.

В качестве яркого примера применения этой теории можно привести дело, рассмотренное в 1961 году в австрийских судах *X v. Government of the United States*. В данном деле суд смог достаточно четко развести понятия коммерческой и некоммерческой деятельности государства. Деликт, возникший из-за повреждения автомобилем дипломатической почты автомобиля гражданина X, требовал своего разрешения в судебном порядке. Гражданин X обратился в суд первой инстанции, который отказал в принятии искового заявления, сославшись на то, что государство пользуется иммунитетом, ввиду исполнения своих суверенных функций, на которые указывали действия по отправке дипломатической почты. Однако гражданин X обратился в суд апелляционной инстанции, которая оставила решение суда первой инстанции в силе. Но несмотря на это Верховный Суд установил, что «управление иностранным государством автомобилем, пользование общественными доро-

гами принадлежит сфере частной деятельности, даже если такое управление и использование связаны с исполнением суверенных функций государства» [8, с. 203–207].

Таким образом, можно утверждать, что окончательно теория функционального иммунитета на разграничила те сферы деятельности, и те действия, которые выполняет государство для точного разграничения коммерческой и некоммерческой деятельности.

Подводя итоги, всему вышесказанному, стоит отметить, что международно-правовые акты, регулирующие вопросы применения юрисдикционного иммунитета не являются панацеей, в частности, универсальный акт, разработанный комиссией международного права ООН, за 16 лет своего существования пока так и не вступил в силу. Несколько иная ситуация обстоит на региональном уровне, однако Европейская конвенция тоже не получила широкого распространения среди европейских государств, хоть и вступила в силу. Что же касается национального уровня правоприменения института юрисдикционного иммунитета государства и собственности, то не у каждого государства есть свой национальный акт, регулирующий этот вопрос, в случае если есть, то к единому знаменателю определения объема и условий применения иммунитета национальные правовые системы вряд ли придут.

Литература:

1. Дмитриева Г. К. Международное частное право: учеб. / Г. К. Дмитриева, Е. Н. Еремичев, И. М. Кутузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Прспект, 2012. — 656 с.
2. Колосова, Ю. М. Международное право / Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецов. — Москва, 1995.
3. Кравченко О. Юрисдикционные иммунитеты государств: перспективы кодификации / О. Кравченко // Журнал международного права и международных отношений. — 1998. — № 2. — С. 47–55.
4. Лунц, Л. А. Курс международного частного права / Л. А. Лунц. — Москва: 1996.
5. Нешатаева Т. Н. Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. / Т. Н. Нешатаева. — М., 1998.
6. Плигин, В. Н. Юрисдикция судов по гражданским и коммерческим делам в условиях создания единого правового пространства / В. Н. Плигин. — Российский ежегодник международного права. — 1994.
7. Хлестова, И. О. Иммунитет иностранного государства и международный коммерческий арбитраж / И. О. Хлестова — Международный коммерческий арбитраж. — 2004. — № 3.
8. Materials on Jurisdictional Immunities and their Property. N. Y. UN., 1982.

Предмет, объекты, задачи судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат

Голикова Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;

Кубанова Алина Магомедовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье авторы дают определение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат, определение предмета, объектов и задач указанного вида судебной бухгалтерской экспертизы.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, заработная плата, социальные выплаты.

Назначение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат необходимо для выявления ошибок учетного характера, связанных с неправильным исчислением сумм заработной платы и социальных выплат, неправильным оформлением соответствующих операций в бухгалтерском учете, а также для выявления расхождений между различными документами, которыми оформлены хозяйственные операции по учету труда и заработной платы.

Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету заработной платы и социальных выплат — это процессуальное действие, состоящее из исследования закономерностей хозяйственных операций, отраженных в учетной и отчетной документации, по начислению и выплате вознаграждений за выполнение трудовых обязанностей и социальных выплат работникам организации, и дачи заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области бухгалтерского учета и трудового законодательства, и которые поставлены перед экспертом судом или следователем в целях установления правильности, полноты начисления и выплаты соответствующих сумм в пользу работников организации.

Р. С. Белкин высказал мнение, что признаком, отличающим один вид экспертизы от другого, является характер специальных знаний, играющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертизы [1]. Данная позиция представляется нам верной, поскольку от экспертных задач и предмета исследования зависит избираемая экспертом методика исследования, выбираются методы, подходящие для этого исследования, и определяется совокупность необходимых документов, которые должны быть представлены на исследование для возможности дать экспертное заключение. Подразделение судебных экспертиз на роды и виды базируется на особенностях исследуемых объектов в совокупности с решаемыми экспертными задачами, которые находятся в неразрывной связи с предметом данного рода или вида экспертизы [1].

Объектами судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат являются первичные учетные документы по учету труда и его оплаты, регистры бухгалтерского учета, бухгалтерская отчетность, локальные акты, регулирующие порядок начисления и выплаты заработной платы и иных сумм в пользу работника, и иные документы, которые могут содержать

информацию об операциях, связанных с начислением и выплатой работникам соответствующих сумм (заявления работников, договоры, акты проверки, организационно-распорядительные документы, документы, подтверждающие наступление определенного случая при выплате материальной помощи, исполнительные документы, нотариально удостоверенные соглашения и другое).

Предметом судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат является установление фактических обстоятельств дела, исследуемых и устанавливаемых в судопроизводстве с использованием специальных знаний в области бухгалтерского учета и трудового законодательства, на основе исследования закономерностей хозяйственных операций по начислению и выплате вознаграждений за выполнение трудовых обязанностей и социальных выплат работникам организации. Эти суммы являются средством расчета с работниками в процессе осуществления ими трудовых функций и в рамках трудовых отношений с конкретным работодателем. В данном случае исследованию подлежат закономерности хозяйственной деятельности, отражающие информацию о системах оплаты труда, порядке исчисления и выплаты заработной платы и социальных выплат, о порядке осуществления удержаний из заработной платы, оплаты отпусков работников.

Следует отметить, что в отличие от иных родов судебных экспертиз, в рамках судебной бухгалтерской экспертизы решаются задачи только диагностического характера. Диагностические задачи данного вида экспертизы направлены на выявление нарушений правил ведения учета хозяйствующим субъектом и установление соответствия информации, отраженной в учетных документах, информации, содержащейся в первичной документации, а также на установление соответствия порядка ведения бухгалтерского учета операций по начислению и выплате заработной платы и иных социальных выплат работникам требованиям трудового законодательства.

К задачам рассматриваемого вида можно отнести:

- определение наличия у организации денежных средств в период выплаты заработной платы работникам;
- определение наличия задолженности по заработной плате и социальным выплатам; проверка правильности расчета среднего заработка работника организации;

- определение правильности расчета отпускных, пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам; проверка правильности произведенных удержаний и другие [2].

К диагностическим задачам относятся: классификационные и ситуационные [3].

Классификационные: решение классификационных задач направлено на установление качественных и количественных характеристик объекта исследования, механизма совершения определенных действий и получения результата по заранее заданным характеристикам. В рамках классификационной задачи эксперту может быть поставлен вопрос: «Соответствует ли требованиям трудового законодательства порядок исчисления заработной платы работников Михалкова М. М., Ковалева М. А. в ООО «Мотылек» за период с «...» по «...»?»

Литература:

1. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; Под ред. Е. Р. Россинской — 2-е изд., перераб и доп. — Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2020. — 368 с. — ISBN 978-5-16-104122-2.
2. Голикова В. В. Предмет, объекты и задачи судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы. // Материалы XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Право и экономика. Междисциплинарные подходы в науке и образовании. Научно-практическая конференция: «Специальные экономические знания в судопроизводстве». Часть 3. 07 апреля 2017 г. стр. 273–276.
3. Голикова В. В. К вопросу о классификации судебной бухгалтерской экспертизы // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова. г. Москва, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 19–20 января 2017 г. Стр.100–104.

Возникновение коррупции в России и методы борьбы с ней

Грозный Вячеслав Иванович, студент;

Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, Ачинский филиал

Коррупция является актуальной проблемой в Российской Федерации. Тема коррупции является острой как для населения страны, так и для правительства. Для более эффективной борьбы с коррупцией необходимо бороться и с её причинами. В данной статье раскрывается история и причина появления коррупции в России, а также методы борьбы с коррупцией в современное время.

Ключевые слова: коррупция, причины коррупции, история, государство, Россия, борьба с коррупцией, наказание, взяточничество.

Коррупция — использование должностным лицом своих полномочий во власти и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом возможностей и связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. В коррупции есть взаимная выгода как для должностного лица, которое получает материальную выгоду, так и для заинтересованного в коррупции лица, в виде облегчения поставленных перед ним задач, что должно быть хорошо. Но при коррупции

Ситуационные: решение ситуационных задач связано с анализом обстоятельств, входящих в предмет исследования. Такие задачи могут быть выражены в следующих вопросах эксперту: «Осуществлялось ли начисление и выплата заработной платы, в т. ч. премий, пособий по временной нетрудоспособности работнику ООО «Ромашка» Иванову М. М. за период...? Если да, то производились ли удержания из заработной платы и социальных выплат работника Иванова М. М. за период с... по...?»

Таким образом, для выделения судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат в отдельный вид необходимо определение ее предмета, установление перечня решаемых задач в рамках вида экспертизы, а также определение круга объектов, которые необходимо исследовать для дачи ответов на поставленные перед экспертом вопросы.

является противоправным деянием, которое ставит лиц, не участвовавшие в коррупционных действиях в невыгодное положение, противореча закону и морали, а в некоторых случаях коррупция подвергает третьих лиц риску.

Для ситуации коррупционной направленности характерны ряд признаков: наличие противоправного решения, которое закон или общественные нормы, действие сторон по обоюдному согласию, имея в итоге противозаконную выгоду или преимущества, над теми лицами, что не участ-

вовали в процессе принятия данного решение, а также сокрытие своих действий [1, с. 8].

Многие исследователи подчеркивают, что коррупция представляет из себя многоаспектное, многоуровневое, организованное в систему социальное явление, имеющее экономическую, политическую, социальную, управленческую, юридическую, этическую составные части [2, с. 11].

Коррупция в российском государстве имеет долгую историю. Первые официальные упоминания о посуле, как незаконном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий, отражаются в Двинской уставной грамоте 1397–1398 годов, шестая статья которой изрекала: «А самосуда четыре рубли; а самосуд, то: кто, изымав тятя с поличным, а посул себе возьмет, а наместники доведются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет». Иначе говоря, в данной статье говорится о незаконном присвоении потерпевшим от кражи судебных полномочий, что означает самосуд. При этом самосудом признается незаконное получение компенсации в виде денег, причитавшейся наместнику, на которого было возложено осуществление правосудия. Тем не менее большинство исследователей истории российского законодательства предполагают, что понятие посула входит в оборот под смыслом взятки, начиная с Псковской Судной грамоты 1397 г., статья 4 которой гласила: «А князь посадник на вече суду не судять, судити им у князя на синих, взирая в правду по крестному целованью. А не всудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику». Упоминания о посулах встречается в Новгородской Судной грамоте и в Судебнике 1497 г., в статьях 33 и 34 которые относились к недельщикам, то есть должностным лицом, обязанное вызывать в суд стороны, обвиняемых и передавать в суд дела о кражах, организовывать судебного поединка и исполнять решения суда. Статьи 33 и 34 запрещали брать посулы с тяжущихся для судей и лично для себя.

До 1715 г. предоставление подношений государственным служащим являлось естественной практикой и основной их доходов. Чиновники, по факту, жили «кормлениями» на средства лиц, что были заинтересованы в их деятельности. Государевы люди не обладали фиксированным жалованием и получали финансы доступными методами. Начиная с 1715 года, чиновники начали получать фиксированное жалование, и получение взяток стало считаться преступлением. Однако при этом объемный канцелярский аппарат требовал на для своего содержания больших денежных средств, которых в казне часто было недостаточно по причине частых военных действий, что опустошали казну. Поэтому для государева служащих, особенного для чиновников низшего ранга, получение взяток могло быть вопросом выживания. При Петре Великом впервые против взяточников стали применяться жесточайшие меры, такие как: битьё батогами, клеймение, ссылки и даже казни. Но эти меры не дали серьезных результатов. Уже после Петра из-за дефицита средств стране пришлось снова вернуться к старой

системе обеспечения чиновников — «кормлению». На протяжении всей истории Российской Империи с коррупцией боролись с переменным успехом. С одной стороны, стали действовать новые законы, ужесточались наказания, особенно в сфере оборонных заказов. С другой же стороны, аппарат чиновников рос и потому требовал на своё содержание всё больших средств, которых нередко было недостаточно [3, с. 1].

В России и в современном периоде причины появления коррупции никуда не исчезли как со времен княжества, так и со времен империи. Сложная структура органов власти и существование крайне запутанных бюрократические процедуры, отсутствие внешнего и внутреннего контроля в организациях над деятельностью аппаратов органов государственной власти. Положение осложняется также тем, что отсутствуют комплексный учет и контроль над служебной деятельностью государственных между служащими служащих, однозначно определенного распределения компетенций, имеет место как повторение одних, так и совмещение нескольких функциональных обязанностей. Это приводит в итоге к небывалой медлительности, волоките, связанных как с недостатками в сфере организации, так и со слишком низкой профессиональной компетентностью у персонала. Провести границу между беспорядком в организации и поощрением коррупционного поведения у граждан бывает, в некоторых случаях, невозможно. Коррупцию создают чрезмерно большое количество запретов, разрешительных процедур и отсутствие механизма и правовой основы защиты гражданских интересов людей, что вовлечены в деятельность органов государственной власти [4, с. 2].

По статистике Генеральной прокуратуры РФ количество преступлений в направлении коррупции за период январь-декабрь 2018 года составило 30495, показав прирост на 2,9% по сравнению с предыдущим годом. Причем удельный вес преступлений, совершенных по статьям 290 и 291 УК РФ (взяточничество) составил 0,6%, а по ст. 285 УК РФ и вовсе 0,1% (злоупотребление должностными полномочиями) от всех зарегистрированных в 2018 г. преступлений. Динамика преступлений, совершенных по ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ (взяточничество) показала рост на 3,4%, а по ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) на 0,8% за 2018 год. Доля преступлений коррупционной направленности, уголовные дела о которых направлены в суд, от общего количества предварительно расследованных преступлений указанной категории в Российской Федерации — всего 27997 (направлено в суд 82,8%), из них получение взятки 2784 дача взятки — 2299 посредничество во взяточничестве — 691, мелкое взяточничество — 5715. Несмотря на снижение в 2017 г. на 10% количества коррупционных преступлений по сравнению с 2016 г., в 2018 г. наблюдался рост данного вида преступлений на 2,9% [5, с. 535].

Эффективная модель борьбы с коррупцией обозначается равенством всех перед законом и судом вне зави-

симости, от должности которую занимает коррупционер и положения, в том числе финансовом. Именно неотвратимость наказания каждого из субъектов коррупционных отношений является одним из ключевых аспектов борьбы с коррупцией. При этом от государства требуется обеспечение самостоятельности судов, то есть их независимости от исполнительной власти и обеспечения избирательности правосудия, что должно позволит повысить авторитет судебной власти.

В юридической научной литературе отмечается, что «полная реализация принципа равенства перед законом и судом потребует принятия необходимых законом об уточнении или устранении депутатского иммунитета, об ответственности должностных лиц за нарушения уголовных законов и о ликвидации необоснованных уголовно-процессуальных привилегий государственных должностных лиц всех ветвей власти». В этой связи разумно поддержать действующего председателя СК РФ Александра Ивановича Бастрыкина, который предлагал исключить часть лиц, имеющих особым правовым статусом, из главы 52 УПК РФ. Таким образом, при вступлении этого предложения в юридическую силу главным принципом противодействия коррупции станет принцип вне исключений из правил.

На сегодняшний день в России одной из мер по борьбе с коррупционными проявлениями, представляется обязательная ежегодная отчетность государственных служащих и их родственников о своих доходах и имуществе. Указом Президента России от 18 мая 2009 г. № 5557 был утвержден перечень должностей федеральной государственной службы, при замещении которых государственные служащие должны представлять данные о своих доходах, а также о доходах своих супругов и своих детей до восемнадцати лет. Является необходимым включить в правовую систему эффективные механизмы реально действующей ответственности за незаконное обогащение, то есть за существование у должностного лица активов и собственности, происхождение которых данное должностное лицо не может логичным образом объяснить. Определенное движение в эту сторону уже было сделано: прокуратура стала иметь право на обращение в судебные органы с требованием об изъятии имущества, которое должностное лицо приобрело в итоге необоснованного обогащения. Но при следует признать, что контроль за активностью средств публичных должност-

ных лиц и их членов семей действует с недостаточно большой эффективностью, в следствии чего требуется обеспечивать реализацию контрольных мероприятий в полном соответствии с требованиями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [6, с. 2].

Для более эффективной работы антикоррупционной системы были предложены такие меры как: Осуществлять на постоянной основе анализ нормативных актов на предмет выявления неурегулированных секторов, появление которых связано с новыми требованиями международного сообщества и действующей обстановкой внутри государства. Запустить полноценный механизм не только поиска активов, но и возврата последних собственнику, частным лицам, государству, для чего необходимо использовать возможности финансовых разведок. Запустить целостный механизм формирования списка публичных лиц, контроль за которыми нужно установить в соответствии с требованиями ФАТФ. Усилить взаимодействие между министерствами и ведомствами, направленное на передачу между ними информации, выработку одних подходов, по оценке рисков принимаемых ими мер.

Антикоррупционная политика предусматривает прозрачность как в работе органов государственной власти, так и местного самоуправления, а также максимально возможное избавление от персонализации во взаимодействии государственных служащих с гражданами и организациями, к примеру, путем введения системы для электронного обмена информацией, главной целью которых является предоставление качественных услуг, администраций на различных уровнях и повышении прозрачности их работы. В соответствии с требованиями антикоррупционного законодательства, органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны сообщать для всеобщего сведения полную информацию о своей деятельности за исключением секретной.

В заключении можно сказать, что коррупция всегда будет сопровождать государство и общество, невозможно полностью уничтожить это явление. Но даже в таком государстве как Россия можно минимизировать коррупцию и прекратить его негативное воздействие на государство и его жителей. Для борьбы с коррупцией необходим системный подход. Нужно бороться не с каждым отдельным её элементом. Нужно бороться со всеми проявлениями коррупции для улучшения ситуации в лучшую сторону.

Литература:

1. Пудаков, Е. Р. Государственная политика Российской Федерации по противодействию коррупции / Е. Р. Пудаков. — Уфа: Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «АТиСО», 2015. — 166 с.
2. Социально-психологические исследования коррупции / Е. Е. Гаврина, А. Л. Журавлев, Д. А. Китова [и др.]; под редакцией А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснина. — Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. — 288 с.
3. Литвяк Лариса Геннадиевна, Плыгунов Константин Андреевич, Катасонов Андрей Викторович Коррупция в России: история и современность // ИСОМ. 2015. № 4. — 5 с.
4. Бурцев Ю. А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы // ТДР. 2017. № 2. — 2 с.

5. Рекунова Н. Ф. Эффективность применения и исполнения наказания в виде штрафов за коррупционные преступления // Молодой ученый. — 2019. — № 23. — 640 с.
6. Кумышева Марина Кадировна Борьба с коррупцией в России на современном этапе // Вестник ГУУ. 2016. № 3. — 4 с.

Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров: значение и эффективность комиссии по трудовым спорам в разрешении конфликтов

Дегтярева Дарья Александровна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В данной статье проанализированы способы разрешения индивидуальных трудовых споров, возникающие в трудовых отношениях между работником и работодателем, в процессе их взаимодействия. Уделено внимание как досудебному способу защиты, а именно обращению в комиссию по трудовым спорам, а также способу защиты в суде.

Вопрос защиты трудовых прав работников не теряет своей актуальности и по сей день. Можно даже сказать, что в настоящее время он приобретает все большее значение, в связи с тем, что трудовые отношения тесно связаны с экономикой, а экономическая ситуация в стране постоянно подвергается различным изменениям, не всегда в лучшую для людей сторону.

Именно поэтому так необходимо иметь действующие механизмы по защите прав человека, в том числе и в трудовой сфере.

В конкурентной экономике, подверженной стремительным изменениям, работодатель заинтересован, в первую очередь в сохранении своих позиции на рынке, а для этого важно грамотно управлять ресурсами, которыми он обладает, и самый важный из всех — это, конечно, человеческий ресурс-основа для успешного достижения поставленных целей. Ведь грамотное построение работы с людьми — не менее важное преимущество, чем финансы, реклама, материально-техническое обеспечение.

Вся система управления человеческими ресурсами должна базироваться и осуществляться в соответствии с правилами и нормами, установленными на законодательном уровне, в первую очередь Трудовым кодексом Российской Федерации.

Ни для кого не секрет, что часто работодатели пренебрегают нормами трудового законодательства: «черные» и «белые» заработные платы, отсутствие компенсации за переработку, неоплачиваемые больничные листы, с этими и другими неприятными нарушениями вынуждены мириться работники, которые работают в коммерческих организациях, государственные же структуры в вопросах соблюдения трудового законодательства ведут себя «законопослушно», но и там возникают споры.

В связи с этим работники вынуждены отстаивать свои права. Возникающие трудовые споры разнообразны по своей сути: различные предметы спора; разные субъекты, выступающие участниками конфликта; различный порядок рассмотрения трудовых споров. Как правило, раз-

ногласия происходят по поводу задержек заработной платы, увольнений, несоблюдения норм трудового законодательства РФ, нарушений прав работника или работодателя.

В 2019 году председатель Верховного Суда Вячеслав Михайлович Лебедев привел статистику трудовых споров за период с 2014–2018 год. За 2018 год было рассмотрено порядка 440 тыс. трудовых споров, из которых 380 тыс. — споры по оплате труда. Также председателем ВС было отмечено, что общее число рассматриваемых трудовых споров снизилось на 24% в 2018 году, по сравнению с 2017, такая тенденция указывает на то, что трудовые конфликты стали чаще урегулироваться посредством переговоров.

Трудовые споры в соответствии с законодательством РФ подразделяются на индивидуальные и коллективные, то есть могут возникнуть как между работодателем и работником, так и между работодателем и группой работников.

Далее речь пойдет об индивидуальных трудовых спорах и методах их разрешения. В ст. 381 действующего ТК РФ дается определение индивидуального трудового спора, который представляет собой неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

Но индивидуальный трудовой спор может возникнуть не только с работником, но и с лицом, которое ранее состояло с работодателем в трудовых отношениях. Поводом для возникновения индивидуального трудового спора также может стать отказ работодателя в желании лица заключить с ним трудовой договор.

Индивидуальные трудовые споры могут быть разрешены как в доюрисдикционном, так и юрисдикционном порядке. Доюрисдикционный порядок предусматривает проведение переговоров. Юрисдикционный порядок за-

ключается либо в обращении работника в суд, либо в комиссию по трудовым спорам. Стоит отметить, что данный орган рассматривает споры только индивидуального характера и только по заявлению работника.

Важно учитывать, что механизм, посредством которого в будущем будет разрешен трудовой конфликт между сторонами, зависит от характера самого возникшего спора.

На первом этапе спор должен решаться между работником и работодателем по взаимному соглашению сторон. Урегулирование разногласий путем переговоров считается самым оптимальным способом разрешения индивидуального трудового спора, так как на этой стадии стороны могут найти решение, удовлетворяющее обе стороны. Переговоры могут проводиться самостоятельно работником или с участием уполномоченного им представителя.

В том случае, когда разногласия не получилось устраним путем переговоров, стороны индивидуального трудового спора могут обратиться к помощи юрисдикционного органа (комиссии по трудовым спорам или суда) за защитой нарушенного трудового права.

Не во всех организациях на сегодняшний день есть КТС. Поэтому, если ее нет, она может быть создана по инициативе работника и (или) работодателя в порядке, предусмотренном ст. 384 ТК РФ.

Компетенция КТС довольно обширна, но стоит отметить, что существуют категории дел, которые в соответствии со ст. 391 ТК РФ подлежат рассмотрению только в судах, и поэтому в КТС переданы быть не могут. Суд рассматривает индивидуальные трудовые споры по заявлениям:

- Работника — о восстановление на работе независимо от оснований прекращения трудового договора, об изменении даты и формулировки причины увольнения, о переводе на другую работу, об оплате за время вынужденного прогула либо о выплате разницы в заработной плате за время выполнения нижеоплачиваемой работы;
- Работодателя — о возмещении работником вреда, причиненного организации, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Непосредственно в судах также рассматриваются индивидуальные трудовые споры:

- Об отказе в приеме на работу;
- Лиц, работающих по трудовому договору у работодателей — физических лиц;
- Лиц, считающих, что они подверглись дискриминации.

Следующей особенностью рассмотрение спора в КТС является то, что в отличие от рассмотрения спора в суде, в который с заявлением может обратиться как работник, так и работодатель, в КТС в соответствии со ст. 387 ТК РФ за защитой своего субъективного трудового права может обратиться только работник. Право же на обжалование

решения КТС в суде в соответствии со ст. 390 ТК РФ есть как у работника, так и у работодателя.

Решения КТС подлежат исполнению в течение трех дней после истечения срока обжалования, который составляет десять дней. В случае неисполнения решения КТС работодателем в установленный срок, работник может обратиться за выдачей исполнительного документа — удостоверения. На основании данного удостоверения судебный пристав приводит решение КТС в исполнение в принудительном порядке.

Для того чтобы оценить эффективность работы КТС необходимо проанализировать принимаемые различными комиссиями решения. Однако проблема заключается в том, что данные решения не находятся в открытом доступе. Как таковые обобщения работ КТС отсутствуют. Практика рассмотрения индивидуальных трудовых споров известна только КТС в конкретной организации или отраслевым профсоюзам. Тем не менее, в порядке исключения, отдельные материалы практики могут быть предоставлены ученым-правоведам для изучения и обобщения. А. А. Бережнов, изучив материалы практики КТС в одной отрасли промышленности за 2009–2010 г., выделил некоторые недостатки в работе КТС:

- Нарушение в отдельных случаях установленного законом десяти дневного срока рассмотрения спора; имеют место случаи вынесения решения спустя месяц, при этом отсутствуют правовые последствия нарушения сроков, и исполнение решения принятого за пределами максимально установленного срока рассмотрения спора обязательно для исполнения в случае вступления его в законную силу.
- Нарушения, касающиеся подведомственности индивидуальных трудовых споров. Рассматриваемые КТС дела не всегда были ей подведомственны, но они вступали в законную силу, в связи с тем, что стороны не обратились в суд за обжалованием данных решений. При этом отсутствуют правовые последствия вынесения и исполнения таких решений. Данная ситуация возникает из-за отсутствия механизмов, регулирующих отказ в принятии заявления работника по делам, неподведомственным КТС.

В заключение хочется сказать, что, все то разнообразие способов разрешения индивидуальных трудовых споров, несомненно, помогает работникам и работодателям в урегулировании возникающих между ними трудовых споров. Эффективность КТС в разрешении индивидуальных трудовых споров довольно высока, несмотря на то, что не всегда комиссия действует в соответствии с действующим законодательством. В любом случае грамотная корректировка законодателем пробелов и противоречий отдельных положений трудового законодательства поможет устранить ряд проблем возникающих при рассмотрении трудовых споров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (в ред. Федерального конституционного закона РФ от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 16.12.2019 г. № 439-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015)
4. Количество зарплатных споров в 2018 году сократилось на 2% // Интернет-издание «Трудовые споры» от 13.02.2019. Режим доступа: <https://www.tspor.ru/news/3490-kolichestvo-zarplatnyh-sporov-v-2018-godu-sokratilos-na-2> (дата обращения 14.03.2020)

К вопросу о моменте окончания купли-продажи человека как формы торговли людьми

Елисеева Наталия Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы рассматривают вопрос о моменте окончания купли продажи человека как формы торговли людьми. Ключевые слова: преступление, торговля людьми, купля-продажа человека, момент окончания преступления.

Торговля людьми — преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ. Уголовная ответственность за совершение рассматриваемого деяния была введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и во многом предопределена положениями, направленными на борьбу с рабством и работорговлей, зафиксированными в ряде международных правовых актов.

Основным (непосредственным) объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие личную свободу и безопасность человека. Факультативными объектами могут выступать жизнь и здоровье, честь и достоинство, половая неприкосновенность и половая свобода личности, нормальное морально-нравственное, психическое, физическое развитие несовершеннолетнего лица.

Объективная сторона преступления заключается в совершении одного из действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 127.1 УК РФ: купле-продаже человека или его вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве либо получении.

Купля-продажа с позиций современного законодательства подразумевает согласованное совершение двух действий: продажи и покупки. Средством платежа в рассматриваемой ситуации выступает денежный или иной имущественный эквивалент, под которым следует понимать любую выгоду имущественного характера — движимое и недвижимое имущество, а также ее иные формы — бесплатное получение чего-либо, отказ от имущественного или денежного долга и т. п. Кроме того, с учетом положений ГК РФ, можно прийти к выводу о том, что при передаче человека в результате его купли-продажи от одного лица (продавца) другому лицу (покупателю) человек фактически выступает в качестве вещи (товара). В большинстве случаев такие сделки совершаются помимо воли по-

терпевшего, но иногда и против его воли путем угроз либо физического принуждения.

Состав преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ — формальный. В науке уголовного права вопрос о моменте окончания рассматриваемого деяния в форме купли-продажи является дискуссионным. Это вызвано тем, что преступление, совершаемое путем купли-продажи человека, имеет усложненную объективную сторону. Потому неслучайно несовпадение суждений о моменте окончания такой формы совершения преступления.

Так Верховный Суд Российской Федерации, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» указал: судам следует определять момент окончания преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ, в зависимости от способа его совершения. При осуществлении купли-продажи человека или иных сделок в отношении потерпевшего преступление квалифицируется как оконченное с момента фактической передачи и получения потерпевшего...

В юридической литературе высказаны разные мнения о моменте окончания купли-продажи человека. Так, Пудовочкин Ю. Э. пишет: «Преступление в виде двусторонней сделки следует считать оконченным с того момента, когда обе стороны выполнили все необходимое по сделке, то есть продавец передал человека, а покупатель передал деньги или иные ценности, причем эта передача может совпадать или не совпадать во времени, а предметы преступления могут быть переданы лично контрагенту по сделке либо его представителю. При этом акт передачи считается состоявшимся, когда покупатель полу-

чил «во владение» ребенка, а продавец получил соответствующее вознаграждение» [4]. Пудовочкин Ю. Э. также говорит о том, что, если же по причинам, не зависящим от воли контрагентов, даже при выполнении всех действий они не достигают нужного результата, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на торговлю людьми. Как покушение должна быть расценена и та ситуация, когда после выполнения действий одной из сторон другая сторона сделки отказывается от исполнения обязательств, не возвращая другой стороне исполненное ею по сделке. Если же в этой ситуации отказ сопровождался возвратом человека или денег, содеянное должно быть квалифицировано как добровольный отказ от преступления на стадии покушения. Г. К. Смирнов, рассматривая момент окончания данного деяния, пишет, что «... достижение соглашения о купле-продаже человека образует стадию покушения на преступление» [2].

Силаев С. А. и Ковылов И. В., говоря о моменте окончания купли-продажи человека отмечают, что «... формулирование состава торговли людьми как «сделки» превращает его из обычного формального состава в усеченный, перенося момент юридического окончания данного преступления зачастую на момент соглашения (сговора) между «продавцом» и «покупателем» человека, его «арендодателем» и «арендатором» и т. п. Поэтому для окончательной торговли людьми в форме двусторонней сделки вовсе не требуется, чтобы обе стороны выполнили все не-

обходимое по сделке...» [5]. Они обосновывают это тем, что торговля людьми — это преступление против личной свободы и человеческого достоинства, и от того, что «покупатель» не оплатил «живой товар», ущерб, причиняемый объекту уголовно-правовой охраны, не становится меньшим, чем после полного расчета между контрагентами по такой сделке.

Зайдиева Д. Я. считает, что «преступление считается оконченным в момент выполнения обязательств каждой из сторон, т. е. фактической передачи человека. Согласно ГК РФ, договор купли-продажи считается консенсуальным, и признается оконченным в момент достижения соглашения между сторонами по его существенным условиям. Но данные правила не применимы к составу преступления «торговля людьми», прежде всего, потому, что достижение соглашения в отношении его продажи не причиняет никакого вреда свободе человека, а соответственно и исключает наличие факта совершения преступления» [3].

Представляется, что торговля людьми в форме купли-продажи окончена в момент фактической передачи и получения потерпевшего другой стороной такой сделки. Именно в этот момент причиняется вред его правоохраняемым интересам. Причинение вреда не следует связывать с исполнением встречных обязательств другой стороной сделки. Об этом свидетельствует не столько смысловая нагрузка термина купля-продажа, использованного в ст. 127.1 УК РФ, сколько объект предусмотренного в ней преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 25.04.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Дворкин А. И., Торбин Ю. Г., Смирнов Г. К., Кадырова А. Г. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование: учеб. — практ. пособие. М.: Юрист, 2007. 294 с.
3. Зайдиева Д. Я. Ответственность за торговлю людьми // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 3–4.
4. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 98–106.
5. Силаев С. А., Ковылов И. В. Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1.

Юридическая природа судебных актов Конституционного Суда, в частности, к вопросу об отказных определениях

Ермолаев Артём Евгеньевич, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Как известно, российская правовая система принадлежит к романо-германской семье права со всеми её характерными основополагающими признаками: главенствующая роль нормативных правовых актов; высокая

степень кодификации законодательства; четкое разделение ветвей власти, в частности, недопущение суда до процесса нормотворчества, поскольку эти полномочия относятся к законодательным органам. В связи с этим вопрос

о правовой природе актов Конституционного Суда (далее — КС РФ) стоит особенно остро. Несмотря на детальную проработанность данной проблемы, однозначных ответов на многие вопросы до сих пор нет. Являются ли судебные акты КС источниками права в формальном смысле? Идентичны ли они известным в англо-саксонском праве судебным прецедентам? Как мы можем идентифицировать так называемые «отказные определения», которые не получили должного внимания в юридической литературе юристами и учеными? Важно отметить, что разрешение этих противоречий имеет важное значение не только для теории права или доктрины, но и для непосредственных правовых реалий. Отсюда вытекают вопросы практического значения: может ли суд в мотивировочной части своего решения ссылаться на тексты судебных актов КС? Какой была бы правоприменительная и судебная практика, если бы был принят ФЗ «О нормативных актах РФ», в числе которых были «нормативные постановления суда»? Особый интерес к исследованию вызывает факт, что проект этого закона даже был принят Государственной Думой 11. 11. 1996, однако затем был снят с рассмотрения. Таким образом, вопрос о юридической природе судебных актов Конституционного Суда продолжает быть актуальным и насущным, что и обуславливает необходимость его дальнейшего изучения. Данная работа ставит перед собой цель — поверхностный, но всесторонний анализ особенностей юридической природы судебных актов, которые в рамках своей деятельности публикует Конституционный Суд РФ. Особое внимание в данном исследовании будет уделено насущным проблемам в законодательстве и правоприменительной практике, которые не успевают за стремительно меняющимися правовыми событиями и зачастую не в состоянии отразить противоречивую и двойственную юридическую реальность.

Описание Конституционного Суда даётся в Конституции, более подробно этот государственный орган раскрывается Федеральным Конституционным законом (далее — ФКЗ) № 1-ФКЗ. Вопросы внутренней деятельности и процессуальные аспекты регулируются Регламентом, который принимается этим государственным органом самостоятельно. Конституционный Суд представляет собой судебный орган конституционного контроля, самостоятельно осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Основные задачи и полномочия КС имеют принципиально важную и имманентную связь с теми актами, которые он издаёт. Условно полномочия можно разделить на три группы. Первая и самая обширная включает в себя: разрешение дел о соответствии Конституции законов, других нормативных правовых актов, международных договоров; разрешение споров о компетенции между государственными органами; проверка конституционности определенного закона; толкование Конституции; проверка на конституционность вопроса, выносимого на всероссийский Референдум. Критерием отнесения этих полномочий воедино является общее название судебного акта, которым закрепляется решение

по всем этим вопросам, — постановление. Формирование заключения о соблюдении порядка выдвижения обвинения Президента в совершении тяжкого преступления, даже исходя из названия, закрепляется заключением. Иные же акты, принимаемые по прочим категориям вопросов, относящихся к полномочиям КС РФ, именуются определениями. Отдельного внимания заслуживают «отказные определения», в которых содержится отказ в принятии обращения к рассмотрению. Существование и тем более особенности данного судебного акта в базовом ФКЗ не освещается, тем не менее анализ юридической природы этого акта представляет важное значение для определения юридической сущности всех судебных актов КС. Намеченный уже ранее вопрос о том, являются ли постановления, определения и заключения источниками права, является актуальным в среде российских ученых, юристов, правоведов и судей. Диапазон возможных юридических сущностей судебных актов простирается от актов толкования права до судебного прецедента в подлинном, англо-саксонском смысле того слова.

Первая часть этого исследования будет посвящена позициям и аргументам в пользу того, что судебные решения Конституционного Суда являются источниками права.

В первую очередь нужно совершить экскурс в историю становления англо-саксонской правовой модели. Так, система судебных прецедентов представляет собой совокупность судебных решений, вынесенных высшими судами, и вступивших в законную силу, которые являются обязательными для исполнения судами более низких инстанций. Сторонники отнесения судебных актов КС РФ отмечают схожий механизм действия англо-саксонских прецедентов и решений Конституционного Суда РФ. Судебные акты в англо-саксонской юрисдикции состоят из *ratio decidendi* (сердцевина дела, сама норма права, которую судья выделяет и использует, эта правовая конструкция и становится общеобязательной впоследствии, для будущих идентичных дел) и *obiter dictum* (дословно переводится, как «попутно сказанное», рассуждения судьи по конкретному делу и не только, которые отражают определенный сложившийся уровень интеллектуальной юридической культуры английских судей и влекут за собой развитие доктрины, при этом не являясь обязательными для исполнения или выполнения, поскольку фактически не содержат властных предписаний). В российском праве существует понятие «правовая позиция суда», которое зафиксировано в ФКЗ о Конституционном Суде и очень часто применяется на практике, в текстах самих судебных актов, при ссылках на них. Однако легальной и исчерпывающей дефиниции этому термину нет, что порождает рассуждения о схожести «правовой позиции суда» с *ratio decidendi*. Но в данном случае этот аргумент не является корректным, поскольку в законе закреплено, что юридической силой обладает весь судебный акт как таковой, что кардинально разрушает любые аналогии с англо-саксонской системой обязательного *ratio decidendi* и факультативного, допол-

нительного *obiter dictum*. Можно попытаться дать определение «правовой позиции», как «аргументированной, логически выверенной и связанной между собой совокупности суждений и выводов КС при толковании отдельных норм и положений Конституции в целях разрешения конкретного конституционно-правового вопроса. Исследователь Б. С. Эбзеев при этом справедливо заметил, что непосредственное толкование конституционно-правовых норм при разрешении отдельного дела не означает, что правовая позиция Суда, выраженная в решении по конкретному делу, будет распространяться лишь исключительно на участников того конституционно-правового спора, в связи с которым и была сформулирована данная правовая позиция. Таким образом, можно отметить общеобязательный и в какой-то степени правоустанавливающий характер решений КС.

Следуя через остальные аргументы сторонников этой позиции, отмечу иные характеристики судебных актов, придающие им вид и сущность источника права. Постановления, заключения и определения действуют в пространстве, по времени и по кругу лиц так же, как нормативные правовые акты, которые издаются законодательными органами государственной власти. Кроме того, решения КС являются окончательными, не подлежат пересмотру или апелляции. Исключением из этого является обращение в международные судебные органы по защите прав. К примеру, Европейский Суд по Правам Человека (ЕСПЧ). Не совсем понятно, что имел в виду законодатель, когда закреплял абсолютную обязательность и безапелляционность решений КС. Скорее всего, данная норма нуждается в расширительном толковании, то есть должно приниматься в счет наличие надгосударственных международных судебных инстанций с возможностью обжалования вынесенных некорректно, по мнению истца, судебных решений. Но констатируем факт, что в законе это прямо не закрепляется. Также сторонники отмечают важный и приоритетный статус КС во всей судебной системе РФ, тем самым они связывают основополагающее значение этого органа власти с важностью актов, которые он издает. Исследователь права Л. В. Лазарев отмечает у решений КС черты судебного прецедента как источника права — все государственные органы и должностные лица обязаны руководствоваться ранее выраженной правовой позицией. Автор называет акты нормативно-интерпретационными, по сути совмещающая нормотворческую и толкующую функции судебных решений. При этом саму правовую позицию Лазарев называет выраженным в этих актах правовым проявлением. Ряд бывших и нынешних заседающих судей КС выражает свою научную и общественную позицию о том, что итоговые решения этого органа не только являются источниками права, но и судебными прецедентами. К их числу относятся Г. А. Гаджиев, В. Д. Зорькин и другие. С одной стороны, судьи КС имеют дело с итоговыми решениями на практике, вероятно, наиболее реалистично и четко понимая значение тех судебных актов, которые издает этот орган, что по-

зволяет принять их позицию безоговорочно. С другой стороны, факт социальной и профессиональной трансформации и невозможность беспристрастной оценки КС теми, кто в нем непосредственно работает, ставит под сомнение доводы и позиции, приводимые этими исследователями. Положения, содержащиеся в судебных актах Конституционного Суда, носят характер конституционно-правовой нормы, являясь логичным продолжением и детализацией текста основного закона. В подтверждение этого тезиса можно привести характеристику прямого действия актов. Таким же свойством обладает и сама Конституция. То есть положения судебных актов КС, ровно как и нормы самого высшего закона страны действуют непосредственно, без нужды в дополнительном закреплении этих велений в других нормативных правовых актах. Кроме того, постановления, заключения и определения КС являются специфическими актами, аналогов которым нет в российской правовой и судебной системе, что позволяет сделать вывод о самостоятельности судебных актов КС во всей системе источников права. Постановления КС о несоответствии отдельных нормативных правовых актов тексту Конституции являются основаниями для утраты первыми юридической силы, что может служить доказательством весомости этих актов для правотворческой и правоприменительной практики.

Особое внимание стоит уделить такой практике в деятельности Конституционного Суда, как установление единственно верного толкования той или иной нормы Конституции. Общеобязательность, прямое действие и невозможность для всех участников общественных отношений толковать норму иначе, чем это сделал КС, — являются весомыми доводами в пользу того, чтобы считать подобные акты самостоятельными источниками права. Толкование положений Конституции, которое осуществляет КС, хоть и в строгом смысле слова не является источником права, не отменяет действие нормативного правового акта, но всё же порождает определенные юридические последствия: возникает противоречивая и не до конца урегулированная практика, при которой судебные решения, вынесенные с основой на положения нормативных правовых актов, которые были истолкованы судом ошибочно по сравнению с тем, как это сделал КС в рамках его актов толкования, должны подвергаться пересмотру. Неоднозначным этот механизм является вследствие недостаточно регулирования процессуального законодательства — так, в числе оснований для пересмотра судебного дела и повторного разбирательства это не значит. Как следствие, законодательный массив в этой области должен быть переработан.

Таким образом, вся совокупность аргументов, приводимых сторонниками отнесения судебных актов Конституционного Суда к источникам права, в частности, к судебному прецеденту, сводится к ряду сущностных черт судебных решений и правовых последствий, порождаемых ими, позволяющих говорить как в теории, так и в правоприменительной деятельности о значительной юридической силе актов КС.

Противники отнесения судебных актов КС к источникам права категорически не соглашаются с прецедентным характером издаваемых высшим судом решений. Исследователи придерживаются различных точек зрения касательно природы этих актов. Т. Г. Морщакова, тоже будучи судьей членом Конституционного Суда, считает эти акты особым видом преюдиции — юридическими фактами и обстоятельствами, которые принимаются нижестоящими судебными инстанциями без возможности их оценки и пересмотра. Когда КС признаёт тот или иной акт противоречащим Конституции или закрепляет единственно верное толкование конституционно-правовой нормы, остальные суды обязаны следовать данной воле при разрешении судебных споров. Ряд других исследователей склоняется к тому, что судебные решения КС РФ представляют собой правоприменительные акты. Встречаются и позиции, согласно которым наиболее близки по своей юридической природе рассматриваемые объекты к актам толкования права.

Представляется, что судебные акты Конституционного Суда не могут называться судебными прецедентами по следующим причинам.

Во-первых, отсутствует основной элемент судебного прецедента в его подлинном смысле — преемственность судебных решений. Практика прецедентов предполагает, что вышестоящий суд при рассмотрении определенного дела принимает определенное решение, которое становится шаблоном и ориентиром при рассмотрении подобных дел судами нижестоящей инстанции. Обнаруживается противоречие, ведь суды общей юрисдикции не имеют полномочий по разрешению дел о соответствии нормативных актов Конституции, по толкованию текста основного закона и т. д. Это исключительное право закреплено за КС, следовательно, «прецедентности» не может возникнуть в принципе.

Во-вторых, решения и акты КС не регулируют общественные отношения непосредственно. А именно: отсутствуют стороны, не устанавливаются фактические обстоятельства дела, нет спора о праве между сторонами. Объектом рассмотрения в данном случае является законодательный массив, при этом деятельность суда носит охранительный характер.

В-третьих, КС в какой-то степени ограничен в своей свободе, потому что не имеет право инициировать рассмотрение вверенных ему вопросов по своей воле. Практика, которая имела место быть в 1990-х годах, когда КС имел полномочия по рассмотрению актов Президента на предмет конституционности без закрепленных законом оснований, была упразднена. Теперь для деятельности и судебного производства КС необходим запрос, что ставит под сомнение возможность называть его акты нормотворческими, поскольку, как правило, органы, имеющие законодательную инициативу, не ограничены такими строгими рамками.

В-четвертых, любая деятельность КС производна от законодательства, судьи опираются именно на текст Конституции и иные нормативные положения, исключается возможность судебного правотворчества, столь характерного

для англо-саксонской правовой семьи. Судьи обязаны опираться на уже существующие законы, они не вправе своими рассуждениями осуществлять нормотворчество, опираться на «чувство справедливости».

В-пятых, возможность нормотворчества со стороны судов противоречит принципу разделения властей, который закрепляется в основном законе Российской Федерации и является одним из основных конституционно-правовых постулатов.

В заключение необходимо затронуть тему «отказных определений». В юридической литературе эта проблематика не получила должного развития. Согласно статистике, определения КС об отказе в принятии обращения заявителя к рассмотрению, так называемые «отказные определения» составляют 93% от всех его решений. Отказ в принятии обращения к рассмотрению производится по формальным основаниям, которые закреплены в ФКЗ, регулирующем деятельность КС. Вопреки мнению, что «отказные» определения, в отличие от определений, имеющих позитивное содержание, не содержат правовых позиций и выводов, кроме как о недопустимости поступившего обращения, то есть не влияют на нормотворческую и правоприменительную практику, правовые реалии доказывают некорректность данного тезиса.

Одним из условий допустимости обращения в КС является то, что оспариваемый нормативный акт затрагивает конституционные права гражданина. В противном случае такое обращение не является допустимым. При отказе по формальным причинам в силу этого обстоятельства Суд вынужден мотивировать свое решение, объясняя, почему закон не затрагивает прав заявителя, тем самым вольно или невольно толкуя конституционно-правовой смысл предписаний, которые являются объектом рассмотрения.

Именно это толкование приобретает значение правовой позиции в процессуальном смысле и при рассмотрении аналогичных жалоб используется как своеобразный прецедент. Так, Определением от 5 марта 2009 N 469-О-О КС отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. П. Казачкова на нарушение его конституционных прав положением ч.1 ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, мотивируя это тем, что 25 января 2007 года уже было вынесено другое «отказное» Определение N 96-О-О по делу Г. А. Кураева, в котором содержался вывод о том, что эти же самые законоположения прав граждан не нарушают.

Особенно примечательны случаи, когда эти своеобразные «прецеденты» закрепляются впоследствии в материально-правовом смысле, превращаясь в правовую материю, имеющую значение для других правоприменительных органов, когда она закрепляется уже в определении с позитивным содержанием или в постановлении. Например, КС в Определении от 1 декабря 1999 N 210-О отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю. Е. Багно и определил юридическую природу трехлетнего срока

для впервые назначенных на должность судей в качестве испытательного. После этого данная позиция в качестве процессуально-правовой — устанавливающей основание для отказа в принятии обращений к рассмотрению — была неоднократно повторена и в других «отказных» определениях (от 19 апреля 2000 года N 87-О, от 5 октября 2000 года N 219-О и др.), а в будущем даже получила подтверждение в Постановлении КС от 24 марта 2009 N 6-П. В итоге данное толкование конституционно-правового смысла юридической природы трехлетнего срока официально стало обяза-

тельным для правоприменителей, и правовая позиция получила уже материально-правовое значение.

Судебные акты Конституционного Суда, несомненно, являются одной из самых противоречивых и неоднозначных тем в науке конституционного права. Представляется, что они не могут называться судебными прецедентами в силу ряда противоречий, однако сложность аспектов юридической природы этих актов, множественность подходов со стороны исследователей подталкивают к тому, чтобы выделить им особое место среди всех издаваемых актов.

Литература:

1. Правоведение: Учебник для вузов / Под редакцией М. И. Абдулаева — М.: Финансовый контроль, 2004. — 561 с. — (Серия «Учебники для вузов»).
2. Ершов В., Ершова Е. О правовом статусе Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2004. N 2. С. 24.
3. Е. В. Жучкова Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права, 2009
4. В. В. Захаров Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права, Журнал российского права, 2006.
5. В. Д. Зорькин Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации, Журнал Российского права № 12, 2014.
6. Н. А. Колабухов Правовая природа решений Конституционного Суда.
7. Интервью с Т. Г. Морщаковой/Законодательство/1999.
8. О. С. Хохрякова Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения, 2008.
9. Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы/// Журнал «Государство и право», 1998, № 5.
10. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.)
11. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»
12. Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 N 469-О-О.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2007 N 96-О-О.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 N 210-О.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2000 года N 87-О.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 5 октября 2000 года N 219-О.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2009 N 6-П

Институт целевой подготовки кадров в российском праве: межотраслевой анализ

Иванов Александр Владимирович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает предпосылки, развитие и ответственность сторон в рамках целевой подготовки кадров.

Ключевые слова: целевая подготовка кадров, целевой договор, целевой прием, ученический договор.

Актуальность исследования. При подготовке настоящей статьи использовалось материальное законодательство, действующее на момент заключения подавляющего большинства действующих ныне целевых договоров, то есть законодательство в редакции до 1 января 2019 года. Изменения, принятые в 2018 году и окончательно вступившие в силу с 1 января 2019 года, в данной статье рассма-

триваются и анализируются лишь для сравнения, т. к. они не имеют обратной силы и не применяются к ранее заключенным договорам о целевом обучении. Выводы, изложенные в настоящей статье, будут сохранять актуальность как минимум в течение 2 лет до того момента, как прекратятся договоры, заключенные по прежнему законодательству.

Общие замечания. Селекция и подготовка будущих сотрудников является разумной мерой работодателя по обеспечению своего производства. Так или иначе, функционирование органов и организаций происходит всегда за счет людей: даже автоматизированное производство требует человеческого управления и координации. В этой связи, острая потребность работодателей в кадрах влечет заинтересованность в их самостоятельной подготовке и «бронировании» высококвалифицированных специалистов на стадии их становления.

Подготовка кадров может осуществляться различными способами. Во-первых, работодатель может попросту пригласить выпускника для трудоустройства, заинтересовав его заработной платой и иными мерами поддержки. Во-вторых, работодатель может пригласить студента для прохождения практики/стажировки, а затем, в случае удовлетворенности его навыками, предложить дальнейшее сотрудничество. Но такие способы не гарантируют самого главного: обеспеченности работодателя нужным ему специалистом. Примеченный работодателем специалист может быть переманен конкурентами и т. д. Такую проблему решат третий способ — полноциклическая подготовка кадров, в рамках которой будущий специалист фактически закрепляется за работодателем. С экономической точки зрения издержки на подготовку будущего работника меньше или соразмерны издержкам на поиск и привлечение «незакрепленного» специалиста. Более того, в рамках целевой подготовки кадров студент, как правило, проходит практику у своего будущего работодателя, приобретая таким образом навыки, необходимые для мгновенного вступления в рабочий процесс по окончании обучения. «Незакрепленного» специалиста же надо будет «доподготавливать» непосредственно на производстве.

Институт подготовки кадров в российском законодательстве развивается в двух направлениях: в частноправовом (реализуемом в рамках трудового и гражданского права) и в публично-правовом (реализуемом в рамках административного права). Дальнейшее изложение начнем с частноправового аспекта.

Частноправовой аспект. Статья 198 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) предусматривает, что работодатель (юридическое лицо) вправе заключить с лицом, ищущим работу, или являющимся работником организации, ученический договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы [1].

Ученический договор наделяет сторон комплексом прав и обязанностей. На работодателя возлагаются обязанности по обеспечению лицом получения квалификации, выплата стипендии, которая не может быть менее МРОТ (ст. 204 ТК РФ), на работника — обязанности по прохождению обучения и отработке у соответствующего работодателя (ст. 207 ТК РФ).

При этом, ТК РФ в вопросе ответственности за неисполнение ученического договора устанавливает ответственность только ученика, определяемую в размере выплачен-

ной стипендии, а также иных расходов на обучение (оплата обучения, оплата жилья, методических материалов и т. д.).

Фактически, ответственность в рамках ученического правоотношения восстанавливает работодателя в положение, в котором он находился до вступления в такое правоотношение, то есть имеет компенсаторный характер.

Административно-правовой аспект. Подготовка кадров для нужд государственного управления включается в группу внутриорганизационных отношений по обеспечению кадрового состава органов и организаций. Подготовка кадров для нужд государства и муниципальных образований именуется целевой и регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (далее — Закон об образовании) [2], а также некоторыми отраслевыми законами [3].

В силу целевого договора государственный или муниципальный орган, организация, предприятие и учреждение, обязаны предоставлять гражданину меры социальной поддержки, организовывать учебную, производственную и преддипломную практику, а также трудоустроить гражданина, а гражданин обязан осваивать учебную программу, проходить учебную, производственную и преддипломную практику, а также по окончании обучения отработать в организации не менее определенного срока.

Ответственность сторон за нарушение договора проявляется в том, что гражданин возмещает органу или организации расходы по предоставлению мер социальной поддержки, а также двукратный штраф по отношению таких расходов. При нарушении договора со стороны органа или организации, гражданину выплачивается двукратный штраф по отношению к предоставленным мерам социальной поддержки.

Сравнение ученического договора о целевом обучении. Договор о целевом обучении можно расценивать как вид ученического договора ввиду их схожести. Такая систематизация необходима для внесения определенности по некоторым вопросам.

Общей сущностной чертой ученического договора и договора о целевом обучении является то, что на работодателе, помимо обязанности по трудоустройству, лежит также и обязанность по социальной поддержке студента (будь то в форме «стипендии», природа которой отличается от государственной стипендии, или иных мер социальной поддержки).

Различия прослеживаются в двух аспектах: сторонах договора и ответственности.

Со стороны работодателя стороной ученического договора могут быть любые организации, кроме государственных организаций, которые могут выступать стороной договора о целевом обучении (поскольку в отношении них имеется специальный регулятивный режим).

Ответственность по договору о целевом обучении усилена: гражданин, не исполнивший обязательства, фактически возмещает трехкратный размер предоставленных ему мер социальной поддержки, а по ученическому договору —

в однократном размере. В то же время, при неисполнении работодателем — стороной договора о целевом обучении своих обязанностей, он обязан выплатить гражданину штраф, двукратный по отношению к выплаченным мерам социальной поддержки. При нарушении договора имеется равная, взаимная ответственность — в конечном счете одна из сторон получит трёхкратные меры социальной поддержки. Ответственность же по ученическому договору, как ранее писалось, выполняет компенсаторную функцию и связана лишь с возмещением работодателю его затрат.

В остальном же, договоры о целевом обучении и ученические договоры идентичны, что позволяет избирательно применять к первым нормы трудового права. Например, при непредъявлении требований государственного или муниципального органа в течение года с момента, когда он узнал или должен был узнать о неисполнении гражданином обязательств по договору о целевом обучении, требование следует считать заданенным, и, как следствие, не имеющим судебной защиты. Более того, было бы справедливым также меры материального стимулирования, предоставляемые в рамках договора о целевом обучении, исчислять исходя из размера МРОТ.

В то же время, известные своей лояльностью по отношению к бюджетным средствам суды могут крайне неохотно воспринять выдвинутое предположение, отдавая приоритет государственным структурам. В связи с этим, дальнейшему рассмотрению подвергнется именно договор о целевом обучении как механизм, которым зачастую прикрываются государственные и муниципальные органы при нарушении прав граждан.

Конституционно-правовой аспект. Договор о целевом обучении (как вид ученического договора) при заключении его в соответствии с действующим законодательством находится в полном объеме в правовом поле. В это же время, смысл договора о целевом обучении проявляется в том, что обязанность выпускника отработать на протяжении определенного времени является ограничением его права на свободное распоряжение способностями к труду, выбора рода занятий и профессии (ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации [4]). При заключении договора о целевом обучении в рамках действующего законодательства с исполнением сторонами (прежде всего — работодателя) своих обязанностей противоправного ограничения прав нет. При несоблюдении же договора со стороны работодателя, которое проявляется в непредоставлении гражданину мер социальной поддержки, наблюдается несоразмерное, сложно выявляемое ограничение прав.

Логика здесь такова. Ограничение конституционного права возможна только в двух случаях: при издании соответствующего федерального закона либо же при вступлении гражданином в правоотношение, в котором он добровольно и по своей воле ограничивает свое право взамен на что-то. Случай с законными ограничениями прав далее рассматриваться не будут.

При вступлении гражданина в отношение, ограничивающее его конституционные права, разумный, самостоятельный гражданин исходит из возможных позитивных последствий такого ограничения. В определенных случаях позитив выражается в извлечении экономических благ из такого ограничения.

В рассматриваемом случае логично то, что гражданин, заключая договор о целевом обучении, исходит из выгоды такого договора (в материальном, социальном плане). Выгодность договора о целевом обучении при этом, как зачастую бытует мнение, проявляется не в том, что выпускнику будет предоставлено место работы (поскольку высококвалифицированный специалист будет в любом случае востребован на рынке), сколько в том, что во время обучения гражданину будет обеспечиваться наибольший режим благоприятствования для получения образования. Из этого мы делаем вывод, что распределение выгод по договору о целевом обучении происходит следующим образом: в большей степени именно работодатель заинтересован и извлекает выгоду из получения высококвалифицированного специалиста, поскольку не нужно тратить средства на поиск и его привлечение; выгода гражданина заключается в том, что во время обучения его поддерживает будущий работодатель (ему не надо, например, совмещать работу с учебой в ущерб последней, что также в интересах работодателя). При наличии такой поддержки договор о целевом обучении развивается в конституционном русле (поскольку конституционное право на выбор профессии, рода деятельности и т. д. ограничивается с разумным предоставлением, компенсацией).

Таким образом, существенность условий целевого договора о мерах социальной поддержки следует расценивать не как ненужный элемент, а как меру, превращающий неконституционное ограничение права в конституционное.

Правоприменительный аспект. Заключаемые договоры о целевом обучении можно разделить на три группы: (а) договоры, предусматривающие выплату мер социальной поддержки (минимальных, например, в половинной сумме от выплачиваемой государственной стипендии) и выплаты по которым производятся; (б) договоры, предусматривающие выплаты мер социальной поддержки, но выплаты по которым не производятся; (в) договоры, не предусматривающие меры социальной поддержки и выплаты по которым не производятся.

Очевидно, что относительно правильными являются договоры группы (а): они соотносятся с действующим законодательством и при их нарушении должны влечь ответственность, установленную законом.

Правильными с формальной точки зрения, но неправильными с фактической являются договоры группы (б). Такие договоры, учитывая специфику ответственности (возмещение работодателю мер социальной поддержки и штрафа, двукратного предоставленным мерам социальной поддержки) не имеют защиты, поскольку $0 \text{ руб. (предоставленные меры социальной поддержки)} \times 3 = 0 \text{ руб.}$

Неправильными ни с формальной точки зрения, ни с фактической являются договоры группы (в). Они не только не могут влечь ответственность за их нарушение, но и считаются незаключенными, поскольку несогласование существенных условий договора по общему правилу влечет его незаключенность. Незаключенность договора на момент организации целевого приема должна вызывать вопросы у контрольно-надзорных органов в отношении образовательной организации, так как фактически на бюджетные места, выделенные в пределах целевой квоты, зачисляются студенты не заключившие договоры о целевом обучении.

По всей видимости, понимая полную несостоятельность в плане защиты договоров групп (б) и (в), представители работодателей придумали такой способ: при обучении гражданина за счет бюджетных ассигнований формулировать свой иск не как вытекающий из договора (о возмещении предоставленных мер социальной поддержки и штрафа), а как вытекающий из причинения вреда казне Российской Федерации. Не совсем понятно, является ли такая формула иска способом исправить невежество при составлении договора, либо же приказом «сверху» любой ценой окупить деньги. По этому поводу имеется следующее рассуждение.

Действительно, зачастую, студенты, «заключившие» (с учетом вышесказанного о договорах группы (в)) договор о целевом обучении, обучаются за счет ассигнований федерального бюджета. Более того, большая часть из них в этой связи получают государственную стипендию, меньшая часть — также государственную социальную стипендию.

Механизм распределения мест, финансируемых за счет бюджетных ассигнований, определен в ст. 100 Закона об образовании. В силу этой статьи образовательному учреждению выделяется определенное количество мест, финансируемых за счет бюджетных ассигнований, которые уже само учреждение вправе распределять по своему усмотрению, в том числе, «резервировать» определенное количество мест под целевой прием. Таким образом, студенты, заключившие договор о целевом обучении, обучаются за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

В то же время, финансирование определенного количества бесплатных мест является расходным обязательством Российской Федерации, возникающим в рамках выполнения своей социальной функции. Бюджетные денежные средства, ежегодно выделяемые на обеспечение бесплатности на конкурсной основе получения высшего образования, должны использоваться в полном объеме, так как иное свидетельствовало бы о ненадлежащем исполнении государством своих социальных обязательств. При использовании же механизма последующего возмещения получается ситуация, когда выделено денежных средств на 10000 бюджетных мест (условно), а истрачено денежных средств (после получения возмещения «ущерба казне») на обеспечение 9500 бюджетных мест. Таким образом, неважно, в каком порядке студент был зачислен для освоения образовательной программы: с момента зачисления он считается лицом, ре-

ализовывающем свое конституционное право на бесплатное получение высшего образования, возникающем в рамках исполнения государством своих социальных обязательств.

Оценивая же предъявляемые иски о возмещении вреда казне Российской Федерации, следует исходить как из формальных, так и сущностных возможностей заявления таких исков.

Во-первых, некоторые законы хотя и предусматривают, что при неисполнении гражданином обязательств по целевому договору он обязан полностью возместить все затраты на его обучение (см., например, Закон о прокуратуре [3]). Однако, поскольку круг затрат не определен, следует исходить из того, что применяются нормы закона об образовании, в соответствии с которым затраты работодателя по договору о целевом обучении составляют выплаченные меры социальной поддержки. Таким образом, круг затрат в любом случае составляют исключительно предоставляемые меры социальной поддержки.

Во-вторых, при расчете затрат казны Российской Федерации истцы исходят из стоимости обучения студента на коммерческой основе. Не совсем понятно, в этой связи, какую стоимость платило государство, если стоимость обучения в одном подразделении существенно отличается от стоимости обучения в другом подразделении в рамках академии, университета. По всей видимости, при одинаковых направлениях подготовки, схожих программах обучения, едином профессорско-преподавательском составе двукратные различия стоимости обучения внутри одного учебного заведения основаны на «мнимом» престиже, территориальном расположении какого-то структурного подразделения. Однако государство, при выделении денежных средств, вряд ли платит за престиж и транспортное удобство. В связи с этим, справки о стоимости коммерческого обучения, предоставляемые прокурорами при обосновании размера, причиненного казне Российской Федерации вреда в любом случае, следует считать ненадлежащим (как не обладающим признаком относимости) доказательством.

В затраты казны Российской Федерации истцами включается также суммы выплаченных стипендий. По нашему мнению, здесь следует исходить из общего принципа предоставления государственных социальных платежей — их истребование не допускается, за исключением случаев их незаконного изначального получения или же счетной ошибки (п. 3 ст. 1109 ГК РФ [5]).

В-третьих, требования о возмещении убытков казне Российской Федерации, которая оплачивала образование гражданина, следует расценивать как посягающие на конституционное право гражданина на получение бесплатного высшего образования на конкурсной основе. Взыскание с гражданина, обучающегося за счет средств федерального бюджета, потраченных на него денежных средств означает (а) что гражданин, прошедший конкурсный отбор и поступивший на бюджетное место, может реализовать свое право только при выполнении опреде-

ленного дополнительного условия, возникающего после окончания обучения и имеющего, при этом, ретроспективный эффект и (б) что государство, получив обратно затраченные денежные средства, не выполнила в полном объеме свои социальные обязательства и неосновательно, тем самым, обогатилось.

В-четвертых, в практике Конституционного суда РФ сложилась позиция, что при избрании способа защиты права, ограничивающего гарантии должника, предусмотренные законом, существующие при избрании другого способа защиты права, к требованию не учитывающего такие гарантии применяется правовой режим гарантирующего способа защиты. Такая правовая позиция была сформулирована при рассмотрении КС РФ признания череды сделок недействительным и дальнейшего истребования имущества как альтернативы виндикации. КС РФ указал, что истцы, действительно, вправе заявлять иски о признании череды сделок недействительными, однако ввиду того, что виндикация, как особый способ защиты права, предусматривает гарантии добросовестному приобретателю, к требованию о недействительности сделок следует применять режим виндикации с соответствующими гарантиями [6].

Так и в этом случае. При заявлении требования о возмещении ущерба казне Российской Федерации суды обязаны применять правовой режим, предусматривающий гарантии гражданина, выражающиеся в том, что взысканию подлежат исключительно выплаченные меры социальной поддержки.

В связи с изложенным, доводы о возмещении ущерба казне Российской Федерации должны перекалиброваться (на требования о взыскании предоставленных мер социальной поддержки) и ввиду отсутствия предоставленных мер социальной поддержки государственным и муниципальным органам следует отказывать в удовлетворении требований в связи с недоказанностью факта понесенных издержек. Единственно же возможным случаем взыскания расходов именно на обучение гражданина является ситуация, когда меры социальной поддержки предоставлялись в виде оплаты платных образовательных услуг. Таким образом, такое взыскание возможно лишь в случае, если студент учился не за счет бюджетных ассигнований.

Иной способ взыскания проявляется в том, что заявляются требования о взыскании суммы выплаченной государственной стипендии, а также двукратного штрафа по отношению к этим сумма. Но такие требования также не основаны на законе в связи со следующим.

Так, наблюдаются существенные различия в государственной стипендии и мерах материальной поддержки в виде мер материального стимулирования. Если государственная стипендия является мерой стимулирования и назначается студенту (а) обучающемуся за счет бюджетных ассигнований; (б) не имеющему академических задолженностей; (в) за счет стипендиального фонда об-

разовательной организации, то меры материального стимулирования выплачиваются (а) студенту, заключившему договор о целевом обучении независимо от того, за чей счет он обучается (за счет государства или свой собственный) (б) независимо от успеваемости студент, (в) за счет средств будущего работодателя. Таким образом, различия очевидны.

Соответственно, взысканию подлежит не государственная стипендия, поскольку оснований для такого взыскания не имеется (в связи с законностью ее получения), а меры материального стимулирования, выплачиваемые работодателем, поскольку при неисполнении своего обязательства причиняет вред именно работодателю.

Об изменениях. 2018 год ознаменовался внесением изменений в законодательство об образовании в части регламентации целевого обучения [7]. Интерес представили положения, касающиеся ответственности сторон за неисполнение договора о целевом обучении.

Так, утратили силу положения о выплате штрафа в пользу органа или организации, двукратного мерам предоставленной социальной поддержки. Теперь при неисполнении своих обязательств по договору производится возмещение только понесенных расходов на предоставление мер социальной поддержки.

При нарушении своих обязательств работодатель, последний выплачивает гражданину трехкратный среднемесячный заработок субъекта Российской Федерации.

Несмотря на уменьшение ответственности сторон, их ответственность все же увеличилась, причем не перед друг другом, а перед образовательной организацией.

Так, сторона, нарушившая договор, обязана выплатить образовательной организации штраф в размере расходов федерального бюджета, бюджета субъекта или местного бюджета, затраченных для обучения гражданина гражданин.

Данная новелла, по своей характеристике, двойка. Но преимущественно кажется, что штраф по существу идентичен расходам на получение образования (хотя прямо это так и не называется), а возмещение расходов на образование, как отмечалось ранее, является нарушением конституционного права на бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе, а также неисполнением в полной мере государством своих социальных обязательств по обеспечению развития лиц в пределах выделенных средств федерального бюджета.

В то же время, внесение данных положений свидетельствуют о том, что прежде взыскание затрат на обучение (как ущерба казне Российской Федерации) являлось незаконным, поскольку такое основание вступит в силу только лишь с 2019 года.

В целом же, описанные (и не описанные) поправки вступают в силу с 2019 года и не имеют обратной силы.

Остается надеяться, что настоящий вопрос, ввиду его значимости, найдёт обсуждение на более высоком уровне власти.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 303.
3. Например, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1995. № 229.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. N 6-П. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон от 03.08.2018 № 337-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования целевого обучения» // Российская газета. 2018. № 171.

Номинативное и описательное использование чужого товарного знака (знака обслуживания): проблема и особенности ее решения

Иванов Александр Владимирович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор рассматривает российскую и иностранную практику правомерности использования чужого товарного знака (знака обслуживания) для целей описания собственной продукции.

Ключевые слова: средства индивидуализации, номинативное и описательное использование интеллектуальной собственности, параллельный импорт, недобросовестная конкуренция.

Постановка проблемы. Основное предназначение товарного знака (знака обслуживания) заключается в индивидуализации товаров определенного производителя (исполнителя). Правовая защита товарному знаку будет предоставлена только тогда, когда возникает угроза смешения товаров, работ или услуг разных производителей (исполнителей).

Для этих целей при регистрации товарного знака правообладатель определяет какие группы товаров и услуг он желает индивидуализировать. Эти группы определяются по Международной классификации товаров и услуг (МКТУ) [1].

Соответственно, указание (нанесение и любое иное доведение до сведения потребителя) товарного знака для идентификации тех групп товаров, для целей идентификации которых и зарегистрирован товарный знак, есть нарушение исключительного права. Каких-либо споров при явном нарушении не возникает. Так, например, нарушение очевидно, если один производитель шампуня нанесет товарный знак другого производителя шампуня на свой продукт. И, с другой стороны, если производитель питьевой воды нанесет этот же товарный знак на бутылку с питьевой водой, нарушения не будет, так как отсутствует смешение.

Однако, на практике возникают другие вопросы. Например, можно ли признать нарушением размещение на вывеске, или на сайте в интернете, в доменном имени товарного знака производителя, технику которого ремонтирует

сервисный центр? Или можно ли признать нарушением размещение на фасаде здания, на вывеске товарного знака производителя, товары которого продает предприниматель? Можно ли признать нарушением размещение на упаковке товара товарного знака производителя, для продукции которого предназначен этот самый упакованный товар?

Эти вопросы возникли, поскольку не совсем ясно, для каких целей используется товарный знак: для «обмана» потребителя или лишь для описания своей деятельности. Ведь действительно, сервисный центр лишь показывает, что может оказать ремонтные услуги по определенной технике, но не выдает свои услуги за услуги другого. Действительно, товарный знак на фасаде размещен лишь чтобы показать потенциальному покупателю, что в этом месте он может приобрести товары определенной марки. И, наконец, действительно, знак на упаковке определенного товара лишь показывает, что этот товар предназначен для другого товара определенной марки. Во всех этих случаях чужой товарный знак не используется для того, чтобы выдать свой товар за товар более успешного или узнаваемого. Он лишь помогает описать то, чем занимается другой коммерсант.

Проблема использования чужого товарного знака в описательных целях становилась предметом зарубежных судебных разбирательств. Так, показательным иностранным прецедентом является дело Sunmark, Inc. v. Ocean Spray Cranberries, Inc. [2], в котором утверждалось о незаконном использовании товарного знака SWEETART. От

ветчик, Ocean Spray Cranberries Inc., производил клюквенный сок, который рекламировался как «sweet tart» (сладкий пирог). Суд отказал в удовлетворении иска, указав, что «использование сходного обозначения иным субъектом для того, чтобы правдиво описать свой собственный продукт не представляет собой нарушения, даже если такие его действия привели к введению потребителей в заблуждение». Схожий подход был использован в деле Wonder Labs, Inc. v. Procter & Gamble Co. [3], где суд отказал в иске за использование товарного знака «Dentists' choice» (зарегистрированный в отношении зубных щеток) во фразе «The dentists' choice for fighting cavities» при рекламе зубной пасты. В другом деле (Cosmetically Sealed Industries, Inc. v. Chesebrough-Pond's USA & Jean Philippe Fragrances, Ltd. [4]) суд отказал в иске за использование товарного знака «Sealed with a kiss» в рекламе губной помады: ответчик предлагал покупателям использовать помаду и «запечатать поцелуем» открытку, которую потом можно было отправить адресату. Отказывая в иске, суд указал, что используемая ответчиком фраза «Seal it with a kiss» носила лишь описательный характер и представляла собой своего рода инструкцию к действиям. На указанных прецедентах в странах общего права возникла доктрина добросовестного описательного использования товарного знака (fair descriptive use).

Параллельно с доктриной добросовестного описательного использования товарного знака возникла доктрина номинативного использования товарного знака (nominative fair use), суть которой сводится к использованию чужого товарного знака для целей отсылки к продукту правообладателя. Традиционным примером номинативного использования товарного знака является дело Gillette Company v. LA-Laboratories Ltd. [5], где ответчик использовал товарный знак на упаковке продаваемых им лезвий для бритв истца. Суд отклонил доводы истца, указав, что третье лицо может использовать чужой товарный знак в тех случаях, когда этот товарный знак позволяет соотнести продаваемый ответчиком товар с товарами истца. Схожий пример — дело Tiffany Inc. v. eBay, Inc. [6], где суд отказался признать нарушением использование торговой площадкой товарного знака правообладателя, оригинальные товары которого продаются на этой самой площадке. Следует сказать, что на территории Европейского Союза указанная доктрина нашла нормативное закрепление. Так, согласно ст. 14 Директивы Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2015/2436 от 16.12.2015 «О сближении права государств — членов ЕС в отношении товарных знаков» правообладатель не вправе запрещать третьим лицам использовать принадлежащий ему товарный знак, если это необходимо для отсылки к товарам/услугам правообладателя, в частности для маркирования назначения товаров третьих лиц в качестве комплектующей или запасной части [7].

Во многом, благодаря зарубежному опыту сложилась и отечественная судебная практика. С ее помощью мы можем дать ответы на поставленные выше вопросы.

Так, мы можем сказать, что размещение на вывеске товарного знака в целях описания ассортимента имеющегося товара у третьего лица не является нарушением исключительного права на товарный знак с точки зрения номинативного использования товарного знака. Тем не менее, отечественная судебная практика выдвигает дополнительный критерий: реализует ли правообладатель (применительно к товарному знаку) свою продукцию напрямую или через сеть официальных дилеров (дистрибьютеров); если да, то является ли третье лицо, разместившее товарный знак на вывеске или любым иным способом, официальным дилером. Положительный ответ на первый вопрос и отрицательный — на второй, в совокупности дают нарушение исключительного права на товарный знак, так как создают угрозу смешения для потребителя официального распространителя с неофициальным. Такой подход сформировался в деле обществ «Фольксваген Акциенгезельшафт» и ООО «Аспект-Моторс». Президиум ВАС РФ указал, что использование ООО «Аспект-Моторс» товарных знаков Volkswagen, VOLKSWAGEN и логотипа VW в наружной рекламе по образу и подобию правообладателя и его официальных дилеров может ввести потребителей в заблуждение о сложившихся между сторонами спора отношениях. В связи с этим, Президиум ВАС РФ указал, что такое использование недопустимо [8]. Однако в настоящее время появился еще один дополнительный критерий для правомерности использования товарного знака: приобретение товаров у официальных дилеров. Так, в ряде судебных решений отмечалось, что указание товарного знака производителя товара на фасаде магазина, в котором продаются оригинальные товары данного производителя, приобретаемые у официального дилера, не свидетельствует о незаконности использования товарного знака, а лишь свидетельствует о том, что в этом магазине продаются оригинальные товары правообладателя товарного знака, производимые им [9].

Мы также можем сказать, что размещать товарный знак как указание на то, в отношении продуктов какой марки оказываются услуги, можно, если указанный товарный знак не является одновременно и знаком обслуживания (то есть зарегистрирован как по «продуктным», так и по «сервисным» группам МКТУ). Соответственно, при отсутствии знака обслуживания номинативное указание товарного знака не будет являться нарушением. Но в противоположенном случае, соответственно, будет. Например, в одном из дел суд указал, что размещая в наружной рекламе официальный логотип «Тойота Моторс» и словесное обозначение «Специализированный сервисный центр Тойота», ответчик создает у потребителей впечатление о себе как об авторизованном сервисном центре (то есть центре, осуществляющем сервисное обслуживание автомобилей марки Тойота от имени их производителя), что не соответствует действительности [10]. Такого подхода (о наличии нарушений исключительных прав), по нашему мнению, следует придерживаться и в отношении многочисленных сервисных

центрах различной техники, использующих в своих фирменных наименованиях и коммерческих обозначениях товарные знаки (знаки обслуживания), индивидуализирующие товары и услуги соответствующих производителей.

Более уверенно можно ответить на вопрос о возможности использования товарного знака для соотнесения своего продукта с продуктом правообладателя. Российская судебная практика, в целом, повторяет прецедент *Gillette v. LA-Laboratories*. Так, по делу чехлов для iPhone суд указал, что спорные обозначения были нанесены на упаковку спорных товаров с целью информирования потребителей об относимости (совместимости) чехлов с определенными моделями мобильных телекоммуникационных устройств iPhone производства компании Apple Inc. [11]. Таким образом, суд попросту использовал доктрину добросовестного описательного использования товарного знака (в этом случае — словесного).

Следует заметить, что особый пласт судебной практики — использование товарного знака в доменном имени. В целом, по нашему мнению, надо исходить из того, что на этапе обозрения доменного имени потенциальный потребитель не видит и не может видеть, включен ли товарный знак или знак обслуживания в доменное имя для добросовестного описания собственного товара администратора доменного имени или для его индивидуализации. В таком случае товарный знак, включенный в доменное имя, влияет на потребителя, не имеющего на тот момент информацию о действительности услуги, ее качестве, содержимом и т. д., как триггер и привлекает его внимание, выделяет один сайт от другого такого же сайта. В связи с этим, мы считаем, что использование товарного знака (знака обслуживания) в доменном имени не может быть признано добросовестным, поскольку его включение в доменное имя всегда преследует цели индивидуализации сайта. В связи с этим, такое нарушение является безусловным.

В целом же, как видно из приведенного анализа, международный подход воспринят отечественной правоприменительной практикой, однако воспринят с нюансами. На наш взгляд, в этих нюансах возникает фундаментальный теоретический вопрос: насколько ограничено исключительное право правообладателя? Ведь во всех рассматриваемых случаях речи о возникновении чистого смешения не идет. И при этом, позиция отечественной судебной системы более чем противоречива: параллельный импорт (как нарушение исключительного права правообладателя на введение маркированного товара в оборот) почти не карается, в то время как номинативное использование, вводящее потребителей в заблуждение незначительно (вспомним *Sunmark, Inc. v. Ocean Spray Cranberries, Inc.*), карается гораздо сильнее. В таких условиях, когда правоприменение недействительно в отношении параллельного импорта, действенно в отношении номинативного и описательного использования, правоприменение в целом становится противоречивым.

Способы защиты. При определении стратегии защиты по таким делам необходимо учитывать репутационные риски. Сам по себе факт снижения выбора у потребителя может негативно сыграть на будущем компании. Речь идет о случаях, когда прохожий не может определить, например, может ли этот сервисный центр починить его смартфон или нет, за счет того, что правообладатель лишил этот сервисный центр информативности: запретил ему использовать свой товарный знак.

Если же указанные последствия не последуют, либо они не страшат правообладателя, то стратегически выгодно первоначально прибегнуть к публично-правовым способам защиты. Из их числа можно назвать обращение в МВД России для проведения проверок на предмет выявления фактов административных правонарушений, предусмотренных ст. 14.10 КоАП РФ [12], включение товарного знака в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (поскольку ФТС России правомочна также вести производство по ст. 14.10 КоАП РФ), а также в ФАС России для установления факта недобросовестной конкуренции, использования недобросовестной рекламы.

Первоочередное использование публично-правовых способов защиты обусловлено сложностью в доказывании факта наличия смешения, недобросовестной конкуренции и других публично-правовых последствий использования чужого товарного знака (знака обслуживания). Соответствующее решение административного органа может стать неплохим доказательственным подспорьем в судебном процессе. Кроме того, административные органы могут сами по себе (без судебного производства) решить возникшую проблему: так, органы полиции имеют полномочия на изъятие соответствующего товара (где номинативное или описательное использование товарного знака превышает необходимость), таможенные органы — на невыпуск аналогичного товара в обращение, антимонопольные органы — на выдачу предписания об устранении нарушений антимонопольного законодательства (например, на прекращение распространения наружной рекламы, незаконно содержащей чужой товарный знак). Необходимо также отметить, что не во всех случаях достоверно известны нарушители интеллектуальной собственности. Так, средство индивидуализации может использоваться в доменном имени, а также в наполнении веб-сайта, который содержит информацию о сервисном центре, расположенном по определенному адресу. В ходе работы по выявлению администратора доменного имени устанавливается, что им является физическое лицо; никаких сведений о хозяйствующем субъекте, который фактически оказывает услуги и информация о котором размещена на веб-сайте нет (в том числе в сети Интернет). Привлечение к разбирательству публичных органов (МВД России, ФАС России) позволит правообладателю установить фактического выгодоприобретателя безосновательного использования товарного знака (которое в отдельных случаях позже может превратиться в добросовестное описательное или номинативное).

тивное) и привлечь их к разбирательству в качестве соответчика. Это выгодно в тех случаях, когда нарушения носят массовый характер и правообладатель попросту не может направить своих представителей во все регионы большой страны. Ну, и в конечном счете, наличие решения административного органа, подтверждающего не только частное (использование чужого товарного знака), но и публичное нарушение (например, недобросовестной конкуренции) может положительно повлиять на размер присужденной судом компенсации. Таким образом, использование публично-правовых способов защиты имеет ряд преимуществ.

Среди публично-правовых способов защиты желаем уделить особое внимание антимонопольной составляющей. Так, основой для защиты интеллектуальной собственности через антимонопольный орган выступают действующие нормы о защите конкуренции (в части запрета недобросовестной конкуренции), а также нормы законодательства о рекламе (в части недопустимости распространения недостоверной рекламы как рекламы, вводящей в заблуждение потребителей относительно фактического продавца товара или исполнителя услуги).

Говоря о недобросовестной конкуренции, необходимо обозначить положения ст. 14.6 и ст. 14.8 Закона о защите конкуренции [13]. Различия в них состоит в том, что по ст. 14.6 Закона о защите конкуренции лицо будет привлечено к ответственности, если оно использует чужую интеллектуальную собственность незаконно, в то время как по ст. 14.8 Закона о защите конкуренции интеллектуальная собственность может использоваться законно (хотя уместнее здесь термин — добросовестно, например, в описательных или номинативных целях), однако за счет это все же извлекает конкурентные преимущества. Следует сказать, что разграничение этих составов антиконкурентных нарушений можно проводить также по принципу достаточности и разумности использования чужого товарного знака в описательных целях: если по составу ст. 14.6 Закона о защите конкуренции таковое явно избыточно и необоснованно, то по составу 14.8 Закона о защите конкуренции явной избыточности не имеется, однако в силу фактических обстоятельств антимонопольного дела извлечение недобросовестных конкурентных преимуществ все же имеется. Проводить разграничение указанных составов антиконкурентных нарушений необходимо в силу процессуальных особенностей выявления таких правонарушений и их рассмотрения. В частности, если по составу ст. 14.6 Закона о защите конкуренции выдача предупреждения не требуется, то по составу ст. 14.8 Закона о защите конкуренции дело об антимонопольном правонарушении может быть возбуждено только в случае неисполнения предупреждения.

В тех случаях, когда использование чужого товарного знака или знака обслуживания явно выходит за пределы добросовестного или номинативного использования и при этом есть признаки привлечения за счет этой интеллектуальной собственности внимания к собственному

продукту (услуги), действия рекламодателя и рекламодателя могут быть признаны незаконными. Следует иметь в виду, что отдельная квалификация действий рекламодателя и рекламодателя как нарушающих законодательство о рекламе возможно лишь в случае распространения недостоверной рекламы (п. 3 ст. 5 Закона о рекламе [14]); распространение недобросовестной рекламы, признаваемой, при этом, актом недобросовестной конкуренции будет оцениваться в рамках Закона о защите конкуренции, поскольку он содержит специальные нормы по отношению к законодательству о рекламе. Избыточное номинативное или описательное использование чужой интеллектуальной собственности в современных условиях возможно в наружной, контекстной рекламе, рекламе в форме всплывающих баннеров на веб-сайтах и т. д.

В целом следует признать, что привлечение к защите интеллектуальной собственности антимонопольных органов — метод действенный, однако в некоторых случаях более медленный, нежели судебный способ защиты права. Так, в отдельных случаях (а по значительным антимонопольным спорам таких большинство) антимонопольный орган может продлить срок рассмотрения заявления до 3 месяцев, срок рассмотрения антимонопольного дела до 6 месяцев, в результате чего антимонопольное разбирательство может длиться на протяжении почти года. Эту особенность следует учитывать при выборе этого направления защиты.

Использование же гражданско-правовых способов защиты не вызывает особой сложности. Это могут быть как иски о возмещении убытков и уничтожении товаров, о прекращении нарушения исключительных прав, взыскании убытков и компенсации и проч. Наиболее простым способом защиты исключительных прав на интеллектуальную собственность является взыскание компенсации, так как правообладатель не обязан доказывать размер запрашиваемой компенсации, бремя доказывания ее несоответствия допущенному нарушению возлагается на нарушителя. Менее распространённым способом защиты права является взыскание убытков, так как в этом случае необходима большая достоверность представленного правообладателем расчетов; при этом убытки от использования интеллектуальной собственности в большем мере складываются из упущенной выгоды, сложность доказывания которой известна российским юристам. В это же время стоит иметь в виду, что размер компенсации, в отличие от размера доказанных убытков, может быть снижен в зависимости от судебного усмотрения. Специфика споров с использованием интеллектуальной собственности в описательных или номинативных целях заключается «пограничности» и «призрачности» нарушения: формально нарушение есть, однако особой социальной вредности оно не несет. Такой подход в целом применяется к параллельному импорту со всеми его вытекающими — суды широко применяют свое право на снижение компенсаций до минимальных десяти тысяч рублей.

Таким образом, проблема номинативного и описательного использования чужой интеллектуальной собственности в российском праве имеется, и, до настоящего времени, она не нашла своего однозначного разрешения.

Литература:

1. Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ), принятая в г. Ницце 15 июня 1957 г. (Одиннадцатая редакция, издание 3-е, с изм. и доп. от 2019 года) // СПС «Консультант Плюс».
2. Sunmark, Inc. v. Ocean Spray Cranberries, Inc., 64 F.3d 1055, 1059–60 (7th Cir. 1995).
3. Wonder Labs, Inc. v. Procter & Gamble Co., 728 F. Supp. 1058, 1062–64 (S. D. N. Y. 1990).
4. Cosmetically Sealed Industries, Inc. v. Chesebrough-Pond’s USA & Jean Philippe Fragrances, Ltd. 125 F.3d 28 (2d Cir. 1997).
5. The Gillette Company and Gillette Group Finland Oy v. LA-Laboratories Ltd Oy // URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?docid=66456&doclang=EN.html>
6. Tiffany Inc. v. eBay, Inc., 576 F. Supp. 2d 463 (S. D. N. Y. 2008) /
7. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/2436 от 16 декабря 2015 г. «О сближении права государств-членов ЕС в отношении товарных знаков» // СПС «Гарант».
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 6 апреля 2004 г. по делу № А76–9599/02–46–442/33–94 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 марта 2015 г. по делу № А63–4333/2014 // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 ноября 2015 г. по делу № А40–24449/2015 // СПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 апреля 2015 г. по делу № А56–22940/2014 // СПС «Консультант Плюс».
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
13. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
14. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. № 51.

Применение мер уголовно-правовой ответственности для предотвращения незаконной добычи янтаря в целях обеспечения экологической безопасности России

Кайгородова Анна Леонидовна, студент;

Подгорный Николай Алексеевич, старший преподаватель

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассмотрены вопросы обеспечения экологической безопасности при незаконной добыче янтаря. Обосновывается необходимость применения мер административной и уголовно-правовой ответственности для предотвращения незаконного оборота янтаря, ущерба окружающей среде.

Ключевые слова: стратегия развития, ответственность, незаконная добыча янтаря, безопасность, окружающая среда, Китай.

Для целей обеспечения безопасности России в экологическом плане была принята в 2017 году «Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года». В соответствии с ней, основными задачами, обеспечивающими достойную жизнь человека и эффективное развитие экономики государства, являются:

- эффективное использование природных ресурсов;
- предотвращение деградации земель.

В Калининградской области проблемы экологической безопасности в достаточной степени также не решены, осо-

бенно в вопросах сохранности природных ресурсов, которыми богат регион — янтарь.

Несмотря на такую сложную ситуацию, в регионе отсутствует концепция обеспечения экологической безопасности, законодательная и исполнительная власть не проявляют необходимого внимания решению экологических проблем региона. Примером нарушения экологии является нелегальные разработки янтаря, которые составляет, по различным оценкам, от 26% до 51% от всего объема добычи. Это явление негативное сказывается на конкурен-

тоспособности всего легального процесса — от добычи сырья и производства ювелирных изделий, до сбыта янтарной продукции. Большой спрос, которым пользуется янтарь-сырец в зарубежных странах, является стимулятором для его незаконной добычи, а также контрабанде его, чем значительно сокращает доходность его производства в РФ. [6, с.34]

Кроме больших экономических потерь от незаконной добычи янтаря, у государства возникают и экологические проблемы. Нелегальные разработки оказывают существенное влияние на окружающую среду. Проявляется это в вымывании питательного для сельскохозяйственных культур слоя почвы. На больших территориях Калининградской области, где есть месторождения янтаря, после незаконных раскопок его, наблюдать множество ям и кратеров, создающих вид «лунного пейзажа».

В результате незаконной длительной разработки янтаря в этих районах, уничтожены много гектаров плодородной почвы, а для полного восстановления таких участков, то есть рекультивации, требуются большие силы и многочисленные средства.

За самовольную ликвидацию плодородной земли предусмотрена по ст. 8.6 КоАП РФ ответственность. Она предполагает применение небольших штрафных санкций в пределах от 1 тыс. до 3 тыс. рублей. Но, такая норма применяется не часто, так как проблематично доказать вину собственника или арендатора земли. Обычно они не принимают участия в самой деятельности по незаконной добычи. [9, с.58]

Морские копатели ничем не отличаются от тех, кто лопатами и помпами уродует янтаросодержащие земли в приморских районах. Ужесточение административного наказания за незаконную добычу янтаря в 2017 году перераспределило потоки «копателей» в сторону моря, где проще уйти от ответственности, прикинувшись дайвером-любителем.

Всего в Калининградской области разведано 3 месторождения янтаря и 8 его отдельных образований. Самыми большими по запасам янтаря месторождениями являются Пальмикенское и Приморское. Оба этих месторождения относятся к государственному акционерному предприятию «Калининградский янтарный комбинат», который является единственной организацией, имеющей лицензию на право добычи янтаря. Третье месторождение — Филено, в настоящее время оно не осваивается.

Запасы янтаря в Калининградском регионе составляют не менее 90% всех мировых. В качестве сырья, поступающего на экспорт, приходится до 90% добытого янтаря.

Производимые в области калининградскими переработчиками изделия из янтаря составляют всего лишь 10%, из которых только 20% реализуются на зарубежных рынках, а 80% распространяются на территории России.

Таким образом, просматриваются две главные проблемы янтарного производства в регионе. Это: незначительное количество обрабатываемого в регионе янтаря и наличие его нелегальной разработки и вывоза.

В Калининградской области существует также вторая криминальная янтарная отрасль, где объемы незаконной разработки янтаря измеряются в пределах от 150 до 300 т. в год, а объем нелегальных янтарных изделий и янтаря оценивается в сумме около 300 млн долларов. Годовой доход от незаконной добычи янтаря колеблется от 800 тыс. руб. до 10 млн руб. в год. [7, с.120] Ежегодно МВД России фиксировали около 1500 административных правонарушений, совершенных в данной сфере физическими лицами по ст. 7.5 КоАП РФ. [3, с.178]

В конце 2017 года законодатели ужесточили ответственность за незаконную добычу янтаря. В соответствии с внесенными в КоАП РФ изменениями, увеличен штраф для граждан в сто раз — до 500 000 рублей, вместо ранее предусмотренных 5 000 рублей, а для юридических лиц штраф составляет — до 60 млн рублей, ранее он не превышал — 1 млн рублей.

В КоАП расширен перечень наказуемых правонарушений. Так ответственность наступает не только за самовольную добычу, но и незаконную транспортировку, хранение и реализацию незаконно добытого янтаря.

Такое усиление мер административной ответственности оказалось не достаточным для предотвращения незаконной добычи янтаря-сырца. «Логическим продолжением работы по повышению штрафов, которую инициировал регион, — отмечает губернатор Калининградской области Алиханов А. А. — является введение уголовной ответственности. Новый уголовный закон позволит бороться с отдельными нарушителями, не реагирующие на административные меры воздействия». [5, с.3]

Принятый 27.12.2019 федеральный закон № 500 внес изменения в ст. 191 УК РФ, установив уголовную ответственность за самовольную добычу и реализацию янтаря, при условии, что правонарушитель ранее привлекался к административной ответственности. Также произошли изменения ст. 255 УК РФ, которой теперь предусматривается ответственность за самовольную добычу янтаря лицом, подвергавшимся административному наказанию. [1] Данные изменения начали применяться с 8.01.2020 года.

До усиления административных штрафов в 2018 году, за незаконную разработку месторождений янтаря в области каждый год привлекалось к административной ответственности более тысячи человек. При этом, объемы конфискованного янтаря находились в пределах от 20 до 50 тонн, а стоимость его доходила до 4 млрд рублей.

В 2019 году в Калининградском регионе сотрудниками полиции привлечено около 100 человек к административной ответственности за незаконный янтарный промысел. Изъято более 20 моторных судов и другие средства передвижения и оборудование. При этом было конфисковано также свыше 60 килограммов янтаря-сырца. Общая сумма административных штрафов превысила 6 млн рублей. [4]

В 2020 году составлено уже 16 административных протоколов, возбуждено и расследуется 4 уголовных дела по части 2 статьи 255 УК РФ «Самовольная добыча янтаря». [8]

Ущерб, который наносится природным богатствам неправомерными разработками янтаря, подсчитать довольно сложно. Разрушенные незаконной добычей земли сельскохозяйственного назначения, практически никем не восстанавливаются. Такое нарушение природоохранного законодательства можно назвать разграблением российских земель и недр.

Незаконная добыча янтаря также не повышает экологическую репутацию Калининградского региону, поэтому он занял в 2017 г. в экологическом рейтинге регионов России 64 место из 85-ти. А в 2016 г. у области было 54 место. [5, с.4]

В 2017 году была принята «Стратегию развития янтарной отрасли до 2025 г». В соответствии с ней предполагалось увеличить переработку янтарного сырья в России, уменьшить доля экспорта янтарного сырья в общем объеме его добычи с 80% до 15%. [2] Однако, происходит прямо противоположное.

Китай в настоящее время является главным потребителем янтаря на мировом рынке. В нем расположено до 80% мировой обработки янтаря, при этом 90% янтарного рынка

является нелегальным. Подтверждением наличия большого нелегального рынка янтаря является задержание на границе контрабандной партии янтаря, весом 240 кг., в апреле 2020 года, направляемой в Китай.

Кризис, вызванный пандемией коронавируса, начинает сказываться и на янтарном рынке. Несмотря на кризис, уже заключен контракт на поставку янтаря-сырца, причем в объеме практически равный плановому объему добычи на 2020 год. Получается, что уже договорились о продаже всего годового количества еще до начала сезона добычи. Получается, что основной потребитель и переработчик янтаря-сырца — это Китай, а не Россия.

Таким образом, применение мер административной и уголовно-правовой ответственности по предотвращению незаконной добычи янтаря в целях обеспечения экологической безопасности России в полной мере не выполняют возложенных на них задач. Также, не способствуют решению экономической безопасности реализация основной массы янтарного сырья иностранным компаниям.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.12.2019 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ».
2. Распоряжение Правительства РФ от 15.09.2017 № 1966-р. «Об утверждении Стратегии развития янтарной отрасли РФ на период до 2025 г».
3. Бархатова Е. Н., Беломестнов Н. Е. «Янтарь — природное богатство вне уголовно-правовой защиты». // 1.02.2019 Legal Concept = Правовая парадигма. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 174–180.
4. Виноградов А. «В 2019 году с незаконных добытчиков янтаря взыскали штрафов на шесть миллионов рублей». // 31.12.2019. Prt Scr youtube.com / Пресс-служба УМВД России по Калининградской области.
5. Вылегжанина У. «За незаконную добычу янтаря теперь грозит тюрьма». // Российская газета от 28.12.2019 № 295 (8053). — С.3–4.
6. Зиберова О. С. «Нормативно-правовое регулирование противодействия незаконной добыче янтаря». // 8.03.2019 Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (53). — С.34–38
7. Малашенков Б. М. «Янтарная отрасль Российской Федерации и мировой рынок янтаря». // Государственное управление. Электронный вестник. — 2018. — Вып. 69. — С. 103–126.
8. Пустовая М. «Самая янтарная контрабанда». //24.04.2020 rugrad.eu <https://rugrad.eu/interview/1172505/>
9. Ушаков В. Н., Шейгец В. Е., Зедгенизова И. И. «О незаконной добыче янтаря». // Молодой учёный № 10 (300) март 2020 г. С.56–59

Исследование внутренних документов при предварительной проверке контрагента

Корчагин Анатолий Георгиевич, кандидат юридических наук, профессор;

Майер Александр Дмитриевич, студент магистратуры

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье авторы дают характеристику процесса исследования внутренних документов компании при предварительной проверке контрагента.

Ключевые слова: предварительная проверка, контрагент, внутренняя документация.

Проверка контрагента имеет прикладной характер. К тому же к увеличению доли выгодных сделок, пред-

приятие меньше вызывает подозрений налоговых органов в преступных сговорах с недобросовестным участни-

кам экономического процесса. Практика исходит из того, что изучение документов не в полной мере, которые размещены на сайте компании могут в некоторых случаях свидетельствовать для налоговых органов и суда, как о проявлении недолжной осмотрительности при неподходящем выборе контрагента.

При проверке стороны по договору следует обращаться к имеющимся интернет-ресурсам, в том числе к тем сведениям, которые содержатся в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (ЕФРСФДЮЛ). Единый государственный реестр юридических лиц исходит из 5 ст. Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который содержит в себе сведения о фирменном наименовании, организационно-правовой форме, адресе и электронном адресе юридического лица, его учредителях, держателе реестра акционеров, учредительном документе, о правопреемстве, о нахождении юридического лица в момент состояния ликвидации или реорганизации, о лице, имеющем право действовать от имени юридического лица, о лицензиях и др. Ещё часть информации ЕГРЮЛ находится в свободном доступе в сети Интернет, при этом часть, которой нет в открытом доступе, может быть предоставлена по запросу в установленном порядке. ЕФРСФДЮЛ — это федеральный информационный ресурс, который появился в 2001 году, и по сей день содержит в себе сведения, подлежащие опубликованию в соответствии с законодательством РФ о государственной регистрации юридических лиц. Данный информационный ресурс формируется путём внесения в него различных сведений субъектами, в том числе уполномоченными государственными органами.

Сведения, которые содержатся в ЕФРСФДЮЛ, признаются ст. 7.1 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей открытыми и общедоступными, за исключением тех сведений, к которым ограничен доступ в соответствии с законодательством РФ. Общедоступные сведения размещаются в сети Интернет, если это не препятствует закону [1].

Порядок формирования и ведения ЕФРСФДЮЛ и Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСФБ) в настоящее время утверждён приказом Министерством экономического развития РФ от 5 апреля 2013 года № 178. Сведения, которые содержатся в государственных реестрах, обладают таким свойством, как публичная достоверность. Это означает, что контрагент который полагается на сведения, которые содержатся в таких реестрах, действует добросовестно и проявляет достаточную степень осмотрительности.

О наличии действующей процедуры банкротства можно узнать из сведений, содержащихся в ЕФРСФБ. Проверка отсутствия банкротства на данный момент времени касательно сторон по сделке об отчуждении акций или долей крайне важна, поскольку на определённых стадиях банк-

ротства полномочия исполнительного органа прекращаются и совершение сделки невозможно. Также необходимо проверить факт отсутствия руководства в списках дисквалифицированных лиц. Во многих организациях разработаны положения о проверке контрагентов или имеются разделы о договорно-правовой работе, в соответствии с которыми и будет применяться сделка при заключении договора отчуждения долей или акций.

В соответствии с п.5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 62 о недобросовестности и неразумности действий (бездействий) руководителя помимо прочего могут свидетельствовать нарушения им принятых в этом юридическом лице обычных процедур выбора и контроля [2].

При этом простое формальное соблюдение данных процедур не является основанием для освобождения руководителя от его ответственности. Указанные основания говорят о том, что необходимо внимательно изучать контрагента, в таком ответственном моменте, как приобретение или продажа бизнеса.

С целью сокращения налоговых рисков перед тем как заключить сделку, налогоплательщик должен запросить документы, которые подтверждают правоспособность контрагента и его возможность выполнить свои обязательства.

Далее приведён список рекомендуемых документов:

- устав предприятия;
- свидетельство о внесении сведений предприятия в ЕГРЮЛ;
- свидетельство о постановке предприятия на налоговый учёт;
- документ, который регламентирует назначение руководителя (решение общего собрания и приказ);
- финансовую и налоговую отчётность;
- лицензии (если предприятие их имеет);
- сведения о транспортном средстве (если есть необходимость поставки или перевозки);
- сведения о текущих основных средствах (особенно, если организация занимается подрядными работами) [3].

Данные копии документа обязательно должны быть заверены юристом (то есть с подписью и печатью).

Далее на рисунке 1 представлены справки при помощи онлайн сервисов.

Очень часто, получив данную информацию о потенциальном контрагенте, можно делать вывод о дальнейшем сотрудничестве. Предприятие может самостоятельно навести справки при помощи сервисов, указанных на рисунке. Также в свободном доступе могут оказаться отзывы, касаемо изучаемой компании.

Для оценки коммуникационной политики компании, следует проводить мониторинг средств массовой информации, отраслевых порталов, а также проводить анализ запросов поисковых систем на предмет упоминания имён первых лиц. Необходимо обращать внимание на работу сотрудников, специалистов, клиентоориентированность, ра-

боту с поставщиками. Все это может говорить об уровне культуры предприятия и о том, насколько они заинтересованы в своём социальном развитии.

При использовании неформальных источников для оценки контрагента, следует сопоставить информацию из различных информационных ресурсов, прини-

мая во внимание то, что негативные отзывы могут свидетельствовать о нечестной конкурентной борьбе и не иметь прямого отношения к организации. Необходимо помнить о том, что при проверке налоговыми органами, они принимают к рассмотрению только официальную информацию из проверенных источников.

Предмет проверки (сведения о компании)	Источники информации/способ проверки
Действительность паспортных данных руководства контрагента	http://services.fms.gov.ru/info-service.htm?sid=2000
Сведения, внесенные в ЕГРЮЛ	http://egrul.nalog.ru/
Сведения о юридических лицах и ИП, в отношении которых представлены документы для государственной регистрации	http://service.nalog.ru/uwsfind.do
Отсутствие решений о ликвидации, о реорганизации, об уменьшении уставного капитала, а также иные сообщения юридических лиц, которые они обязаны публиковать в соответствии с законодательством Российской Федерации.	Сообщения юридических лиц, опубликованные в журнале «Вестник государственной регистрации»: http://www.vestnik-gosreg.ru/publ/vgr/
Отсутствие решений об исключении контрагента из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица	Сведения, опубликованные в журнале «Вестник государственной регистрации», о принятых решениях о предстоящем исключении недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ: http://www.vestnik-gosreg.ru/publ/fz83/
Отсутствие контрагента в реестре недобросовестных поставщиков (подрядчиков)	http://rnp.fas.gov.ru/
Отсутствие контрагента в банке данных судебных приставов	http://fssprus.ru/iss/ip/
Отсутствие руководителей контрагента в реестре лиц, отказавшихся в суде от участия (руководства) в организации или в отношении которых данный факт установлен (подтвержден) в судебном порядке	http://service.nalog.ru/svl.do
Отсутствие дисквалификации у лиц, входящих в состав исполнительных органов контрагента и намеревающихся подписать документы по сделке	http://service.nalog.ru/disfind.do
Отсутствие регистрации контрагента по адресу массовой регистрации	http://service.nalog.ru/addrfind.do
Отсутствие контрагента в базе юридических лиц, связь с которыми по указанному в ЕГРЮЛ адресу отсутствует	http://service.nalog.ru/baddr.do
Отсутствие публикаций объявлений о несостоятельности (банкротстве)	http://www.kommersant.ru/bankruptcy/
Данные о регистрации, истории и состоянии доменного имени сайта организации	http://whoishistory.ru/simplesearch
Качество работы компании с клиентской аудиторией	http://flamp.ru

Рис. 1. Справки при помощи онлайн сервисов

Литература:

1. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (ч. 1). — Ст. 3431; 2019. — № 48. — Ст. 6739.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 — «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»
3. Балабанова, Е. Электронный кадровый документооборот / Е. Балабанова // Хозяйство и право. — 2018. — № 5.

Юридическая характеристика договора бытового подряда

Коцарь Екатерина Игоревна, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены особенности правового регулирования договора бытового подряда, дана его юридическая характеристика, раскрыто понятие, элементы, субъекты, существенные условия договора бытового подряда. Сделаны выводы о целесообразности выделения договора бытового подряда как отдельного института.

Ключевые слова: гражданское законодательство, подряд, договор бытового подряда, подрядчик, заказчик, права потребителей.

В Гражданском кодексе Российской Федерации, бытовым подрядом выделен как отдельный вид договора подряда. Положения, относящиеся к нему закреплены в отдельном параграфе главы 37 ГК РФ. Интересно отметить, что нормы о бытовом подряде содержались и в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, однако в нем такой дифференциации не отмечалось [1].

Субъектами договора бытового подряда являются: подрядчик — лицо, профессионально осуществляющее соответствующую подрядную деятельность (организации и индивидуальные предприниматели) и заказчик — гражданин, который заказывает выполнение работ для удовлетворения бытовых и других личных потребностей.

Таким образом, договор бытового подряда охватывает отношения и обращения товаров и производства материальных благ [2, С. 642].

В соответствии со ст. 730 ГК РФ, по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

В ст. 730 ГК РФ, закреплено, что «к отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным настоящим Кодексом, применяются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними». Особое место в регулировании договора бытового подряда, занимают: Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», принятый 7 февраля 1992 года, «Правила бытового обслуживания населения в Российской Федерации», утвержденные Правительством Российской Федерации 15 августа 1997 года [4].

Суханов Е. А., отмечал, что «договор бытового подряда, так же, как и договор подряда, является двусторонним, консенсуальным и возмездным, что обусловлено конституционными признаками обязательства, устанавливаемого договором подряда» [3, С. 633].

Договор бытового подряда может приобретать черты смешанного договора, в случае включения в него элементов других договоров. К примеру, отношения сторон по оплате стоимости материала (п. 1 ст. 733 ГК) содержат признаки договора купли-продажи.

Договор бытового подряда относится к числу публичных договоров (ст. 426 ГК). Публичность договора обязывает подрядчика выполнять работы по договору бытового

подряда в отношении каждого гражданина, который к нему обратится, и на одинаковых условиях, кроме случаев, когда законом и иными правовыми актами допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей.

Применительно к договору бытового подряда существенными условиями указанного договора являются его предмет (определение вида и объема подлежащих выполнению работ) и сроки выполнения работ, цена работ (статьи 702, 708, 730 ГК РФ).

Предметом договора бытового подряда является результат работ, предназначенный для удовлетворения бытовых или других личных потребностей заказчика.

Цена работы в договоре бытового подряда определяется соглашением сторон и не может быть выше устанавливаемой или регулируемой соответствующими государственными органами (ст. 735 ГК РФ). В ст. 33 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» указано, что на выполнение работы также может быть составлена твердая или приблизительная смета.

В договоре подряда указываются начальный и конечный сроки выполнения работы. Сторонами в договоре могут быть предусмотрены также промежуточные сроки (сроки завершения определенных этапов). За нарушение указанных сроков Подрядчик несет ответственность.

Положения о сроках также закреплены в Законе РФ «О защите прав потребителей» (ст. 27), где отражено, что сроки устанавливаются либо в соответствии с правилами выполнения отдельных видов работ, либо договором о выполнении работ. В договоре может предусматриваться срок, в случае если он не предусмотрен правилами, а также менее продолжительный срок, нежели установленный правилами [6].

К форме договора подряда применяются общие положения ГК РФ о форме сделок (статьи 158–164 ГК РФ). Согласно п. 4 Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации, договор о выполнении работы оформляется в письменной форме. Договор о выполнении работы, выполняемой в присутствии заказчика, может оформляться также путем выдачи кассового чека, билета [5].

Согласно законодательству РФ, подрядчик перед заключением договора бытового подряда обязан предоставить заказчику всю необходимую, достоверную и достаточную информацию о выполняемой по договору работе, ее разновидностях, специфике, стоимости и порядке оплаты, а также предоставить сведения по дополнительным условиям, которые включаются в договор. Объем информа-

ции, подлежащей предоставлению определен ст. 9, 10 Закона о защите прав потребителей, а также п. 2, 3 Правил бытового обслуживания [7].

В отношениях, регулируемых договором бытового подряда, заказчик является экономически более слабой стороной, в связи с чем возникает необходимость в правовом регулировании, при котором правовая защита заказчика особо повышена. Такое положение достигается путем расширения прав и уменьшением ответственности заказчика по сравнению с общими положениями о подряде, а также

повышением ответственности и расширением обязанностей подрядчика.

Сегодня, договор бытового подряда широко используется в гражданском обороте и нацелен на удовлетворение потребностей граждан. Таким образом, в целях обеспечения защиты прав заказчика, а также с учетом специфических черт договора бытового подряда, отличающих его от иных подрядных договоров, закрепление в гражданском законодательстве самостоятельной конструкции договора бытового подряда представляется обоснованным.

Литература:

1. Кабалкин А. Ю. Договор бытового подряда / А. Кабалкин. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 1998. — № 8.
2. Брагинский М. И. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг // М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2011. — 754 с.
3. Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Витрянский В. В. и др.]; отв. ред. — Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 800 с.
4. Тычинин С. В. Договор бытового подряда в гражданском праве России // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-bytovogo-podryada-v-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 28.06.2020).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
6. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 3 июля 2016 г.) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 1997 г. № 1025 (ред. от 04 октября 2012 г.) «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1997. — № 34. — Ст. 3979.

Классификация судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат

Кубанова Алина Магомедовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор дает приводит классификацию судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат по подвидам, перечень решаемых задач в рамках каждого подвида.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, заработная плата, социальные выплаты, классификация судебной бухгалтерской экспертизы.

О видах экспертного исследования необходимо помнить при назначении судебных экспертиз. Судебные экспертизы разных родов, видов и подвигов отграничиваются друг от друга в зависимости от предмета экспертного исследования. А различие в предмете подразумевает разные задачи и объекты судебной экспертизы.

Разграничение предметов экономических экспертиз важно для того, чтобы избежать ошибок при назначении судебной экспертизы, связанных с неправильной постановкой задач перед экспертом, неправильного формирования перечня документов, которые будут представлены

эксперту для производства исследования и так далее. Судебные экспертизы подразделяются на классы, роды, виды и подвиды.

Судебная бухгалтерская экспертиза является родовой экспертизой внутри класса судебных экономических экспертиз. Дальнейшая классификация данного рода судебной экспертизы осуществляется в зависимости от особенностей предмета, исследуемых объектов, используемых методов и задач экспертного исследования. Так, В. В. Голикова, выделяет следующие виды судебной бухгалтерской экспертизы в зависимости от видов хозяйственных операций [1]:

1. Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету заработной платы и социальных выплат;
2. Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету материально-производственных запасов;
3. Судебная бухгалтерская экспертиза денежных средств при расчетно-кассовых операциях и безналичных платежах;
4. Судебная бухгалтерская экспертиза операций целевого использования бюджетных средств;
5. Судебная бухгалтерская экспертиза операций в целях выявления искажений отчетных показателей.

Таким образом, судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету заработной платы и социальных выплат является видовой по отношению к судебной бухгалтерской экспертизе (род) внутри класса судебных экономических экспертиз.

Усматривается, что судебную бухгалтерскую экспертизу операций по учету заработной платы и социальных выплат можно классифицировать на подвиды:

— *Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учёту и расчетам заработной платы работникам организации (премий, доплат, надбавок стимулирующего и компенсационного характера, оплаты в праздничные и выходные дни, за сверхурочную работу).*

В рамках данного подвида судебной бухгалтерской экспертизы решаются задачи, направленные на определение правильности начисленной и выплаченной заработной платы работникам организации. Перед экспертом в рамках данного подвида могут быть поставлены следующие вопросы:

1. В соответствии ли с действующим законодательством и локальными актами организации ООО «Ромашка» осуществлялось начисление и выплата заработной платы работникам Иванову И. И. и Петрову П. П. за период с 01.01.2020 г по 01.02.2020 г?

2. В соответствии ли с действующим законодательством и локальными актами организации ООО «Ромашка» осуществлялось начисление и выплата премий работнику Соловьеву А. А. За период с 01.02.2020 г по 01.03.2020 г?

3. В соответствии ли с действующим законодательством и локальными актами организации ООО «Ромашка» осуществлялось начисление и выплата суммы среднего заработка во время ежегодного оплачиваемого отпуска работника Королева М. М. за период с 01.06.2019 г по 14.06.2019 г?

— *Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учёту и расчётам выплат социального характера (пособий, материальной помощи, прочих выплат и компенсаций).* В рамках данного подвида судебной бухгалтерской экспертизы могут решаться следующие задачи:

1. Определение правильности расчета суммы пособия по временной нетрудоспособности;
2. Определение правильности расчеты суммы пособия по беременности и родам;
3. Определение правильности расчета суммы пенсии по старости; по инвалидности; по случаю потери кормильца;

4. Определение правильности и полноты уплаты суммы материальной помощи работнику.

— *Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учёту и расчётам удержаний из заработной платы работников организации (удержаний алиментов, удержаний за брак, удержаний членских профсоюзных взносов, удержаний в счёт возмещений ущерба и др.).*

Задачей данного подвида судебной бухгалтерской экспертизы является определение правильности расчетов удержаний из заработной платы и их документальной обоснованности. Перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. В соответствии ли с правилами действующего законодательства производились удержания из заработной платы работника ООО «Ромашка» Соловьева А. А. за период с 01.01.2020 г по 10.01.2020 г?

1. Имеется ли документальное подтверждение удержаний, произведённых из заработной платы работника ООО «Ромашка» Соловьева А. А. За период с 01.01.2020 г по 01.02.2020 г?

2. Правильно ли определен размер удержаний, произведенных из заработной платы работника ООО «Ромашка» Ивановой М. М. за период с 01.03.2020 г по 01.04.2020 г?

— *Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учёту и расчетам отпуска работникам организации (оплата ежегодного основного отпуска, оплата учебного отпуска, оплата дополнительного отпуска на санаторно-курортное лечение за счёт ФСС РФ, оплата основного ежегодного отпуска после отпуска по уходу за ребенком и т. д.).*

В рамках данного подвида судебной бухгалтерской экспертизы решается задача проверка правильности определения расчетного периода и сумм заработной платы по месяцам в указанном периоде при расчете отпускных, подлежащих выплате работнику. Перед экспертом в рамках решения указанной задачи могут быть поставлены вопросы:

1. В соответствии ли с действующим законодательством рассчитана сумма, подлежащая выплате работнику ООО «Ромашка» Королевой А. М. в связи с предоставлением ежегодного основного/дополнительного оплачиваемого отпуска за период с 01.12.2019 г по 28.12.2019 г?

5. В соответствии ли с действующим законодательством работнику ООО «Ромашка» Ивановой М. М. исчислена и выплачена сумма денежной компенсации за неиспользованный отпуск в период с 03.03.2020 г по 20.03.2020 г?

6. В соответствии ли с правилами действующего законодательства исчислена средняя заработная плата работника Иванова М. М. Для определения оплаты отпуска за период с 01.08.2019 г. По 01.09.2019 г?

Таким образом, знание классификации определенного вида судебно-экспертного исследования позволяет лучше уяснить сущность и возможности такого исследования в соответствии с предметом судебной экспертизы. Также позволяет определить, какие вопросы могут быть поставлены перед экспертом в рамках задач каждого подвида. И хотя существенных различий в перечне

документов, направляемых на исследование, но субъекту, назначающему экспертизу, каждый раз следует учитывать особенности подвидов судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету заработной платы и социальных выплат и направлять соответствующие материалы. Например, для ответов на вопросы, касающиеся определения правильности исчисления сумм удержаний из заработной платы работника, необходимо в том числе определить документальную обоснованность таких удер-

жаний. Так, в случае осуществления удержания из заработной платы по инициативе работника необходимо исследовать соответствующее заявление работника, составленное с соблюдением требований законодательства о размере удержаний из его заработной платы; в случае удержания алиментов необходимо исследовать также нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов, а при его отсутствии — судебное решение о взыскании алиментов и исполнительный лист [2].

Литература:

1. Голикова В. В. К вопросу о классификации судебной бухгалтерской экспертизы // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова. г. Москва, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 19–20 января 2017 г. Стр.100–104.
2. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ: [Электронный доступ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения 4.05.2020 г.)

Особенности института наследования по праву представления в гражданском законодательстве России и иных государств

Либерчук Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

В статье рассматриваются теоретические и законодательные аспекты, связанные с современным содержанием института наследования по праву представления в гражданском законодательстве РФ. Проведен анализ отдельных законодательных положений исследуемого института в законодательстве некоторых зарубежных стран. Предложены рекомендации по внесению изменений в действующий ГК РФ.

Ключевые слова: наследование, наследник, право представления, международное частное право, недостойный наследник.

Следует отметить, что правоприменители зачастую сталкиваются при производстве дел по наследованию международного характера с институтом права представления.

Обращаем внимание на отсутствие единого выработанного критерия на международном уровне, которым бы надлежало руководствоваться при определении порядка наследования по праву представления, что обуславливает различные подходы уполномоченных органов иностранных по отношению друг к другу государств в разрешении такого вопроса [5, с 102].

Отечественный законодатель в термин «право представления» вкладывает следующий смысл (п. 1 ст. 1146 ГК РФ): это «право определенных, названных в ГК РФ лиц, занять то место наследника соответствующей очереди по закону, которое принадлежало бы их родителю (отцу или матери), если бы он не умер до открытия наследства или одновременно с наследодателем» [4, с. 254].

Хочется акцентировать внимание на таком важном аспекте как отсутствие института правопреемства при активизации права представления. В частности, А. Л. Маковский верно определяет юридическое существо такого

правомочия, характеризующееся переходом не самого права наследования, а именно «доли наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем» [4, с. 24].

Вышеизложенное обуславливает специфику избрания правомочного статута для регламентации наследственных отношений, а именно целесообразность обращения к правопорядку первого наследодателя [4, с. 28].

Итак, ст. 1146 ГК РФ дословно определяет категориальный аспект, на который распространяется юрисдикция анализируемого права:

- внуки наследодателя и их потомки (п. 2 ст. 1142 ГК РФ);
- дети полнородных и неполнородных братьев и сестер наследодателя (п. 2 ст. 1143 ГК РФ);
- двоюродные братья и сестры наследодателя п. 2 ст. 1144 ГК РФ.

Наследственное имущество, перешедшее в порядке права представления, подлежит разделу между представляющими наследниками в равном объеме.

Вышеперечисленные субъекты наследуют в качестве наследников по закону определенной очереди — первой (п. 2

ст. 1142), второй (п. 2 ст. 1143) или третьей (п. 2 ст. 1144). Соответственно, их призвание к наследованию порождает негативные последствия для наследников последующих очередей в виде отстранения от получения части имущественной массы [6, с. 94].

Особо следует подчеркнуть предусмотренный нормами российского права запрет призвания к наследованию представляющих наследников, в том случае, если лица, место которых они призваны занимать в наследственном процессе, т. е. представляемые наследники, не имели бы права наследовать в силу прямого указания закона или по воле наследодателя [5, с. 74]. В частности, п. 3 ст. 1146 ГК РФ предписывает, что отстранение от наследования представляемого наследника в силу его недостойности по основаниям, изложенным в п. 1 ст. 1117 ГК РФ, обуславливает невозможность призвания к наследованию по праву представления его потомков.

При этом предусмотренная законодателем в абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ возможность наследования таким недостойным наследником имущества, завещанного ему уже «после утраты» им права наследования¹⁾, не имеет юридических последствий для правового положения представляющих наследников [4, с. 33].

Как представляется, совокупный анализ законодательных положений относительно права представления и института недостойного наследника позволяет поставить под сомнение юридическую обоснованность предписаний ст. 1146 ГК РФ, обуславливающих невозможность наследования по праву представления потомками наследника, утратившего свое право на получение наследства в силу п. 1 ст. 1117 ГК РФ.

Вопрос о присвоении наследнику статуса «недостойного» в связи с совершенным им противоправным деянием разрешается в каждом случае индивидуально, исходя из фактических обстоятельств, нашедших отражение в судебном постановлении, вынесенном в отношении такого лица. Т. е., такая процедура носит сугубо личный характер, правовые последствия которой ни в коей мере не должны распространяться на кого-либо еще, кроме самого правонарушителя [7, с. 49].

В связи с этим, ст. 1146 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«1. Доля наследника по закону, умершего до открытия наследства или одновременно с наследодателем, переходит по праву представления к его соответствующим потомкам в случаях, предусмотренных пунктом 2 статьи 1142, пунктом 2 статьи 1143, пунктом 2 статьи 1144, неза-

висимо от того был ли представляемый наследник лишен права наследовать по причине признания его недостойным. Доля наследника по закону, перешедшая к его наследникам по праву представления, делится между ними поровну.

2. Не наследуют по праву представления потомки наследника по закону, лишённого наследодателем наследства (пункт 1 статьи 1119)».

Следует отметить, что в законодательстве некоторых иностранных государств предусматривается такая возможность применения института наследования по праву представления в отношении потомков недостойных наследников (например, *ГК Квебека* (титул III, глава III)) [3, с. 102].

Английское право, аналогично российскому, в качестве лиц, наследующих по праву представления признает: внуков, правнуков наследодателя, детей полнородных и неполнородных братьев и сестер наследодателя (племянников и племянниц), а также детей полнородных и неполнородных дядей и тетей наследодателя (двоюродных братьев и сестер) [5, с. 116].

При этом специфика этих двух правопорядков сводится к различному восприятию очередности наследования по отношению к полнородным и неполнородным родственникам наследодателя. Отечественное право рассматривает таких лиц как подлежащих призванию в рамках одной очереди; английский же законодатель установил неравенство прав указанной группы наследников, закрепив привилегированное положение полнородных родственников по отношению к неполнородным, которое выражается в отстранении от наследования неполнородных наследников в случае призвания полнородных [7, с. 50]. Таким образом, правоприменителям надлежит принимать во внимание изложенные специфические аспекты законодательных установлений России и Англии при разрешении коллизий относительно призвания к наследству наследников по праву представления.

Отличительные особенности по анализируемой проблематике заключает в себе законодательство *Японии*. Так, в соответствии с предписаниями *ГК Японии* правом наследования посредством реализации такой юридической фикции как институт права представления наделяются только кровные родственники наследодателя по прямой нисходящей линии. Наряду с этим, в *Японии* не допускают к наследованию по праву представления лиц, которые хотя и являются по отношению к наследодателю его кровными родственниками по прямой нисходящей линии, но по степени родства располагаются ниже внуков, т. е. законодательное ограничение установлено применительно к родственникам наиболее отдаленных степеней родства от наследодателя [2, с. 429].

¹⁾ Речь идет о гражданах, которым наследодатель после утраты ими права наследования завещал имущество, вследствие чего они становятся правомочными его наследовать.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Гражданский кодекс Японии от 16.07.1898 (ред. от 08.12.2014). — Текст: электронный. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie16673.html> (дата обращения: 24.10.2019).
3. Гражданский кодекс Квебека от 01.01.1994 (ред. от 14.02.2009). — Текст: электронный. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Civil_Code_of_Quebec (дата обращения: 24.10.2019).
4. Абраменков, М. С. Коллизионно-правовое регулирование наследственных отношений в международном частном праве России // *Наследственное право*. — 2018. — № 2. — С. 21–35.
5. Блинков, О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств — участников Содружества Независимых государств и Балтии: монография / О. Е. Блинков. — Москва: ИГ Юрист, 2015. — 178 с.
6. Валькова, Е. В. Международно-правовое регулирование наследственных отношений: монография / Е. В. Валькова. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. — 127 с.
7. Черепкова, М. А. Регулирование наследственных отношений международного характера в Российской Федерации // *Бюллетень нотариальной практики*. — 2016. — № 6. — С. 42–51.

Категоризация инвесторов — физических лиц на рынке ценных бумаг РФ: надуманная мера или осознанная необходимость

Митянин Александр Константинович, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Начиная с 2019 года, брокерская деятельность находится на этапе активного реформирования и развития.

Целесообразность совершенствования регулирования посреднической деятельности на национальном финансовом рынке была отмечена в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [1]. Первым этапом в реализации указанной задачи стал доклад для общественных консультаций «Совершенствование регулирования брокерской деятельности», опубликованный Банком России в октябре 2016 года, который обсуждался с профессиональным сообществом.

Одним из существенных направлений совершенствования действующего законодательства, который активно продвигается Банком России — категоризация инвесторов — физических лиц, являющихся клиентами организаций брокерского обслуживания. Соответствующий законопроект № 618877–7 был внесен в Государственную Думу в конце 2018 года и в настоящее время прошел процедуру принятия в первом чтении. О готовности к рассмотрению законопроекта по второму чтению на онлайн пресс-конференции в ТАСС заявил глава комитета Государственной Думы по финансовому рынку Аксаков А. Г [2]. В Центральном Банке РФ рассчитывают, что Закон о категоризации инвесторов может заработать с апреля 2021 года.

Под категоризацией клиента физического лица законопроект понимает процедуру отнесения брокерами и иными лицами клиента — физического лица к одной из предусмотренных законом категорий. Изначально клиентов-физлиц должны были разделить на четыре категории: «особо защищаемый неквалифицированный инвестор», «простой неквалифицированный инвестор», «простой квалифицированный» или «профессиональный инвестор». Однако,

после ряда изменений, количество категорий в законопроекте будет сокращено с четырех до двух. Все инвесторы будут подразделяться на квалифицированных и неквалифицированных.

Анализ текста законопроекта приводит к выводу, что квалифицированный инвестор должен будет соответствовать одному критерию, которыми законопроект предлагает дополнить ФЗ «О рынке ценных бумаг» через введение статьи 51⁹. Стоит отметить, что все введенные законодателем критерии исходят из имущественных и профессиональных качеств клиентов (наличие опыта работы на определенной должности, частота совершения сделок с ценными бумагами на совокупную цену не менее 6 миллионов рублей, наличие активов в размере не менее 10 миллионов рублей и др.);

В зависимости от присвоенной категории, к которой будет отнесен клиент, ему будут доступны определенные виды операций с ценными бумагами. Сложные финансовые инструменты будут доступны только квалифицированным инвесторам. Неквалифицированные инвесторы смогут приобретать некоторые ценные бумаги из котировальных списков биржи (первый и второй уровни списка), государственные ценные бумаги, неструктурные облигации, которые не включены в котировальные списки, но эмитенты которых имеют определенный кредитный рейтинг, не ниже установленного регулятором уровня (какого — пока не ясно); а также неограниченные в обороте инвестиционные паи ПИФов. Инвестировать в иные инструменты неквалифицированный инвестор будет не вправе.

При этом, законопроектом предусмотрена возможность допуска неквалифицированных инвесторов к участию в обращении сложных финансовых инструментов при условии успешного прохождения тестирования.

Анализ текста законопроекта показал, что тестирование должно будет проводиться по каждому финансовому инструменту в отдельности в порядке, установленном базовым стандартом защиты прав и интересов физических и юридических лиц — получателей финансовых услуг, оказываемых брокерами, проводящими тестирование, разработанным саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, членом которых является брокер, проводящий тестирование.

На наш взгляд, принятие данного закона будет преждевременным и не продуманным. В настоящее время, законодательство о рынке ценных бумаг не предусматривает никаких требований к клиентам, как к сторонам договора о брокерском обслуживании. Обратиться к брокеру с заявлением о присоединении к договору вправе любое физическое (юридическое) лицо, желающее совершить сделку с ценными бумагами или заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом.

По оценкам профучастников, около 70% частных инвесторов попадут в категорию неквалифицированных инвесторов [3]. Так, средний размер счета клиентов компаний, работающих в российском сегменте Forex, составляет 160 тыс. рублей, по данным Ассоциации форекс-дилеров. Из-за того, что торговля валютными инструментами будет недоступна большинству инвесторов, им придется пользоваться услугами иностранных компаний или нелегалов. Кроме того, инвесторы могут лишиться возможности торговать бумагами, которые представлены на Санкт-Петербургской бирже, — это около 1 тыс. акций и облигаций крупнейших мировых корпораций, среди которых Google, Apple, Amazon, Microsoft, Alibaba.

В настоящее время закон не может запретить инвестору заключить договор с иностранным банком или брокером, которые не подотчетны ЦБ. Некоторые иностранные брокеры готовы обслуживать клиента при наличии минимального депозита в несколько тысяч долларов. Кроме того, у иностранных брокеров бывают достаточно высокие для розничного инвестора комиссии за сделку.

Представляется, что в условиях упрощения доступа инвесторов к международным рынкам решить задачу по защите инвесторов путем запрета проведения операций на локальном рынке невозможно. Вводимые разграничения статуса инвесторов по имущественному цензу будут создавать лишь преимущества международным посредникам, ущемляя возможности российских посредников и инфраструктуры.

Кроме того, процедура тестирования неквалифицированных инвесторов для их возможного допуска к операциям со сложными финансовыми инструментами и ценными бума-

гами, не подпадающими под разрешенных перечень, также представляется спорной.

Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц — получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих брокеров, на который ссылается текст законопроекта при установлении правил тестирования, утвержден Национальной ассоциацией участников фондового рынка (НАУФОР). Указанный документ не является государственным стандартом и разработан одной из некоммерческих организаций в сфере финансового рынка. Никаких конкретных нормативов и требований, которые могут стать основой для разработки тестовых заданий стандарт НАУФОР не содержит и не может содержать.

Таким образом, предоставляя СРО право самостоятельно разрабатывать и утверждать материалы для тестирования потенциальных инвесторов, рынок рискует столкнуться с ситуацией, когда разными СРО в основу тестирования будут положены различные факторы. В условиях отсутствия единых критериев формирования тестовых заданий и системы оценивания полученных результатов, не исключено возникновение различного рода злоупотреблений и путей обхода норм о квалификации со стороны недобросовестных участников рынка. Ответственности за допуск на рынок ценных бумаг инвестора, который не подтвердил свою квалификацию, законопроект не предусматривает.

Дискуссия о новых правилах категоризации инвесторов продолжается. Рабочие версии законопроекта уже неоднократно изменялись, однако, общие подходы Банка России к основным группам финансовых инструментов остались прежними. Риски инвестиций в отечественные ценные бумаги всегда были велики. Поэтому желание регулятора защитить инвесторов, напротив, по факту приведет к возрастанию их, инвесторских, рисков. Итогом такой непродуманной политики станет массовое открытие счетов у иностранных брокеров.

Представляется, что использование гражданами инструментов финансового рынка в первую очередь должно быть направлено на удовлетворение их потребностей. По этой причине, хотелось бы выразить надежду, что принятие законопроекта о категоризации инвесторов будет отложено, а, в дальнейшем, доработано, с учетом необходимости более тщательной проработки действующего законодательства, обеспечения надлежащего и адекватного контроля за соблюдением вводимых норм, а также установления реальных мер ответственности на недобросовестных участников рынка за их нарушение.

Литература:

1. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (одобрено Советом директоров Банка России 26.05.2016) // СПС Консультант Плюс. Доступ из библиотеки Волго-Вятского института МГЮА им. О. Е. Кутафина

2. Газета Коммерсантъ Брокеры вышли на депутатов в борьбе за права инвесторов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4285309> (дата обращения 17.05.2020)
3. Банки.ру Чем опасен новый закон о категоризации инвесторов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10901045> (дата обращения 17.05.2020)

Исполнение судебного акта о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве

Михайлюкова Валерия Сергеевна, студент

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Институт субсидиарной ответственности выступает в качестве важного средства защиты кредиторов организации-банкрота.

Представляется, что эффективность субсидиарной ответственности напрямую зависит не от декларативных норм законодательства, а от их фактического претворения в жизнь, иными словами — от реального возмещения ущерба, причиненного в результате неэффективной экономической деятельности соответствующих субъектов.

Таким образом, важно, чтобы институт субсидиарной ответственности находил не только четкое нормативное закрепление, но и свою последовательную реализацию в судебной практике.

Под субсидиарной ответственностью следует понимать право кредиторов обращаться за взысканием недостающих средств с соответствующих лиц, относящихся к организации-банкроту.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [3] отмечено, что рассматриваемый институт выступает в качестве исключительного механизма восстановления прав кредиторов.

При использовании данного механизма суды должны учитывать как сущность юридического лица, выступающего в форме субъекта гражданского оборота, обособленного от его участников, наличие у участников и лиц, входящих в органы юридического лица, широкой дискреции при принятии (согласовании) управленческих решений в сфере бизнеса, так и запрет на причинение ими вреда другим участникам оборота путем злоупотребления правами формами (привилегиями, которые предоставляет возможность ведения бизнеса через юридическое лицо).

Соответственно, ответственность контролирующих должника лиц является по своей сути средством восстановлению незаконно уменьшенной конкурсной массы должника.

Исходя из определения контролирующего лица, данного в ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее — Закона о банкротстве), под таковым понимается непосредственный руководитель организации, а также любые лица, которые своими действиями могли определять действия должника за три года до появления признаков банкротства.

Как можно видеть, круг соответствующих лиц весьма широк. Задача суда при этом — определить то конкретное

лицо из данного круга, которое в реальности являлось контролирующим [6].

Нормы статей 61.16–61.18 Закона о банкротстве пошагово описывают процедуру привлечения контролирующего лица к ответственности.

Процедура привлечения к субсидиарной ответственности инициируется путем подачи заявления в суд. Лицами, имеющими право на обращение в суд, являются кредиторы, конкурсный управляющий, уполномоченные органы, представители работников должника, а также работники и бывшие работники должника (ст. 61.14 Закона о банкротстве).

Поданное заявление рассматривается в рамках дела о банкротстве по общим правилам.

По результатам рассмотрения заявления суд выносит определение, в котором указывает сумму, подлежащую взысканию с лица, привлеченного к субсидиарной ответственности.

Если при рассмотрении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности не представляется возможным определить размер ответственности, арбитражный суд после установления всех иных имеющих значение для привлечения к субсидиарной ответственности фактов выносит определение, содержащее в резолютивной части выводы о доказанности наличия оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и о приостановлении рассмотрения указанного заявления до окончания расчетов с кредиторами либо до окончания рассмотрения требований кредиторов, заявленных до окончания расчетов с кредиторами.

Далее кредиторы выбирают один из перечисленных в ст. 61.17 Закона о банкротстве способ распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Арбитражный управляющий принимает это к сведению и направляет в суд отчет о результатах выбора каждым кредитором способа распоряжения правом требования о привлечении к ответственности.

Статья 61.18 Закона о банкротстве устанавливает, что любой кредитор, имеющий часть требования, может потребовать возбуждения исполнительного производства по взысканию своей части задолженности. В указанной ста-

тье регламентируется порядок выдачи исполнительных листов и их содержание.

Такой пошаговой юридической техники не присутствует ни в одном из процессуальных кодексов, основанных на абстрактных нормах классического континентального права, рассчитанных на применение к любым жизненным ситуациям [4].

Норма, регулирующая исполнение решения суда о привлечении к субсидиарной ответственности контролирурующих лиц должника, введена в Закон о банкротстве) Федеральным законом от 29.07.2017 № 266-ФЗ [2].

Согласно п. 1 ст. 61.18 Закона о банкротстве, требовать возбуждения исполнительного производства по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности имеет право «любой кредитор, имеющий часть требования о привлечении к субсидиарной ответственности».

Возбужденное в отношении должника исполнительное производство по исполнительным листам, предъявленным к исполнению такими кредиторами, в силу ст. 34 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) будет являться сводным исполнительным производством.

Следует отметить, что очередность удовлетворения требований кредиторов (взыскателей), предусмотренная Законом об исполнительном производстве, в ходе исполнения сводного исполнительного производства, возбужденного в соответствии с п. 1 ст. 61.18 Закона о банкротстве, не применяется. В данном случае применяются положения, установленные п. 2 ст. 61.18 Закона о банкротстве, согласно которым «требования взыскателей погашаются в соответствии с очередностью, указанной в исполнительных листах в соответствии со статьей 134 настоящего Федерального закона».

Таким образом, в законодательстве императивно закреплена очередность погашения требований кредиторов должника по делу о банкротстве. Если кредиторы предыдущей очереди отсутствуют, к погашению принимаются требования следующей очереди.

В соответствии с п. 3 ст. 61.18 Закона о банкротстве «сумма, выплачиваемая в счет всех частей требования о привлечении к субсидиарной ответственности, распределяется между всеми обладателями этого требования, включенными в реестр требований кредиторов такого лица, в соответствии с очередностью, указанной в исполнительных листах в соответствии со статьей 134 настоящего Федерального закона».

В соответствии со ст.ст. 134–138 Закона о банкротстве существует пять очередностей погашения текущих требований и три очередности реестровых требований.

Согласно ст. 131 Закона о банкротстве установлено, что конкурсную массу составляет «все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства».

Законодатель отдельно выделил пополнение конкурсной массы за счет «средств от взыскания по требованию о привлечении к ответственности по основанию, предусмотренному статьей 61.12 Закона о банкротстве».

Статьей 61.12. Закона о банкротстве установлено, что «неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд ... влечет за собой субсидиарную ответственность», размер которой «равен размеру обязательств должника (в том числе по обязательным платежам), возникших после истечения срока...», установленного Законом о банкротстве, «и до возбуждения дела о банкротстве должника».

В соответствии с п. 4 ст. 61.18 Закона о банкротстве «эти средства перечисляются на специальный банковский счет должника, открываемый арбитражным управляющим. Средства с такого счета списываются только по распоряжению арбитражного управляющего либо на основании определения, выданного арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве».

При наличии разногласий между арбитражным управляющим и кредиторами, имеющими право на получение денежных средств с названного счета, любой из них вправе обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о разрешении возникших разногласий, по результатам рассмотрения которого выносится определение [5].

Стоит отметить, что Верховный Суд РФ в п. 51 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 указал, что в случае если требование о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве подано вне рамок дела о банкротстве, такое заявление рассматривается арбитражным судом по общим правилам искового производства (п. 5 ст. 61.19 Закона о банкротстве), а не по правилам коллективного иска всех кредиторов.

Таким образом, можно отметить, что вопросы как привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, так и вопросы исполнения соответствующих решений суда, нашли достаточное закрепление в законодательстве. Вместе с тем, представляется необходимым более тщательный анализ и обобщение судебной практики по делам рассматриваемой категории в целях дальнейшего совершенствования исследуемого института.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 3.
4. Пискунов Д. С. Условия привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2019. — № 2 (23). — С. 155–157.
5. Цветкова В. В. Исполнение судебного решения о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника по делу о банкротстве // Научный электронный журнал Меридиан. — 2020. — № 12 (46). — С. 132–134.
6. Черкашина А. М., Разенкова А. Ю. Новеллы субсидиарной ответственности в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // Провинциальные научные записки. — 2019. — № 2 (10). — С. 22–25.

Страховые взносы в Пенсионный фонд: что нужно о них знать

Никитин Виталий Викторович, преподаватель;

Липская Оксана Николаевна, преподаватель

Одинцовский филиал Международного юридического института

Кульгашова Ольга Викторовна, главный бухгалтер

ГБУК г. Москвы «Москонцерт»

Сегодня многие граждане, которых Пенсионный фонд именует «Застрахованные лица», полагают, что страховые пенсии по старости формируются благодаря налогу, который ежемесячно уплачивается по тарифу 13% в налоговые органы. Несмотря на то, что законодательство Российской Федерации общедоступно и не составляет для населения секрета, даже многие представители медиа сферы искренне полагают, что источник пенсии — это из 13% от зарплаты.

Что ж, пришло время разобраться в том, что такое 13% и откуда формируется пенсия.

Начисленная заработная плата представляет собой номинальную денежную заработную плату, начисленную работнику бухгалтерией организации за отработанное время (как правило, за истекший месяц) или выполненный объем работ. Такую зарплату в народе принято называть «грязной».

Величина начисленной заработной платы уменьшается на 13%. Эта сумма представляет собой налог на доходы физических лиц (НДФЛ), установленные Главой 23 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 08.06.2020). Суммы, рассчитанные в размере 13%, от начисленной заработной платы бухгалтерией организации являются обязательными выплатами в рамках исполнения бюджета Российской Федерации.

Остаток суммы представляет собой заработную плату, подлежащую выплате на руки. В народе эту выплату принято называть «зарплатой на руки» или «чистая».

Так откуда берутся страховые взносы на будущую пенсию?

Дело в том, что для любого работодателя существует такое понятие «Бюджет организации». Он формируется и утверждается организацией в конце бюджетного года

на новый финансовый год [1, ст. 12]¹. В него закладываются нормированные размеры оплаты труда, премии, прочие выплаты, а также суммы социальных выплат, распределяемых по внебюджетным фондам, которые называются «Общепроизводственные расходы».

Если немного отвлечься от темы разговора, то с точки зрения бухгалтерского учета указанные затраты отражаются:

- для коммерческих организаций — на счете 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению». Субсчет 69–2 «Расчеты по пенсионному обеспечению» [5];
- для государственных (бюджетных) организаций — на счете 30300 «Расчеты по платежам в бюджеты». Аналитический код вида синтетического счета 10 «Расчеты по страховым взносам на обязательное пенсионное страхование на выплату страховой части трудовой пенсии» [6].

Бухгалтерия организации отражает на указанном счете расходную часть бюджета организации, которая закладывается на новый финансовый год исходя из фонда оплаты труда как в пределах базы для начисления страховых взносов, так и сверх базы.

Пока все сложно. Постараемся разобраться.

Итак, начисленная заработная плата фиксируется в базе данных. Сумма, подлежащая к уплате в качестве налога в бюджет государства, составляет 13%. Остальное выплачивается работнику.

¹ Финансовый год (бюджетный год) — традиционный период, на который устанавливается бюджет — схема доходов и расходов определенного лица (семьи, бизнеса, организации, государства и т. д.). Также известен как фискальный год, от лат. *fiscus* — государственная казна. Устанавливается, как правило, на календарный год с 1 января по 31 декабря

Однако начисленная заработная плата еще понадобится. Именно она является основой расчета страховых взносов в ПФР на формирование будущей пенсии.

Тариф страхового взноса для формирования пенсионных прав по общим основаниям, которые распространяются на большинство застрахованных лиц, составляет 22% начисленной заработной платы в пределах базы для начисления страховых взносов в ПФР [2, Абз. 2 пп.2 п. 1 ст. 425].

Руководствуясь указанной нормой Налогового кодекса, работодатель рассчитывает 22% от величины начисленной ранее заработной платы, т. е. «грязной». То есть, если сумма начисленной заработной платы за месяц составила 30 000 рублей по одному сотруднику организации, то расчетная величина страховых взносов в ПФР на финансирование его будущей пенсии составит $30\,000 \times 22\% = 6\,600$ рублей.

Необходимо напомнить, что этому сотруднику будет выплачено 26 100 рублей.

Итак, расчетный размер начисленной заработной платы в 30 000 рублей за один месяц подлежит к уплате на обязательное пенсионное страхование (ОПС) в размере в 6 600 рублей. Если этот уровень заработной платы будет сохранен в течение 12 месяцев календарного года, то расчетные величины составят:

- начисленная заработная плата — 360 000 рублей;
- заработная плата к выплате — 313 200 рублей;
- величина НДФЛ — 46 800 рублей;
- величина страховых взносов на ОПС — 79 200 рублей.

Таким образом, сумма в размере 79 200 рублей представляет собой размер начисленных страховых взносов на ОПС, подлежащих уплате в бюджет Пенсионного фонда.

В связи с этим, суммы, рассчитанные по тарифу 22% от начисленной заработной платы, и являются теми величинами, которые участвуют в расчете страховых взносов на ОПС. Однако и эта величина не является исчерпывающей для расчета пенсионных прав застрахованных лиц на будущую пенсию.

Действующее законодательство предусматривает учет страховых взносов на обязательное пенсионное страхование не в том объеме, в котором начисляются страховые взносы, а только в его части. А именно, из расчетных 22% страховых взносов к учету на будущую пенсию подлежат только 16% от начислено заработной платы в пределах базы для начисления страховых взносов.

Таким образом, будущая страховая пенсия формируется только из части страхового взноса. Если принять в расчет предыдущий пример, то годовой размер взноса для расчета страховой пенсии составит 57 600 рублей из причитающихся 79 200 рублей. Расчетная разница будет направлена на фиксированную часть страхового взноса.

Очередным показателем формирования страховой пенсии является база для начисления страховых взносов. Именно тут начинается возможное снижение искомой страховой пенсии при условии, если застрахованное лицо получает высокую заработную плату. Правительство Российской Федерации ежегодно утверждает такое понятие как «Предельная база для начисления страховых взносов». С каждым годом эта величина растет. Возьмем предельную базу для расчета за последние пять лет:

Таблица 1. Величина предельной базы для расчета страховых взносов на ОПС

Год	Предельная база (в тыс. руб.)	Основание, по которому установлена предельная база
2016	796 000,00	п. 1 Постановления Правительства РФ от 26.11.2015 № 1265
2017	876 000,00	п. 1 Постановления Правительства РФ от 29.11.2016 № 1255
2018	1 021 000,00	п. 1 Постановления Правительства РФ от 15.11.2017 № 1378
2019	1 150 000,00	п. 1 Постановления Правительства РФ от 28.11.2018 № 1426
2020	1 292 000,00	п. 1 Постановления Правительства РФ от 06.11.2019 № 1407

Предельная база для начисления страховых взносов в ПФР — это сумма начисленной заработной платы, в пределах которой формируются пенсионные права застрахованных лиц, т. е., указанная в таблице заработная плата в конкретном году, входит в учет будущей пенсии работника.

Однако если учесть величину учитываемых в личном счете страховых взносов, то максимально возможные суммы для формирования будущей пенсии будут следующими:

Таблица 2. Максимально возможная величина страховых взносов, подлежащих учету в личном счете застрахованного лица

Год	Сумма страховых взносов, подлежащих учету в личном счете застрахованного лица (в тыс. руб.)
2016	127 360,00
2017	140 160,00
2018	163 360,00
2019	184 000,00
2020	206 720,00

Если годовая заработная плата, начисленная к выплате ДО вычета налога на доход физических лиц больше предельной базы, то для расчета будущей пенсии будет учитываться только максимально возможная. Все суммы сверх предельной базы на размер будущей пенсии не повлияют.

Но все приведенные суммы уплачиваются в бюджет Пенсионного фонда не «из кармана работника», как считают многие, а из бюджета организации, в которой работник осуществляет трудовую деятельность.

Таким образом, говорить о том, что пенсия формируется за счет уплаты налога в размере 13% — в корне неправильно.

Налоговое обеспечение никак не может быть соотносено с пенсионным обеспечением и не может влиять на размер будущей пенсии ввиду того, что суммы этих выплат представляют собой разные источники исполнения бюджета:

- НДФЛ за счет работника — это исполнение Федерального бюджета Российской Федерации;
- Страховые взносы в ПФР за счет работодателя — это исполнение бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 08.06.2020)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 08.06.2020)
3. Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»
4. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»
5. Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н (ред. от 08.11.2010) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению»
6. Приказ Минфина России от 01.12.2010 № 157н (ред. от 28.12.2018) «Об утверждении Единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и Инструкции по его применению»

Способы защиты информации в глобальной сети Интернет

Родионова Екатерина Алексеевна, студент магистратуры

Сибирский юридический университет (г. Омск)

Защите авторского права в России уже давно уделяется особое внимание. Осознание значения защиты интеллектуальной собственности стимулирует появление новых требований. На сегодняшний день наиболее уязвимая с точки зрения авторского права область — Интернет, из-за сложности определения самого нарушения и выявления собственно нарушителя.

Целью настоящей статьи является определение понятия информации, находящейся в сети Интернет, её соотношение с авторским правом, рассмотрение правовых и неправовых, в том числе технических, средств защиты вышеуказанной информации, а также способов внесудебной и судебной защиты авторского права в сети Интернет.

Сеть Интернет (от англ. Internet, сокр. от Interconnected Networks — объединённые сети) — глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов, то есть совокупность различных каналов связи, объединяющих разнообразные технические устройства, хранящих, обрабатывающих и передающих информацию в интерактивном режиме.

Информационной единицей Интернета является веб-сайт, именно он обуславливает всю структуру интернета. Веб-сайт — ресурс из связанных между собой веб-страниц (документов), которые объединены общей темой. Он обязательно должен быть зарегистрирован на юридическое или физическое лицо и привязан к одному домену, который и является его адресом. На данной странице может отображаться визуальная, аудиовизуальная или текстовая информация, которая содержится в электронном виде на сервере. Просмотреть содержимое сайта можно с помощью программы-браузера. Или если выразиться иначе, веб-сайт — это программа, отображающая содержащуюся на сервере информацию в том порядке и виде, в котором ее разместил автор.

Попробуем выяснить, какая информация содержится или хранится на веб-сайтах. Это, в первую очередь, программное обеспечение различного рода, музыкальные произведения, фильмы, электронные книги, фотографии, рисунки, чертежи, карты, инструкции, справочники, страницы сообществ и многое другое. Если у пользова-

теля персонального компьютера появляется потребность в получении какой-либо информации, то он очень легко по средствам сети Интернет может ее получить и скопировать на свой компьютер.

Используя ту или иную поисковую систему, в Интернете можно найти книги, аудио- и видеозаписи и другие объекты авторских или смежных прав. Среди них большое число составляют объекты, размещенные без согласия правообладателя, в нарушение его законных интересов. Интернет-магазины предлагают приобрести нелегальные записи музыки и фильмов гораздо дешевле, чем продавцы аналогичной легальной продукции. Еще проще скачать электронно-цифровую копию того или иного произведения, воспользовавшись файлообменной сетью. Такие сети позволяют их пользователям обмениваться любыми файлами: музыкальными записями, фильмами, программным обеспечением, фотографиями и многим другим. Причем в силу особенностей функционирования файлообменных сетей доступ к охраняемым объектам открывается большому числу пользователей. Споры о легальности таких сетей уже не раз разгорались в разных странах. Объекты, размещенные в Интернете, могут быть воспроизведены многократно без каких-либо финансовых затрат. В результате увеличения числа копий тех или иных произведений спрос на легальную продукцию снижается и доходы правообладателей резко снижаются.

В сфере жизнедеятельности глобальной компьютерной сети Интернет складываются определенные отношения между субъектами, которые регулируются правом, так же, как и за пределами сети. Единственная особенность здесь в том, что определить специфику нарушений прав и интересов пользователей сети и определить её границы достаточно сложно.

В Российской Федерации по крайней мере не менее ста нормативных актов затрагивают правовые отношения в сфере глобальной сети Интернет.

В первую очередь — это Конституция Российской Федерации. Она непосредственно не регулирует отношения в области информационных технологий, но является основой для такого регулирования, закрепляя за гражданами права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, и обязанности государства по обеспечению возможности ознакомления гражданина с материалами и документами, непосредственно затрагивающими его права.

Вторым по значению нормативно-правовым актом, регулирующим общие вопросы функционирования информационных сетей и определяющим систему правоотношений, является Гражданский Кодекс Российской Федерации.

Отдельного внимания и рассмотрения требует, на мой взгляд, закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 года № 149-ФЗ с изменениями от 03.04.2020.

Отдельные положения этого закона будут рассмотрены в данной статье ниже.

Однако основным нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения в сфере авторского и смежных прав, является часть четвертая Гражданского кодекса РФ, в которой рассматриваются все стороны гражданско-правовых отношений в этой сфере и освещаются вопросы защиты авторского, интеллектуального, исключительного и патентного прав, иначе говоря защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Все статьи этой части Гражданского кодекса РФ либо определяют понятие того или иного права, либо регулируют отношения в сфере его применения. Статьи 1252–1253, например, говорят о гражданской ответственности юридических лиц за нарушение авторских прав. Отдельного рассмотрения заслуживает статья 1299 «Технические средства защиты информации», в которой указывается, что техническими средствами защиты авторских прав признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения.

В настоящее время многие произведения создаются авторами для их дальнейшей продажи через сеть Интернет — это общеизвестный факт. Однако распространение произведения через сеть Интернет без согласия на то автора или иного правообладателя происходит без выплаты ему вознаграждения и равноценно обычному хищению. Вред автору или правообладателю в таких случаях причиняется не только материальный, но и моральный.

Для того чтобы снизить вероятность хищения произведения и облегчить доказывание своего авторства необходимо применять технические средства для защиты авторского права. Очевидно, что для охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет необходимо использовать какие-то электронные технические средства, то есть программы, способные защитить информацию.

Технические средства защиты авторского права в сети Интернет принято разделять на два вида — технические средства, предотвращающие хищение авторских произведений, а также несанкционированный доступ к ним, и программные средства, предотвращающие незаконное присвоение авторства.

К первому типу программного обеспечения, предотвращающего хищение авторских произведений, относятся антивирусные программы и брандмауэры:

Антивирусная программа (антивирус) — программа для обнаружения компьютерных вирусов, иных вредоносных программ, а также восстановления зараженных такими программами файлов, и для профилактики — предотвращения заражения (модификации) файлов или операционной системы.

В компьютерном мире под брандмауэром (это по-немецки; по-английски то же самое называется файрволом от англ. Firewall) подразумевают программу, выполняющую очень серьёзные защитные функции. Набор функ-

ций у разных брандмауэров может различаться, но цель у них одна — оградить программное обеспечение компьютера от вредного воздействия и предупредить пользователя о возможном нанесении ущерба компьютеру.

Однако, использование одних только антивирусных программ так и брандмауэров недостаточно для гарантированной защиты от хищения авторских произведений и противоправного присвоения авторства.

В четвертой части ГК РФ сказано, что авторское право возникает в силу создания творческого произведения и не требует никаких дополнительных формальностей. Автором произведения считается лицо, указанное на экземпляре произведения. Всё было бы прекрасно и замечательно, если бы только автор мог публиковать своё произведение вместе с указанием фамилии автора в сети Интернет, но, к сожалению, находятся нарушители (а именно этот способ хищения информации является самым распространённым), которые без зазрения совести размещают чужое произведение под своей фамилией, присваивая таким образом авторство себе. Как решить эту проблему? Одним из наиболее надежных способов её решения является хранение авторского произведения в веб-депозитарии. Веб-депозитарий — это совокупность технических и юридических процедур, позволяющих подтвердить факт и время публикации произведения, также принадлежность автору в случае возникновения споров, в том числе судебных разбирательств.

Чтобы разместить своё произведение в депозитарии, необходимо записать его на диск, написать заявление и, приложив описание произведения, подать на регистрацию. После этого происходит размещение на депоненте в специализированном архиве для объектов интеллектуальной собственности, представленных в электронном виде — веб-депозитарий. Наиболее известным веб-депозитарием сейчас является Российское Авторское Общество (РАО), также многие пользователи Интернета регистрируют свои произведения в Едином Депозитарии Результатов Интеллектуальной собственности (ЕДРИД).

Таким образом, технические средства защиты включают в себя — антивирусные программы, брандмауэры, размещение авторских произведений на депонентах в веб-депозитариях, а также другие способы, не рассмотренные в рамках данной статьи, такие как: специальные программы-шифровальщики, позволяющие зашифровать автора произведения «между строк», который будет инициирован только после введения пароля или кода, или нотариально заверенные копии произведений с указанием даты создания, фамилии автора или соавторов и другой уникальной информацией о конкретном произведении.

Однако если вышеуказанные средства не использовались, либо они оказались недостаточно эффективными, то необходимо использовать иные способы защиты информации. Подобными средствами являются, например, переговоры с правонарушителем об устранении нарушений авторского права, а именно — требование об устранении нарушений. Порядок действий таков:

В случае, если автор обнаружил в сети своё произведение, размещённое на сайте без его ведома, согласия или вообще под чужим именем, ему (автору) необходимо в первую очередь определить домен, где размещено произведение. Далее необходимо составить обращение к правонарушителю с требованием убрать со страниц веб-сайта незаконно размещенное произведение либо потребовать сделать ссылку на имя действительного автора, то есть потребовать устранить допущенные нарушения авторского права. Желательно в этом обращении сделать ссылку на статьи гражданского кодекса РФ, регулирующие правоотношения в сфере авторства, так, чтобы нарушитель понимал серьёзность своих противоправных действий. Многие похитители информации совершают такие действия по незнанию и не предполагают, что может наступить не только гражданская, но даже и уголовная ответственность за них. Детально порядок составления заявления и список необходимых документов рассмотрен в статье 15.7 «Федерального закона об информации, информационных технологиях и защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 (введена Федеральным законом от 24.11.2014 N 364-ФЗ).

Вообще говоря, федеральный закон, упомянутый в предыдущем абзаце, предназначен для устранения пробелов и противоречий в понятийном аппарате защиты информации. Закон полностью не охватывает сферы регулирования вопросов охраны интеллектуальной собственности, а скорее охватывает актуальные проблемы обращения массовой информации, в части доступа граждан к информации о деятельности государственных органов, а также по использованию отдельных информационных технологий. Но на мой взгляд является полезным источником и ориентиром для разрешения споров и проблем, возникающих в сфере информационной деятельности и культуры.

После того как вышеуказанное обращение составлено, его необходимо отправить правонарушителю. Сделать это необходимо с помощью электронной почты, а также неплохо продублировать ценным письмом с описью вложений. Подобное письмо при необходимости (например, при обращении в суд) поможет установить, когда оно было отправлено и что в себе содержало. Также считаю полезным в обращении к правонарушителю указать на доказательства действительного авторства, такие как свидетельство, выданное веб-депозитарием или заверенной нотариусом копии произведения, либо иные доказательства позволяющие установить автора произведения.

Данные доказательства позволят убедить правонарушителя, что спор бесполезен, и что нарушения закона необходимо устранить. Как показывает практика, при направлении подобных обращений, нарушение авторского права устраняются самими нарушителями в течение суток. При наличии у владельца сайта в сети Интернет доказательств, подтверждающих правомерность размещения на принадлежащем ему сайте в сети Интернет информации, содержащей объект авторских и (или) смежных прав, или информации, необходимой для его получения

с использованием сети Интернет, владелец сайта вправе не принимать такие меры и обязан направить заявителю соответствующее уведомление с приложением указанных доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» он регулирует отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации. Первая область отношений, регулируемых данным Законом в информационной сфере, определена ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, где закреплено право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Вторая область отношений, регулируемых данным Законом, ограничивается применением информационных технологий.

Третья область отношений, регулируемых данным Законом в информационной сфере, связана с обеспечением защиты информации, что согласно ст. 16 этого же Закона включает принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на: обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации. Однако отношения, возникающие при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, исключены из предмета правового регулирования настоящим Законом. В указанном случае правовое регулирование таких отношений осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации об интеллектуальной собственности.

Предположим такую ситуацию, что технические и внесудебные средства защиты оказались бессильны и авторские права оказались нарушенными, а нарушитель отказался устранить допущенное им нарушение. В данном случае остается единственный выход — обращение в суд за защитой своего авторства. Считаю, что данный способ защиты авторского права следует применять только после того, как испробованы все прочие средства и способы защиты авторского права, так как данный вариант защиты прав представляет собой логическое продолжение других способов защиты изложенных выше, а также является наиболее затратным и длительным по времени.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако прежде чем обращаться в суд, необходимо собрать доказательства, которые подтвердят авторство лица, обратившегося в суд, а также сам факт нарушения его права. Для доказательства своего авторства понадобятся применяемые ранее технические средства защиты авторского права, такие как заверение оригинала авторского произведения нотариусом или свидетельство, выданное веб-депозитарием о передаче на хранение оригинала авторского произведения или иные доказательства.

После сбора необходимых доказательств необходимо составить исковое заявление, которое подается в суд в письменном виде. В заявлении могут быть указаны номера телефонов, факсов, адреса электронной почты истца, его представителя, ответчика, иные сведения, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, а также изложены ходатайства истца. Также к исковому заявлению прилагаются: копии и оригиналы различных справок и документов.

Непосредственное рассмотрение в данной статье самого судебного процесса считаю нерациональным, так как данная тема является весьма обширной и несколько выходит за рамки исследуемой проблемы, следовательно, является предметом рассмотрения отдельной работы.

Таким образом, внесудебным способом защиты авторского права является урегулирование споров в виде ведения переговоров, а также непосредственное обращение к правонарушителю авторских прав с требованием добровольного и немедленного устранения выявленного нарушения. Судебным же способом защиты авторского права в сети Интернет является обращение в суд за защитой и восстановлением нарушенного права.

Главным итогом проведенного исследования является следующее — для наиболее надежной защиты авторского права в сети Интернет необходимо:

Во-первых, применять все указанные в данной статье средства защиты одновременно. Это значительно снизит риск нарушения авторских прав, так как преодолеть несколько уровней защиты информации сложнее, чем один.

Во-вторых, применять все указанные в данной работе средства защиты сразу же после создания произведения и до его размещения в сети Интернет. Несоблюдение этого правила значительно увеличивает риск хищения произведения и присвоения авторства на него правонарушителем.

Кроме того, напрашивается вывод, что российское законодательство в сфере охраны интеллектуальной собственности и авторского права нуждается в дальнейшем совершенствовании, а именно улучшение обстановки с защитой авторских и смежных прав в Российской Федерации видится в совершенствовании правовых и технических средств их защиты.

2. Гражданский кодекс РФ: части первая, вторая, третья, четвертая. — [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Абрамян С. К. Авторские права и их защита в Интернете. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.abrams.ru>.
6. Бабкин С. А. Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: Основные проблемы. — М.: Юрист, 2003.
7. Блинец И. Авторское право и смежные права в условиях современных технологий. // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2008. — № 8. — С. 11.
8. Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. — М., 2007.
9. Пашин В. М. Технические средства защиты информации// Хакер. — 2010. — № 50. — С. 23.
10. Серго А. Г. Доклад на II Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика» [Электронный ресурс] — URL: <http://mail@internet-law.ru>.
11. Терлецкий В. В. Правовое регулирование информационных технологий: Анализ проблемы и основные документы. — М.: Эксмо, 2010.
12. Щербачева Л. В. Гражданско-правовая регламентация интеллектуальной собственности в России на современном этапе / Л. В. Щербачева. — М.: Юнити-Дана, 2011. — 144 с.
13. https://sinref.ru/000_uchebniki/04000pravo/150_lekcii_gos_regulir_20/090.htm

Правовой режим государственной тайны

Рыжова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент;

Цуканова Дарья Андреевна, студент магистратуры

Пензенский государственный университет

Состояние безопасности государства и общества во многом зависит от степени защищенности сведений и информации, составляющей государственную тайну. Современные реалии общественных отношений, характеризующиеся трансформацией мирового порядка, перехода к мультиполярному миру, высокой степенью сложности данных общественных отношений и быстрыми темпами их изменчивости, свидетельствуют об особой актуальности выбранной темы исследования. Высокая значимость данного института для общества и государства требует постоянной деятельности по анализу состояния правового регулирования общественных отношений, выявлению пробелов и противоречий законодательства, регулирующего те или иные общественные отношения, а также по непосредственному совершенствованию законодательства. Автор статьи проводит обзорный анализ правового регулирования защиты государственной тайны с целью выявления коллизий и пробелов законодательства в данной области.

Ключевые слова: государственная тайна, конфиденциальная информация, государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны.

Legal regime of state secrets

Ryzhova Olga Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor;

Tsukanova Darja Andreevna, student

Penza State University

The state of security of the state and society largely depends on the degree of protection of information and information constituting a state secret. Modern realities of public relations, characterized by the transformation of the world order, the transition to a multipolar world, the high degree of complexity of these public relations and the rapid pace of their variability, indicate the special relevance of the chosen research topic. The high significance of this institution for society and the state requires constant activity to analyze the state of legal regulation of public relations, identify gaps and contradictions in legislation regulating certain public relations, as well as to

directly improve legislation. The author of the article reviews the legal regulation of the protection of state secrets in order to identify conflicts and gaps in legislation in this area.

Keywords: *state secrets, confidential information, treason, espionage, disclosure of state secrets.*

Актуальность избранной темы исследования подтверждаются тем, что за последние 6 месяцев 2020 года, количество резонансных случаев, связанных с разглашением государственной тайны, государственной изменой и шпионажем, возросло. Так, в феврале 2020 года стало известно о резонансном деле о государственной измене, выразившееся в раскрытии личности действующего оперативника калининградского управления ФСБ спецслужбам Латвии. Примечательным является тот факт, что обвиняемые не знали, что данная информация относилась к категории государственной тайны и не думали, что разглашение данной информации является преступлением. В июне 2020 года был вынесен приговор Полу Уилану, которого обвиняли в шпионаже, на его флешке были обнаружены сведения, составляющие государственную тайну. При этом сам Уилан утверждает, что ничего не знал о содержимом съемного накопителя памяти, полагал, что на ней находятся фотографии с отдыха в России.

Все эти случаи, говорят об особом правовом режиме государственной тайны, что выражено, в первую очередь, в особой правовой охране, а также в особой сложности правового регулирования данных отношений. Кроме того, вышеизложенное позволяет выявить необходимость в научном осмыслении правового режима государственной тайны.

Итак, правовой режим государственной тайны является важнейшим инструментом обеспечения безопасности общества и государства. Данный тезис подтверждается особым отношением законодателя к правовой категории государственной тайны. Так, общественные отношения, возникающие по поводу отнесения сведений к категории государственной тайны, процессом засекречивания и рассекречивания указанной категории, а также установления негативно-правовых последствий за нарушение государственной тайны, регулируются следующими нормативно-правовыми актами:

- Конституция Российской Федерации [11];
- Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне» [12];
- Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 (ред. от 08.08.2019) «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» [13].

Указанные нормативно-правовые акты являются основными и специальными в вопросе правового режима государственной тайны. Вместе с тем, нормы, регулирующие обеспечение государственной тайны, содержатся и в других нормативно-правовых актах, к примеру:

- ч. 4 ст. 5, ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О транспортной безопасности» [14];

- ст. 8 Федерального закона от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке» [15];
- абз. 2 п. 1 ст. 1262 Гражданского кодекса Российской Федерации [16];
- ст. 12 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [17];
- ст. 7 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» [18];
- п. 5 ст. 14, п. 2 ст. 15 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [19];
- ст. 283, ст. 283.1, ст. 84 Уголовного кодекса Российской Федерации [20].

Помимо указанных нормативно-правовых актов, правовой режим государственной тайны составляют ведомственные акты, большинство из которых имеет гриф для служебного пользования.

Анализ правового режима государственной тайны позволяет сформулировать понятие государственной тайны. Так, под государственной тайной в Российской Федерации понимается защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Данное понятие государственной тайны закреплено в статье 2 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне», которая определяет основное значение особого правового режима подобных сведений.

Как справедливо указывает Л. В. Сперанская, степень секретности сведений, составляющих государственную тайну, должна соответствовать степени тяжести ущерба, который может быть нанесен безопасности РФ вследствие распространения указанных сведений. Устанавливаются три степени секретности сведений, составляющих государственную тайну, и соответствующие этим степеням грифы секретности для носителей указанных сведений: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно» (ст. 8 Закона о государственной тайне) [1].

Таким образом, законодательство о правовом режиме государственной тайны, достаточно полно регламентирует данные правоотношения. Вместе с тем, в правовой доктрине неоднократно высказываются мнения о необходимости дальнейшего совершенствования данного правового института.

К примеру, Г. Г. Камалова обосновывает необходимость совершенствования законодательства о государственной тайне, так как действующий Закон не соответствует требованиям времени и современному российскому праву. Кроме того, в свете современных интеграционных про-

цессов и тенденции гармонизации законодательства в области охраны государственной тайны требуется исследование возможности возвращения в российское право понятия «государственные секреты». Использование в Законе устаревшего правового терминологического оборота советского периода «предприятия, учреждения и организации» входит в противоречие с современным гражданским законодательством [2].

Т. М. Занина и А. А. Караваев анализируя эволюцию правового регулирования в отношении сведений конфиденциального характера в Российской Федерации приходят к выводу, что закон Российской Федерации «О государственной тайне» обособил государственную тайну от всех иных видов информации, в т. ч. включил в ее систему сведения, ранее относившиеся к служебной тайне. Это привело к существенной неопределенности правового статуса служебной тайны, которая не устранена до настоящего времени [3].

Л. В. Григорьева Л. В. анализируя уголовно-правовой аспект разглашения государственной тайны приходит к выводу, что приемы получения информации, перечисленные в диспозиции ст. 283.1 УК РФ, описывают различные запрещенные мероприятия по добыванию государственной тайны [4].

Подводя промежуточный итог общим положениям, регламентирующим правовой режим государственной тайны, необходимо сделать главный вывод о том, что данный режим является достаточно сложной юридической конструкцией, содержащую в себя различные структурные элементы, в пределах которых органами, в компетенцию которых входит работа по защите государственной тайны, осуществляется деятельность по обеспечению режима использования специальной информации. С данным выводом согласны и представители юридической науки, к примеру Ю. В. Морозов [5], Я. Н. Ермолович, Н. Е. Честнов [6], В. Н. Воронин [7], Е. Н. Яковец [8], Бабаков А. Л. [9], А. А. Фатьянов А. А. [10].

Таким образом, анализ правового режима государственной тайны, а также доктринальных подходов к данной правовой категории, позволяет сделать вывод о наличии проблем и противоречий общественных отношений, возникающих по поводу отнесения сведений к категории государственной тайны, процессом засекречивания и рассекречивания указанной категории, а также установления негативно-правовых последствий за нарушение государственной тайны.

Так, существует необходимость внесения изменений в статью 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», что обусловлено тем, что федеральным законодательством не урегулированы вопросы допуска к государственной тайне руководителей законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и глав муниципальных образований, возглавляющих местную администрацию (далее — глав муниципальных образований), на период исполнения ими своих полномочий.

В соответствии со статьей 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» допуск оформляемого лица к сведениям, составляющим государственную тайну, осуществляется на основании решения руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации.

Вместе с тем данным Законом не определяются лица, которые могут принять решение о допуске к государственной тайне руководителей законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и глав муниципальных образований.

По сложившейся практике решение о допуске к государственной тайне вышеуказанных должностных лиц принимается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, однако, законодательно ему такое право не предоставлено.

В связи с чем является обоснованным предложение дополнить ст. 21.1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5485-1 «О государственной тайне» абзацем четвертым следующего содержания:

«Руководители законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, главы муниципальных образований, возглавляющие местную администрацию, на период исполнения ими своих полномочий допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, решением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации после проведения проверочных мероприятий, предусмотренных статьей 21 настоящего Закона».

Помимо обозначенной выше проблемы существуют и другие. Так, статьей 21.1. Закона РФ «О государственной тайне» урегулирован порядок упрощенного допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Данный порядок распространяется на определенный круг лиц, среди которых можно выделить:

- Членов Совета Федерации;
- Депутатов Государственной думы;
- Мировых и федеральных судей;
- адвокаты.

Вместе с тем, указанный круг лиц, является не исчерпывающим с точки зрения необходимости при принятии решений использовать сведения, составляющих государственную тайну.

Законодатель, устанавливая перечень лиц, допущенных к государственной тайне в упрощенном порядке, не учел, что в субъектах Российской Федерации, представительными органами власти, также могут рассматриваться и приниматься нормативно-правовые акты, сопряженные с доступом к государственной тайне. К примеру, в случае если в субъекте Российской Федерации будут рассматриваться вопросы границ земельного участка, то представители законодательного органа власти должны ознакомиться со сведениями, содержащимися в картах границ муниципальных образований. При этом, в силу действующего законодательства, карты в разрешении 1:50 000 и крупнее могут

быть отнесены к категории сведений, составляющих государственную тайну Российской Федерации.

Таким образом, выходом из сложившейся ситуации является внесение изменений в абзац 1 статьи 21.1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» следующего содержания:

«Члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, судьи на период исполнения ими своих полномочий, а также адвокаты, участвующие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных статьей 21 настоящего Закона»..

Таким образом, проведенное исследование правового режима государственной тайны, позволило сделать вывод о том, что состояние безопасности государства и общества во многом зависит от степени защищенности сведений и информации, составляющей государственную тайну. Современные реалии общественных отношений, характе-

ризующиеся трансформацией мирового порядка, перехода к мультиполярному миру, высокой степенью сложности данных общественных отношений и быстрыми темпами их изменчивости, свидетельствуют об особой актуальности выбранной темы исследования. Высокая значимость данного института для общества и государства требует постоянной деятельности по анализу состояния правового регулирования общественных отношений, выявлению пробелов и противоречий законодательства, регулирующего те или иные общественные отношения, а также по непосредственному совершенствованию законодательства. Правовое регулирование данных отношений имеет ряд существенных недостатков. Выявленные в настоящем исследовании недостатки, позволяют осуществить незначительную гармонизацию правового режима информации, отнесенной к государственной тайне. Вместе с тем, существует также необходимость научного осмысления проблем уголовной ответственности за разглашение государственной тайны, так как резонансные случаи, произошедшие в 2020 году, ставшие известными широкому кругу лиц, ставят ряд вопросов уголовного-правового регулирования данных отношений.

Литература:

1. Сперанская Л. В. Государственная тайна // СПС КонсультантПлюс. 2020.
2. Камалова Г. Г. Перспективы совершенствования правового регулирования государственной тайны в глобальном информационном обществе // Информационное право. 2018. № 4. С. 8–10.
3. Занина Т. М., Караваев А. А. Эволюция правового регулирования в отношении сведений конфиденциального характера в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 81–86.
4. Григорьева Л. В. К вопросу о применении статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2014. № 3. С. 103–106.
5. Морозов Ю. В. Особенности допуска специальных субъектов к сведениям, составляющим государственную тайну // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 123–131.
6. Ермолович Я. Н., Честнов Н. Е. О некоторых вопросах использования органами военной прокуратуры и военными следственными органами сведений, составляющих государственную тайну, при расследовании уголовных дел // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 6. С. 18–25.
7. Воронин В. Н. Качество уголовно-правовой охраны сведений, составляющих государственную тайну: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 98–107.
8. Яковец Е. Н. Основные направления организационной и правовой защиты государственной тайны в Советской России // История государства и права. 2013. № 6. С. 18–23.
9. Бабаков А. Л. Правовой режим временных ограничений прав военнослужащих и лиц гражданского персонала, допущенных или ранее допускавшихся к государственной тайне // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 9. С. 20–24.
10. Фатьянов А. А. Правовые проблемы отнесения сведений к государственной тайне в условиях модернизации экономики // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 29–32.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
12. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. — 13.10.1997. — № 41. Ст. 8220–8235.
13. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 (ред. от 08.08.2019) «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. — 04.12.1995. — № 49. Ст. 4775.
14. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 12.02.2007. — № 7. — Ст. 837.

15. Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О внешней разведке» // Собрание законодательства РФ. — 15.01.1996. — № 3. — Ст. 143.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
17. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 14.08.1995. — № 33. — Ст. 3349.
18. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 10.04.1995. — № 15. — Ст. 1269.
19. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.06.2003. — № 22. — Ст. 2063.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.

К вопросу о правовом статусе прокурора на стадии возбуждения уголовного дела

Сидорова Марина Викторовна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья посвящена проблеме реализаций полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, стадия возбуждения уголовного дела, уголовный процесс, полномочия прокурора.

Первоначальной стадией в уголовном судопроизводстве является стадия возбуждения уголовного дела. Так, например, доктор юридических наук и правовед Михаил Соломонович Строгович писал, что «возбуждение уголовного дела — правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела». [5, с.10].

Сущность стадии возбуждения уголовного дела заключается в исследовании и разрешении сообщений и заявлений о преступлении и производстве, в определенных случаях, действий процессуального характера, которые направлены на установление характерных признаков преступления для того, чтобы принять законное и обоснованное решение, связанное с возбуждением либо отказом в возбуждении уголовного дела.

Получается, что соблюдение закона и правильная организация работы на первой стадии уголовного судопроизводства необходимы для защиты прав и законных интересов лиц, которые в той или иной ситуации стали потерпевшими, а также защита личности от незаконного обвинения или осуждения. Поэтому имеется необходимость заострить внимание на несовершенстве механизма влияния прокурора в данной стадии для успешного решения задач, стоящих перед прокуратурой, как органом, выступающим в качестве законности на процессуальной деятельности в рамках возбуждения уголовного дела.

К числу немаловажных полномочий, представляющим прокурора на стадии возбуждения уголовного дела на основании статьи 37 УПК РФ относятся:

- проверка исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

- вынесение мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;
- требование от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;
- дача дознавателю письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий;
- дача согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;
- и т. д.

Однако, самостоятельно прокурор возбуждать уголовное дело не вправе.

Итак, в 2007 году законодатель лишил некоторых прав прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» изменили правовое положение прокурора на всех стадиях уголовного судопроизводства. Наиболее важным из них является лишение прокурора права возбуждать уголовное дело. Закон ему это право не предоставил.

В результате изменений в законодательстве, по мнению ученых-исследователей, это не привело к положительному результату. Напротив, усложнилась процедура возбужде-

ния уголовного дела при обнаружении прокурором признаков состава преступления, по сравнению с нормами, ранее закрепленными в УПК РФ. Подобная позиция закона крайне нелогична.

Исследовав литературу, можно убедиться, что многие авторы возмущены состоявшимися ограничениями в полномочиях прокурора в стадии уголовного процесса.

Например, доктор юридических наук, Нина Сергеевна Манова вполне обоснованно указала, что «без возможности самостоятельно возбудить уголовное дело право прокурора на участие в уголовном преследовании на досудебном производстве превращается больше в формальность, чем в реальную возможность» [4, с. 183].

Также, в свою очередь, прокурор Чеченской республик Шарпудди Муйадович Абдул-Кадыров пишет, что «... без восстановления прав на дачу письменных указаний следователю, обязательных для исполнения по материалу доследственной проверки, и возбуждение уголовного дела в тех случаях, когда признаки преступления очевидны, говорить о возможности прокурора обеспечить оперативную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, не приходится» [2, с. 14].

Кроме того, профессор, кандидат юридических наук Анатолий Петрович Крутликов в связи с этим отмечает, что,

к примеру, «в учебнике по уголовному процессу ФРГ одна из глав носит название: «Принцип монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование и предъявлять государственное обвинение» [1], поэтому отсутствие у прокурора в российском уголовном процессе такого полномочия «противоречит международным стандартам деятельности прокуратур, придающим им важную роль в уголовном судопроизводстве» [3].

Рассмотрев позиции вышеперечисленных исследователей, стоит отметить, что состояние законности на стадии возбуждения уголовного дела с лишением прокурора права самостоятельно возбуждать уголовные дела если и изменилось, то только в худшую сторону. Об этом также свидетельствуют статистические данные Генеральной прокуратуры РФ.

Обозначенный дефект в механизме обеспечения законности на стадии возбуждения уголовного дела в деятельности прокуратуры позволяет говорить о том, что лишение права прокурора самостоятельно возбуждать уголовные дела является противоречащим роли прокурора в уголовном процессе. Подобное положение снижает его роль в уголовном судопроизводстве, и позволяет говорить о бесспорности необходимости наделяния прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.07.2020).
2. Лапин С. Ю. Прокурор-следователь: революция началась // ЭЖ-Юрист. — 2007. — № 26. — С. 21–25.
3. Луговская К. О. Роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. — 2016. — № 11. — С. 1316–1318. — URL <https://moluch.ru/archive/115/31010/> (дата обращения: 10.07.2020).
4. Манова Н. С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное и частное право. 2009. № 11. С. 183.
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 10.

Институт зачета в системе международного и российского права

Смелов Даниил Александрович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В настоящей статье рассматривается законодательное и доктринальное положение института зачета. По своей правовой природе зачет является крайне важным способом прекращения обязательств, имеющим глубокие исторические корни и обширную историю развития. Так, институт зачета существовал еще в классическую эпоху и был известен римскому праву, заложившему его основы и принципы осуществления. С тех пор зачет получил настолько широкое мировое распространение, что без него уже немислимо представить развитый правопорядок.

Ключевые слова: международное право, зачет, виды зачета, зачет при несостоятельности, ретроспективность зачета.

Зачет является далеко не новым правовым институтом, его история уходит корнями глубоко в прошлое и непосредственно связана с ростом торговли, увеличением зна-

чимости финансов в общественных отношениях. Так, зачет (compensatio) был известен еще римскому праву, где он определялся как погашение встречных требований в той

части, в которой они взаимно покрываются, если каждая из сторон является и кредитором, и должником по отношению друг к другу.

В системе раннего римского права до реформы Юстиниана использовались три основные группы зачета, которые могли быть использованы только в судебном процессе посредством заявления иска — это зачет в операциях аргентариев (банкиров), зачет требований, основанных на «доброй совести» и зачет при несостоятельности. Первый вид подразумевал, что банкир, предъявляя клиенту требование о выплате долга, обязан указать в этом требовании сальдо — разницу между долгом клиента и долгом банкира. Зачет при несостоятельности позволял кредитору банкрота, одновременно являвшемуся и его должником, зачитывать свои требования в полном объеме преимущественно перед всеми остальными конкурсными кредиторами. Третий же вид подразумевал зачет встречных обязательств, которые взаимно связаны — взаимных требований «доброй совести», имеющих одно основание.

Зачет, первоначально имевший ярко выраженный процессуальный оттенок и довольно узкую сферу применения, был реформирован Юстинианом в V в. н. э., и стал применяться вообще при всех исках в силу самого права (*ipso iure*) в качестве одного из способов прекращения обязательств. Интересный момент связан с последующим рецепированием конструкции «*ipso iure*» европейскими правовыми порядками: существует два разных подхода к ее пониманию. Согласно первому подходу, зачет осуществляется в силу закона автоматически, без участия сторон сразу после того, как для него возникли условия. Другой подход гласит, что зачет осуществляется решением судьи, основанном на выражении стороной своей воли, являющимся обязательным условием. То, как данная дихтомия практически отразилась на законодательствах различных стран будет рассмотрено в работе позже.

Раскрывая понятие зачета, необходимо указать несколько его характерных черт. Во-первых, стороны встречных обязательств, прибегшие к зачету, перестают иметь права и нести обязанности, вытекающие из них, а во-вторых, данные обязательства прекращаются полностью (если обязательства совпадают) или в части (если не совпадают). В последнем случае то обязательство, которое имеет большее денежное выражение, уменьшается на сумму меньшего требования, которое, в свою очередь, полностью прекращается.

Зачет можно рассматривать и как самостоятельный механизм, значительно упрощающий проведение расчетов между контрагентами и гарантирующий их безопасное проведение в случае, когда кредитор имеет встречное обязательство перед должником. Благодаря зачету также уменьшаются суммы, которые сторонам требуется перевести друг другу для взаиморасчета, что также уменьшает сопутствующие расходы, к примеру, размер банковских комиссий (поскольку должник вместо того, чтобы выплачивать

денежные суммы, использует «для оплаты» свое право требования к кредитору).

В настоящее время институт зачета существует как в странах романо-германской, так и англо-саксонской правовых систем (а следовательно, и в национальных законодательствах таких стран, как Англия, Германия, Нидерланды, Франция, Россия). Однако, несмотря на то что зачет признается данными правовыми порядками и под данным термином понимается один и тот же правовой институт, существуют довольно существенные отличия в том, как работает механизм его применения. В Нидерландах, Италии, Франции и некоторых других странах Романской модели зачета он обозначается термином «компенсация» («*compensation*»), в Германской модели (Германия, Австрия, Швейцария — «*Aufrechnung*», в системе Общего права (Англия, Шотландия — «*set-off*»). В международном праве в целях унификации используется английский термин «*set-off*» (зачет), к примеру, в Модельном законе ЕС о зачете (является частью сборника принципов Европейского контрактного права — PECL [1, Chapter 13 — *set-off*]).

В Германии зачет, известный под термином *Aufrechnung*, регулируется ст. 387–396 Германского Гражданского уложения [2] в которых указывается, что в случае, когда два лица имеют друг перед другом обязательства одной природы (однородные), каждая сторона может зачесть свое требование за требование противной стороны, как только она вправе требовать исполнения, причитающегося ей, и осуществлять корреспондирующее удовлетворение. Зачет возможен и в том случае, если по взаимным требованиям указаны различные места исполнения или доставки. ГГУ устанавливает, что зачет осуществляется путем подачи к другой стороне заявления, которое не может быть сделано под условием или содержать условие о времени. Не подлежит зачету требование, против которого сторона заявила возражение или если оно возникло из умышленно совершенного незаконного деяния.

Функция зачета по ГГУ состоит в том, что встречные требования, в той степени, в которой они корреспондируют и «перекрывают» друг друга, считаются погашенными с того момента, когда наступили условия для их зачета.

В законодательстве Нидерландов зачет (*compensatie/compensation*) регулируется разделом 6.1.12 (право на зачет) Голландского Гражданского кодекса (ст. 6:127–6:141) [3] и определяется следующим образом: когда должник, желая осуществить зачет, сообщает своему кредитору о том, что он исполняет свое обязательство путем его зачета против права требования, которое он имеет против кредитора, оба обязательства перестают существовать полностью или в части суммы обязательства с наименьшим значением. У должника должно иметься встречное право требования к кредитору, которое он вправе принудительно исполнить, даже если оно имеет иное место или способ исполнения.

Интересно включение в текст Гражданского кодекса отдельных положений, касающихся уступки одного из встречных обязательств, являющихся предметом зачета. В частно-

сти, после получения уведомления о том, что обязательство было уступлено, сторона может осуществить зачет только при соблюдении одного из следующих условий: встречный иск должника к продавцу проистекает из тех же правовых отношений, что и между должником и продавцом по переданной дебиторской задолженности или встречный иск должника против продавца возник и подлежал оплате до уступки и последующего уведомления об уступке. Однако суд, основываясь на оценке конкретной ситуации и руководствуясь принципом «разумности и справедливости», может сделать вывод, что было бы неуместным отказывать должнику в праве на зачет, даже если встречные обязательства объективно берут начало из разных правоотношений [4].

Согласно английскому законодательству, если две стороны имеют друг перед другом обязательство одного рода, то каждая сторона может зачесть свое требование против перекрестного требования другой стороны, при условии, что сторона, использующая свое право на зачет, имеет право требовать исполнения другой стороной и имеет право осуществлять исполнение по перекрестному иску другой стороны [5, с. 1139].

Из анализа положений законов упомянутых выше право порядков, а также доктринальных источников видно, что страны весьма единообразно подходят к определению того, чем является зачет по своей природе и, исходя из этого, используют схожие механизмы его правового регулирования. В частности, предъявляются схожие требования к обязательствам, являющимся предметом зачета и условиям, при которых возможно его осуществление.

Практически все системы национального права предъявляют к зачету основополагающие требования о взаимности (*mutuality*) и однородности (*obligations of the same kind*) обязательств [6, с. 541]. Взаимность означает, что обе стороны зачета должны одновременно являться должником и кредитором друг друга (принцип, проистекающий еще из римского права — зачет может быть произведен только тем, кто полагается ответчику, но не кому-либо другому, то есть зачет не может производиться, например, управляющим трастом, попечителем, иным доверительным собственником). При этом ряд право порядков требует (ст. 387 ГГУ, 1291 Французского ГК, 16.6 Гражданских процессуальных правил Англии), чтобы обязательства в зачете были связаны между собой и имели единую правовую природу, хотя, например, Модельный закон ЕС о зачете такого требования не содержит.

Однородность предполагает, что обязательства имеют одинаковое материальное или денежное выражение, другими словами, денежное требование можно зачесть только другим денежным требованием, обязательство по поставке вина — только другим обязательством по поставке вина и так далее, а обязательство по поставке товара зачесть правом денежного требования нельзя. Что касается денежных требований, выраженных в разной валюте, то разные юрисдикции по-разному смотрят на возможность зачета

таких требований. По праву Нидерландов такой зачет возможен, но только при условии, что данные валюты являются свободно конвертируемыми и между сторонами нет соглашения о том, что зачет может осуществляться только в какой-то одной валюте [7, с. 30], а по немецкому праву — невозможен, поскольку такие обязательства не признаются однородными [8, с. 220]. С однородностью тесно связано требование о том, что обязательства должны быть четко определяемыми для того, чтобы была возможность понять их соотношение и в какой части они друг друга «перекрывают». Так, по английскому праву в этих целях требования должны быть только денежными если речь идет о процедуре банкротства или размер требований должен быть четко определяемым судом если зачет происходит вне банкротства [9, с. 1–2].

К зачету также предъявляются требования о том, что обязательства должны быть наступившими (*due/mature*). Речь идет о том, что у стороны, инициирующей зачет, должен наступить срок исполнения ее обязательства перед кредитором (у которого, в свою очередь, есть право требования исполнения). В то же время, обязательство противоположной стороны может быть и не наступившим, если, к примеру, действия инициатора зачета могут повлиять на исполнение. Так, во Франции и Германии зачет против не наступившего обязательства допускается постольку, поскольку у стороны имеется право исполнить обязательство досрочно.

Еще одно важное требование состоит в том, что обязательства должны быть ликвидными (*liquid*), то есть у сторон и у суда должна иметься уверенность в том, что обязательства будут исполнены, а, в случае возникновения ненадлежащего исполнения, проблемы будут устранены в минимально возможный срок. Для раскрытия данного требования можно привести следующую гипотетическую ситуацию: было зачтено обязательство по поставке технически сложных товаров на большое расстояние, скажем из Китая в Европу, и часть этих товаров оказалась дефектной. В таком случае есть серьезные сомнения в том, что проблема будет устранена в кратчайший срок ввиду сложности ремонта и большого расстояния между приобретателем и поставщиком, а значит обязательство не будет являться ликвидным поскольку оно осложнено дополнительными обстоятельствами, путающими суд.

Другое требование — это исполнимость (*actionability*) обязательств, которая для целей регулирования зачета означает, что он может быть осуществлен только если другая сторона не заявила возражений. Так, ГГУ в ст. 390 устанавливает, что требование, против которого заявлено возражение не подлежит зачету, ст. 6:132 Голландского ГК — что если сторона имеет основания возражать против исполнения собственного обязательства, то посредством такого возражения она может аннулировать эффект зачета, причем возражение должно быть заявлено немедленно после получения заявления о зачете. В этом плане гораздо большей лояльностью отличились разработчики

Модельного закона ЕС о зачете, установившие, что возражение может быть заявлено в течение 2 месяцев после получения заявления.

Национальными правопорядками также предусмотрены случаи, когда осуществление зачета не допускается. Так, согласно ГК РФ (ст. 411), не допускается зачет требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о пожизненном содержании, о взыскании алиментов, по которым истек срок исковой давности. По Голландскому ГК (ст. 6:135) зачет не возможен, если обязательство должника подразумевает выплату возмещения за ущерб, нанесенный им умышленно или если против требования может быть заявлено возражение. По ГГУ (ст. 390, 393, 394) — если обязательство возникло из умышленного недозволенного деяния, если заявлены возражения.

В Российском законодательстве зачет регулируется тремя статьями Гражданского кодекса: ст. 410 устанавливает, что обязательство может быть прекращено зачетом встречного однородного требования срок которого наступил, не указан или определен моментом востребования, причем для зачета достаточно заявления одной стороны и не требуется наличие соглашения. Ст. 411 устанавливает перечень случаев, когда зачет недопустим, а ст. 412 регулирует процедуру зачета при уступке требования.

Вследствие того, что гражданское законодательство не в полной мере регулирует институт зачета, большое значение приобретает судебная практика. К примеру, требования к обязательствам были сформулированы ВАС РФ: они должны быть встречными, однородными, действительными, бесспорными и допустимыми [10].

Таким образом, в России по общему правилу (вне процедуры банкротства и при отсутствии в соглашении условий о запрете) зачет допускается. При банкротстве прекращение обязательств должника путем зачета не допускается, если только не получено согласие конкурсного управляющего и зачет не нарушает очередность удовлетворения требований кредиторов [11, с. 4190].

Зачет при уступке требования производится путем зачета требования должника к первоначальному кредитору против требования нового кредитора. Такой зачет допустим, если основание требования возникло к моменту получения должником уведомления об уступке и срок требования наступил до его получения, этот срок не указан или определен моментом востребования (ст. 412 ГК РФ).

Зачет, осуществляемый на основании ст. 410 ГК РФ и заявления стороны в доктрине российского права получил название принудительного внесудебного (в противоположность добровольному внесудебному и в дополнение к принудительному судебному) [12]. Такое название обуславливается тем, что у стороны, против права требования которой подается заявление о зачете, срываются ожидания реального исполнения в свой адрес и нет возможности отказаться от зачета, а лишь оспорить его по мотиву недействительности заявления или одного из требований.

А вот различаемые доктриной договорной зачет и взаимозачет являются подвидами добровольного внесудебного зачета и производится исключительно на основании наличия соглашения между сторонами и их свободного волеизъявления, а не в силу закона [13, с. 30]. Ключевым отличием взаимозачета является то, что при таком способе прекращения обязательств происходит зачет одновременно по обязательствам трех и более сторон.

Очевидно, что такие виды зачета легитимизируются, в первую очередь, нормами о свободе договора (ст. 421), о праве сторон прекратить свои обязательства договором и об открытом перечне способов прекращения обязательств (ст. 407), а значит в соглашении о зачете, помимо прочего, могут указываться и требования к обязательствам, которые могут не соответствовать тем, что установлены судебной практикой для договорного зачета. Тем не менее, признание и судебная защита данного вида зачета могут иметь существенные сложности, ввиду того, что они напрямую не предусмотрены гражданским законодательством, хотя и не противоречат его слову, духу и сложившейся практике в других правопорядках, где, например в Германии, возможность осуществления договорного зачета также не упоминается в Гражданском уложении, но признается судебной практикой [14, с. 5].

Принудительный судебный зачет, как ясно из названия, является инструментом, используемым в судебном процессе в качестве своеобразного способа защиты от иска: заявление о зачете предьявляется путем подачи встречного иска.

В различных национальных правопорядках могут выделяться различные виды зачета в зависимости от того, на каких началах стоит та или иная правовая система, а также ее исторического развития. Тем не менее, в сравнительно-правовых целях возможно рассмотреть основные виды, признаваемые сразу несколькими крупными правовыми системами, а также международным правом. Также необходимо добавить, что в качестве названий видов зачета приводятся термины, устоявшиеся в международном праве и трудах по сравнительному праву, а потому они могут отличаться от тех, что общеприняты в отдельных странах. Для целей сопоставления приводимых далее видов зачета с существующими в конкретной стране целесообразно использовать их дефиницию, а не название.

Зачет при несостоятельности (*insolvency set-off*) является очень важной категорией с точки зрения предпринимательской деятельности и применяется, когда одна из сторон находится в состоянии банкротства. Данный вид зачета, в первую очередь, улучшает положение кредитора банкрота, поскольку, осуществив зачет (предположим, обе стороны имеют встречные требования на тысячу рублей), он получает удовлетворение своего требования в полном объеме (пусть и путем зачета, а не в натуре) и не должен ничего выплачивать по своему обязательству, в то время, как без зачета ему бы пришлось заплатить тысячу банкроту и ожидать встречной выплаты в общем порядке, ко-

торая далеко не факт, что будет осуществлена в полном объеме или осуществлена вообще. Таким образом, зачетом при несостоятельности обеспечивается не упрощение расчетов между сторонами, а некая справедливость в отношениях между сторонами, поскольку представляется неправильным, что лицо, которое само не в состоянии исполнить своё обязательство кредиторам, требует от него выплаты. В странах Романо-германской правовой системы такой зачет обычно не допускается или серьезно ограничивается (в России, к примеру, он разрешен только с согласия конкурсного управляющего и если не нарушает права других кредиторов, в частности, с соблюдением очередности удовлетворения требований кредиторов), в то время, как в системе Общего права он происходит при банкротстве автоматически.

Односторонний зачет (в силу закона, независимый, independent, legal) осуществляется автоматически по заявлению одной из сторон и является видом зачета «по умолчанию» для многих правопорядков (см., например, ст. 410 ГК РФ или ст. 387 ГГУ). Такой зачет отличает относительная простота его осуществления, не требующая заключения отдельного соглашения. Некоторые национальные законодательства (Россия, Германия) требуют, чтобы обязательства были однородными, что влечет неоднозначность судебной практики по данному вопросу в то время, как другие (в странах, где такой зачет называется независимым) обязательства могут быть не связаны и возникать из разных договоров, транзакций.

Судебный зачет (judicial) является своеобразным способом защиты от исковых требований истца в гражданском или арбитражном процессе и изначально произошел и стран системы Общего права, где зачет традиционно мог осуществляться только в суде (Англия).

Договорной зачет (contractual, by agreement) осуществляется на основании соглашения между сторонами и предоставляет сторонам максимальную свободу выбора условий, на которых он будет осуществляться, позволяет преодолеть недостатки других видов зачета и увеличить предсказуемость результатов, а потому, наряду с зачетом в банкротстве. Условия, указанные сторонами в договоре, могут отличаться от тех, которые установлены для зачета в силу закона до тех пор, пока они не противоречат императивным требованиям закона и публичному порядку, к примеру, российская судебная практика исходит из того, что условия не могут нарушать требования, установленные ст. 411 ГК РФ.

Зачет связанных обязательств (транзакционный, transaction, equitable) является довольно специфическим видом, выделяемым преимущественно в системе Общего

права (в Англии, США) и представляет собой зачет, осуществляющийся для тесно связанных между собой обязательств (в рамках одной сделки), к примеру, зачет обязательств покупателя уплатить цену поставленных товаров и продавца возместить стоимость товаров, которые были доставлены дефектными.

С точки зрения сравнительно-правового анализа также интересно рассмотрение вопроса о том, является ли зачет институтом материального или процессуального права. В этом отношении между Романо-германской правовой системой, признающей материальную природу зачета, и системой Общего права, считающей, что зачет является процессуальным средством защиты, существуют существенные различия, влияющие, в том числе, на то, как осуществляется зачет и какие права имеют стороны [15, с. 139]. Исходя из процессуального толкования, для осуществления зачета в суд должен быть предъявлен иск и судья, выявив, что исковое требование законно и обосновано, и ввиду наличия у ответчика встречного права требования, объявляет обязательства сторон прекращенными (или выносит решение о взыскании уменьшенной суммы в случае частичного зачета). В этой связи, однако, возникает ряд важных особенностей, в частности, заявление иска и его дальнейшее движение не исключает возможности кредитора осуществлять свои права по контракту, к примеру, прекращать обязательство (что повлечет для ответчика невозможность зачета).

Тем не менее, с развитием института зачета, в Общем праве появилась устойчивая точка зрения о том, что зачет необходимо рассматривать с материальной точки зрения, особенно когда речь заходит о зачете связанных обязательств (equitable set-off), а значит для его осуществления не обязательно обращаться в суд [16, с. 29].

В Континентальной правовой системе, несмотря на то что зачет рассматривается как материальный институт гражданского права, существуют некоторые национальные особенности, которые могут в том числе предполагать и участие суда, то есть традиционная модель, когда встречные обязательства прекращаются автоматически (ipso iure — в силу закона) как только они возникают, претерпела некоторые изменения [16, с. 32]. Так, во Франции, Испании и других странах Наполеоновской системы зачета обязательства прекращаются автоматически (ipso iure) только когда они явились предметом соответствующего иска в суде. Другой подход, принятый в странах Романской системы зачета (Германии, Нидерландах, России), гласит, что зачет осуществляется внесудебно, путем неформального и одностороннего заявления одной из сторон.

Литература:

1. Lando, O., Clive, E., Prum A. and Zimmermann, R. Principles of European Contract law, parts I, II & III. Prepared by The Commission on European Contract Law. The Hague: Kluwer Law International, 2003.
2. Bürgerliches Gesetzbuch. German civil code. [Electronic resource]. Available on: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/

3. Dutch Civil code. [Electronic resource]. Available on: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2019-07-21> (English translation available on: <http://www.dutchcivillaw.com>)
4. International Comparative Legal Guide: Netherlands: securitisation laws and regulations 2019. Published on 30.05.2019 by Global Legal Group. [Electronic resource]. Available at: <https://iclg.com/practice-areas/securitisation-laws-and-regulations/netherlands>
5. Wood, P.R. English and International Set-Off. Sweet & Maxwell, London, 1989.
6. Pichonnaz, P. The Retroactive Effect of Set-Off (Compensatio): A Journey Through Roman Law to the New Dutch Civil Code // Legal History Review, vol. 68, № 4, 2000
7. Gerretsen, R. B. The Law of Set-off in the Netherlands // International law review, May 1984.
8. Gernhuber, J. Die Erfüllung und ihre Surrogate sowie das Erlöschen der Schuldverhältnisse aus andren Gründen. Mohr Siebeck, 1983.
9. Буркова А. Зачет и неттинг: английское и российское право // Международное публичное и частное право, Юрист, № 4, 2008.
10. Информационное письмо Высшего Арбитражного суда РФ от 29.12.2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований».
11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190
12. Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р. Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. Статут, 2006 // Информация получена из СПС «КонсультантПлюс»
13. Селивановский, А. Зачет, взаимозачет, неттинг? // Хозяйство и право, № 9, 2009.
14. Драгунов В. В. Односторонний и договорный зачет: российская практика и международный опыт // Право и экономика, № 11, 2003.
15. Goode, R. M. Legal Problems of Credit and Security, 2nd Edition. Sweet & Maxwell, 1988.
16. Zimmermann, R. Comparative foundations of a European law of set-off and prescription. Cambridge University Press, 2002.

Ключевые особенности и проблемы международного нотариата

Сусленков Дмитрий Александрович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье рассматриваются ключевые особенности совершения нотариусами нотариальных действий, осложненных иностранным элементом. Анализируются положения некоторых международных договоров и Конвенций, проводится сравнительное исследование отдельных положений законодательства. Особое внимание уделено вопросу правовых коллизий, которые встречаются в законодательстве и нередко вызывают усложнение нотариальной процедуры.

Ключевые слова: международное частное право; международный нотариат; международное нотариальное право.

В трансграничных правоотношениях роль нотариуса достаточно велика, особенно в вопросах, связанных с охраной наследственных прав, прав на недвижимое имущество, семейными отношениями а так же удостоверением документов, их хранением, сопровождением проведения различных сделок между иностранными контрагентами и обеспечением исполнения обязательств между сторонами. В первую очередь необходимо обозначить определение международного нотариального права. Международным нотариальным правом называют систему норм, направленных на регулирование действий органов нотариата, связанных с правом двух и более государств. Такие нормы по своей сущности являются процессуальными.

Спрос на услуги нотариусов растет с каждым годом, это обусловлено, в частности, возросшими темпами иммиграции населения по ряду причин, иногда

по весьма необычным. Так, например, согласно статистическим данным Евростата лидером по количеству вновь прибывших в Европейский Союз граждан лидирует Мальта и еще несколько карликовых государств Европы. Это связано с привлекательным гражданством данной страны за относительно небольшие деньги, однако необходимо приобрести недвижимость на определенную сумму и удостоверение таких сделок обеспечивает мальтийских нотариусов достаточным количеством работы уже много лет.

Далее будут рассмотрены особенности осуществления совершения нотариальных действий с иностранным элементом как на примере стран Европы, представителей доминирующей и старейшей системы нотариата, созданной еще в начале 19 века — латинского нотариата, так и иных стран со схожей или иной системой нотариата.

Каждый случай в практике нотариуса по своей сути уникален и даже не вызывающие сомнений и отработанные годами вопросы могут вызвать усложнение нотариального процесса, а в случае недостаточно ответственного подхода — весьма негативные последствия.

Компетенция нотариуса при работе с иностранным правом определяется исходя из совокупности национального и международного законодательства. Иностранцы имеют право обращаться к нотариусам по всему миру для совершения определённых нотариальных действий, однако некоторые из таких действий могут быть отнесены к исключительной компетенции местных нотариусов [1, ст. 39]. Это правило, например, относится к регистрации прав на недвижимое имущество, то есть имущественные права по общему правилу могут быть удостоверены только в стране нахождения имущества местным нотариусом.

Еще одна особенность, на которую стоит обратить внимание, это различие требований национальных и трансграничных законодательств относительно оформления документации, необходимость или отсутствие необходимости удостоверения отдельных документов, порядок их исполнения. Например, национальные законодательства расходятся во мнении, должна ли удостоверяться нотариально доверенность, выданная за рубежом. Например, в Швейцарии соблюдение этого условия не обязательно [2, ст. 126]. В Российской Федерации, согласно нормам Гражданского Кодекса, сделки, совершаемые нотариально, непременно требуют удостоверенной доверенности [3, ст. 185]. Иное условие, которое важно учитывать нотариусу, это порядок исполнения актов, который обычно основан на началах добровольного исполнения, однако в некоторых международных договорах предусмотрено принудительное исполнение не только судебных, но и нотариальных актов с исполнительной надписью. Созданные в одной стране, акты подлежат принудительному исполнению в другой [4]. Так как результатом работы нотариуса в большинстве случаев является письменный документ, он должен быть оформлен с учетом требований порядка, а стороны должны быть уведомлены об особенностях его применения на территории другого государства.

Перед тем как приступить к основной части нотариального процесса — работе с документацией, нотариус должен провести всесторонний анализ конкретной ситуации, осуществить поиск связей между элементами правоотношения. Нотариус должен получить ответ на несколько фундаментальных вопросов: каков объект и субъект правоотношений, какие права и обязанности стороны имеют по отношению друг к другу, к контрагентам, к государству, к другим государствам. Так как нотариус, как правило, опирается на информацию, предоставленную ему сторонами, оценивая ее и анализируя, уже на начальном этапе необходимо получить сведения о месте нахождения лиц и имущества, их происхождении а так же результате, который стороны пытаются достичь при обращении к нотариусу. Также но-

тариус должен понимать какие и в каком объеме правовые последствия могут возникнуть в иностранном государстве после завершения нотариальных действий.

В процессе первоначального анализа, нотариус должен учитывать, что спектр правовых ситуаций, с которыми обращаются клиенты очень широк. В научной литературе приводится несколько вариантов таких ситуаций [5, с. 6]:

1) Ситуации, изначально имеющие трансграничный характер. Это, в первую очередь, популярные сейчас межнациональные браки, разводные процессы, а также наследственные дела, если имущество находится в другом государстве, и прочее.

2) Иные ситуации, возникающие на национальном уровне, а затем переходящие в интернациональный. Например, гражданин России проживает, а затем завещает свое имущество в Москве, но через некоторое время, получив гражданство Австрии, умирает в Вене. В этом случае возникает трансформация правоотношения, появляется иностранный элемент. Доля таких дел в нотариальной практике очень высока. Соответственно, нотариус должен отслеживать и анализировать такие ситуации, уточняя у сторон, например, о планируемом переезде при наличии на то оснований.

Еще одной особенностью проведения нотариальных действий с иностранным элементом является установление личности иностранного гражданина и правового статуса организации.

Проблема установления личности граждан и их дееспособности является предметом исследования многих российских правоведов, например И. Г. Медведева, В. В. Яркова и других. Проводимые исследования направлены на поиск возможности закрепления более точных критериев установления личности и перечня документов, которые в подтверждение своей личности, может предъявить иностранное лицо, однако авторы многих работ делают вывод о том, что перечень не должен быть императивным и зависит от конкретной ситуации [6, с.75]. В Российской Федерации перечень документов, которые может предоставить иностранный гражданин устанавливается п. 10 Приказа Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 [7].

Рассмотрим, как вопрос установления личности иностранных граждан урегулирован в законодательстве некоторых Европейских государств. Как указано в статьях 85–87 Закона Польской республики о нотариате, нотариус обязан подтвердить личность лиц, участвующих в нотариальном процессе, на основании «документов, установленных законом, или способом, который ликвидирует все сомнения по поводу личности иностранного лица». Однако императивный перечень документов в Законе не указан [8].

В статье 12 Закона о нотариальной процедуре Республики Молдова указано, что для иностранных граждан является обязательным следующая идентификационная информация: «фамилия, имя, государственный идентификационный номер физического лица (IDNP), серия и номер удостоверяющего личность документа, гражданство ино-

странца и заявленное место проживания, если оно не указано в документе, на основании которого устанавливается идентичность» [9, ст. 12].

Юридические лица также предоставляют перечень документов для подтверждения своего статуса и налоговой принадлежности к той или иной стране. Проанализировав документы, предоставленные лицами, нотариус может перейти к дальнейшим действиям по установлению их «личного закона», правоспособности, дееспособности.

Таким образом, важным этапом совершения нотариальных действий, осложненных иностранным элементом, является первоначальный анализ ситуации, а также идентификация сторон. Без выполнения этих требований начало нотариального действия невозможно.

Чтобы успешно совершать нотариальные действия, осложненные иностранным элементом, нотариус должен руководствоваться прежде всего «Основными законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее — Основы). Этот документ закладывает основные принципы ведения деятельности нотариусов на территории Российской Федерации [10]. Основы так же включают нормы, регулирующие совершение нотариусом действий, не предусмотренных Российским законодательством. Помимо Основ, кодексов и Федеральных Законов, неотъемлемой частью регулирования нотариальной деятельности в Российской Федерации являются международные договоры, согласно которым российские нотариусы, например, вправе передавать поручения по отдельным нотариальным действиям зарубежным органам юстиции.

Основы законодательства о нотариальной деятельности так же устанавливают порядок применения нотариусом норм иностранного права, содержат указания относительно совершения отдельных нотариальных действий. В случае необходимости обращения нотариуса к нормам международного договора, ст. 109 Основ указывает на приоритет применения международного договора, что также указано в ст. 15 Конституции РФ [11, ст. 15].

Россия является участницей многих двухсторонних договоров о правовой помощи, заключенных еще во время существования Советского Союза. Эти договоры содержат некоторые принципы и порядок сотрудничества государств, компетентные государственные структуры и организации, порядок признания юридической силы документов и другие положения, касающиеся международных отношений в сфере права в целом и нотариальной деятельности, в частности. Российская Федерация имеет двухсторонние договоры, например, с Польшей, Чехией, Италией, и иными странами. Прежде чем применять нормы иностранного права, нотариусу необходимо узнать, есть ли у Российской Федерации договор с соответствующим государством. Большинство договоров носят характер договора о правовой помощи или являются консульскими конвенциями.

Рассмотрим некоторые, содержащиеся в двухсторонних договорах Российской Федерации положения, непо-

средственно касающиеся нотариальной деятельности, подробнее.

Так, в п.2 ст. 52 Договора о правовой помощи с Республикой Польша содержатся положения, указывающие на то, что акты нотариуса, которые имеют силу исполнительной надписи в государстве их совершения, приравниваются к судебным решениям, в соответствии с данной нормой [12].

Между Российской Федерацией и Республикой Польша также заключена консульская Конвенция, в которой нотариусы не упоминаются, но в ст. 35 указано, что консулы, как и нотариусы, имеют обширный перечень полномочий относительно удостоверения документации, например завещаний, выписок, переводов [13].

Соглашение с Францией о передаче судебных и нотариальных документов по гражданским и торговым делам содержит целый ряд положений относительно особенностей передачи документации. Например, в ст. 5 указано, что при передаче нотариального документа не подлежат возмещению какие-либо расходы, за исключением перечня, так же указанного в этой статье [14].

Стоит обратить внимание на Конвенцию о правовой помощи по гражданским делам между Россией и Италией. В ст. 27 Конвенции содержится положение относительно вывоза культурных ценностей, а именно, правила Конвенции о признании и исполнении актов нотариата не могут затрагивать законодательство о вывозе культурных ценностей Договаривающихся сторон [15].

При этом общим положением почти для всех двухсторонних договоров, даже не содержащих прямое упоминание нотариата, является указание на взаимную возможность граждан Договаривающихся государств обращаться в нотариальные органы на территориях Договаривающихся стран.

Помимо двухсторонних договоров Российская Федерация является участницей многосторонних соглашений, таких как, например, Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Конвенция содержит положения относительно порядка принятия и исполнения различных актов, порядке сношений компетентных органов, объемах правовой помощи и прочее. Минская Конвенция содержит несколько положений, касающихся непосредственно деятельности нотариата, среди которых, например, статья 2 Конвенции, согласно которой в странах участницах порядок возмещения нотариальных издержек является обоюдно одинаковым для иностранных граждан и граждан страны, где произошло обращение к нотариусу.

В 2002 году странами СНГ была создана практически аналогичная Минской по содержанию Кишиневская Конвенция, положения которой не действуют для Российской Федерации. Однако Конвенция содержит оговорки некоторых стран, касающихся ряда положений, так, например, Украина и Армения указали, что будут исполнять все решения на территории Договаривающихся стран, за исключением нотариальных актов относительно денежных обязательств.

Однако по ряду вопросов, например, в сфере международного наследственного права, Россия и другие страны не присоединились к международным соглашениям. Одним из таких соглашений стала Вашингтонская Конвенция о форме международного завещания, которая устанавливает требования к оформлению завещаний и согласно ст. 8 Конвенции не допускаются никакие оговорки.

Таким образом, международные договоры и соглашения содержат значительный спектр положений, прямо или косвенно относящихся к осуществлению нотариальных действий, осложненных иностранным элементом. Помимо правил взаимодействия органов нотариата и государственных структур, международные договоры можно применять в отношении установления полномочий консулов по совершению отдельных видов удостоверительных полномочий. Однако, основной целью нотариуса при обращении к положениям международных договоров является поиск правовых коллизий и соответствующих норм, применимых в рамках осуществления нотариальных действий с иностранным элементом.

Нотариус должен решить, право какой страны применять, найти соответствующую коллизионную норму, то есть провести пошаговый анализ законодательства, руководствуясь отсылками к иностранному праву и решить, какой правопорядок необходимо использовать для решения поставленной правовой задачи. Примером самой простой коллизионной нормы может послужить разный возраст наступления дееспособности граждан многих стран.

Предварительно определив, что стороны правоотношения действительно являются иностранными гражданами или организациями, а так же обратились за удостоверением правоотношения, которое породит правовые последствия за рубежом, нотариус может перейти к поиску необходимых коллизионных норм. Согласно ст. 109 Основ, нотариус, при совершении нотариальных действий, должен руководствоваться, прежде всего, положениями международного договора, соответственно необходимо проверить, существует ли такой договор с иностранным государством. Международные договоры являются одним из источников коллизионных норм, будь то двухсторонние или многосторонние соглашения.

В качестве примера расхождения между нормами национального законодательства и международного договора можно привести следующую ситуацию: в ст. 161 Семейного Кодекса РФ указано, что правоотношения супругов устанавливаются правом той страны, где находится место их совместного проживания, а в случае его отсутствия — в стране нахождения последнего места проживания [16]. В свою очередь, п.2 ст. 27 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, устанавливается положение о том, что в случае отсутствия места совместного жительства супругов, подлежит применению закон страны их общего гражданства. Нотариус в данном случае должен при-

менить положения Конвенции, в случае обращения сторон с соответствующим запросом.

Однако, не все вопросы, рассматриваемые нотариусами, урегулированы международными договорами. В случае отсутствия соответствующих договорных норм, применяются национальные коллизионные нормы. Российские коллизионные нормы содержатся в Гражданском, Семейном кодексах, Кодексе Торгового Мореплавания и иных НПА. Например, в Минской конвенции не содержатся коллизионные нормы для определения права, подлежащего применению к некоторым видам договорных отношений. В этом случае применяются коллизионные нормы Гражданского Кодекса Российской Федерации [17]. В случае отсутствия возможности определения применимого права исходя из норм международных договоров, национальных коллизионных норм, в том числе специальных (раздел VI ГК РФ, раздел VII СК РФ), необходимо применять право государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано (*Proper law*), в соответствии с п.2 ст. 1186 ГК РФ. Чтобы применить данный принцип, необходимо установить территориальную привязку. Так для физических лиц территориальная привязка проверяется на основе гражданства и места жительства, для юридических — на основе места нахождения обособленного подразделения, места деятельности и т. д.

Нередко в праве возникает ситуация, когда коллизионная норма отсылает обратно к праву той страны, в законодательстве которого изначально содержится. В таком случае возникает конфликт коллизионных норм. При этом необходимо учитывать, что согласно ст. 1190 ГК РФ, отсылка коллизионной нормы российского права к иностранной коллизионной норме должна рассматриваться в качестве отсылки не коллизионному, а к материальному праву иностранного государства, соответственно при наличии обратной отсылки или отсылки к праву третьей страны, в большинстве случаев применяется иностранное право. Исключения составляют некоторые нормы относительно правового положения физических лиц, в случае обратной отсылки к российскому праву, однако принятие данной отсылки в этом случае, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24, остается на усмотрение суда, в зависимости от правовой ситуации.

Стоит заметить, что вопрос обратной отсылки регулируется иностранными законодательствами по — разному, например, в соответствии со ст. 6 Закона о международном частном праве Эстонии отсылка допускается в полной мере [18]. С другой стороны, закон о Международном частном праве Швейцарии, предусматривает применение обратной отсылки к Швейцарскому праву лишь в случаях, предусмотренных этим законом [19]. Некоторые российские правоведы, например, Н. И. Марышева, полагают, что установленное российским Гражданским Кодексом исключение о применении обратной отсылки относительно правового положения физических лиц, справедливо счита-

ется не императивной, то есть, например, суд, в конкретной ситуации может либо принять, либо не принять отсылку на свое усмотрение. Установив такую норму, законодатель предоставил суду возможность определять правовой режим наиболее благоприятный для разрешения спорного правоотношения, за счет установления тесной связи с соответствующим правопорядком.

В практике нотариусов бывают случаи, когда невозможно осуществить применение норм иностранного права. Данная ситуация возникает как минимум по двум причинам, указываемых в литературе [20, с.39]:

1) Нотариусу не удается установить необходимую коллизионную норму после всех предпринятых попыток, и он вынужден использовать нормы национального материального права.

2) Иностранная норма противоречит императивным нормам национального законодательства. В качестве примера может послужить невозможность регистрации брачного договора однополых пары, так как согласно ст. 1 Семейного Кодекса РФ браком является «союз между мужчиной и женщиной». Однополые браки в Российской Федерации не признаются официально.

Таким образом, нотариусу необходимо учитывать особенности иностранного законодательства и предупреждать клиентов о возможных несоответствиях желательных для применения норм иностранного правопорядка национальному.

Подводя итог, стоит отметить, что в процессе осуществления нотариусом действий, осложненных иностранным элементом, нотариус должен предпринять особые действия, во многом отличные от проводимых в процессе работы с национальным правопорядком. В первую очередь, после обращения иностранных клиентов с каким — либо запросом, нотариус должен выстроить целостную картину проблемы, которую предстоит решить и определить свою компетенцию. Следующий важный этап — идентификация сторон, физических и юридических лиц, то есть проверка их отношения к иностранному правопорядку. После завершения подготовительных этапов нотариус может

приступить непосредственно к совершению нотариального действия. На этом этапе основной задачей, которую предстоит решить — осуществить выбор применимого права для имеющегося правоотношения. Выбор применимого права должен основываться на анализе положений актуального на момент совершения нотариального действия законодательства. Учитывая требования Основ законодательства о нотариате, нотариус должен начать поиск применимого права с исследования коллизионных норм международных договоров и конвенций, если таковые имеются. В случае отсутствия возможности применения норм международных соглашений, нотариус переходит к национальным коллизионным нормам.

В случае отсутствия возможности применения норм международных соглашений, нотариус переходит к национальным коллизионным нормам. При этом, необходимо учитывать возможность существования обратной отсылки, признанной российским законодательством лишь частично. В случае применения обратной отсылки, нотариус должен учитывать принцип наиболее благоприятного результата для сторон правоотношения.

Когда вопрос о праве решен, нотариус должен установить его содержание и осуществить применение соответствующих норм правопорядка. Результатом нотариальной процедуры является документ (акт), который в последствии должен в установленном порядке быть легализован (или освобожден от легализации) и, затем, исполнен на территории страны, для исполнения в пределах которой он был создан. Таким образом, порядок совершения нотариальных действий, осложненных иностранным элементом должен неукоснительно соблюдаться нотариусом, и каждая из возникающих на пути к результату проблем должна решаться в полном объеме.

Понимание нотариусами особенностей совершения нотариальных действий, осложненных иностранным элементом и четкое соблюдение регламентированной процедуры должно способствовать планомерному росту качества оказываемых нотариусами услуг и развитию института международного нотариата в целом.

Литература:

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // «Бюллетень международных договоров», № 2, 1995.
2. SR 291 Bundesgesetz vom 18. Dezember 1987 über das Internationale Privatrecht (IPRG) [Electronic resource] // URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html> (Accessed: 15.04.2020)
3. ГК РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Варшаве 16.09.1996) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 февраля 2002 г. № 7 ст. 634
5. Медведев И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность // М., Волтерс Клувер, 2005
6. Ярков В. В. Нотариальное право: Учебник // М., Статут, 2017

7. Приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» // СПС Гарант
8. Prawo o notariacie. Dz. U. 1991. Nr 22, poz. 91. Ustawa z dnia 14 lutego 1991 r. [Electronic resource] // URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19910220091/U/D19910091Lj.pdf> (Accessed: 29.04.2020)
9. Закон № 246 от 15–11–2018 «О нотариальной процедуре» // 01–02–2019 в Monitorul Oficial № 30–37 статья № 89
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ, № 10, 11.03.93, ст. 357
11. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
12. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Варшаве 16.09.1996) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 февраля 2002 г. № 7 ст. 634
13. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Польша (Москва, 22 мая 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 апреля 1998 г. № 14 ст. 1515
14. Соглашение между СССР и Францией о передаче судебных и нотариальных документов и выполнении судебных поручений по гражданским и торговым делам от 11 августа 1936 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. IX. — М., 1938. С. 85–89
15. Конвенция между СССР и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам от 25 января 1979 г. // «Ведомости ВС СССР», 27.08.1986, № 35, ст. 729
16. СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 г. Москва «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // «Российская Газета», № 154, 15.07.2019
18. Закон о международном частном праве Эстонской республики от 27 марта 2002 г. № 145 [Электронный ресурс] // Опубликовано: ПАЭ, 2002, 13, 217. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2016/04/03/1126368764/Эстония%202002%20русский.pdf> (Дата обращения: 21.04.2020)
19. SR 291 Bundesgesetz vom 18. Dezember 1987 über das Internationale Privatrecht (IPRG) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html> (Accessed: 1.05.2020)
20. Медведев И. Г. Настольная книга нотариуса: в 4 томах. Том 4. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности // М., Статут. 2015. С.39

Лоббизм в США

Трофимова Дарья Викторовна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Слово «лобби» произошло от латинского слова «lobia», что означает галерею с колоннами. Термин «лобби» происходит из церковного обихода. Становление этого термина светским связано с тем, что в 13 веке в Англии очень многие светские мероприятия проводились в здании церкви. Уже в более поздний период, в начале 19 века слово «лобби» приобретает современное политическое и правовое значение. В США в 19 веке президент У.С. Грант и сенаторы принимали людей, приходивших с разными просьбами, для возможного удовлетворения их интересов в той или иной сфере. Так называемые просители пытались донести до сенаторов, министров или иных должностных лиц свое мнение по поводу принятия каких-либо решений или же об их отмене, то есть пытались оказать влияние на законодательный процесс. Место, где собирались первые лица государства и просящие, получило название

«лобби». А, соответственно те, кто желал оказать давление — лоббисты. Тогда считалось, что просители не могут пройти непосредственно в зал заседания, туда, где принимают законы.

Лоббизм в США возник вместе с появлением государства. В Америке был впервые употреблен термин «лоббизм» и приняты первые законодательные акты, регулирующие лоббистскую деятельность. Юридическим основанием для лоббизма является первая поправка к Конституции, где говорится о свободе слова и о праве граждан обращаться в Конгресс. Первой попыткой оказать массовое влияние на американское правительство стало требование нескольких сотен солдат гарнизона Филадельфии выплатить им пособия. Но Конгресс просьбу солдат не выполнил. В конце 19 — начале 20 века стала усиленно развиваться экономическая сторона жизни общества, начали

появляться крупные корпорации, монополии, заинтересованные во взаимоотношениях с государственной властью с целью принятия решений, выгодных для данных экономических структур. Предприниматели использовали нелегальные способы — взятки, и легальные методы лоббирования — спонсирование должностных лиц, общественных организаций, СМИ. Можно сказать, что в 20 веке большинство должностных лиц существовали нераздельно с лоббистскими структурами. Одна известная история гласит о лоббисте, решившем организовать казино напротив здания Сената. Ему ничего не нужно было платить представителям власти, ведь своим влиянием они отбавывали денежные средства, которые проиграли в казино. Один из президентов США, Вудро Вильсон, занимался изучением лоббистской деятельности и в 1913 году, когда стал президентом, обязал уехать из Вашингтона тех, кто явно занимался лоббистской деятельностью. Именно тогда начинается политика, ограничивавшая деятельность лоббистских структур в США.

В 1938 году был принят Закон «О регистрации иностранных агентов» в связи с довольно изменчивым положением в мире. По данному закону все организации, которые защищали интересы других государств, обязаны были пройти регистрацию в министерстве юстиции. Также им необходимо было предоставлять информацию о своих источниках финансирования. Позже, в 1946 году был одобрен Закон «О федеральном регулировании лоббизма». По данному закону лоббист — это лицо, которое самостоятельно, либо через своих агентов или нанятых лиц, занимается сбором подарков, пожертвований или иных поступлений, которые затем используются, прежде всего, для воздействия на законодательный процесс. Лица, осуществляющие лоббистскую деятельность, обязаны регистрироваться в Конгрессе и предоставлять информацию о денежных средствах или подарках, преподнесенных должностному лицу.

Постепенно стали осознать, насколько высока доля коррупции в органах государственной власти. Сенат пытался более строго контролировать деятельность лоббистов, но они пользовались первой поправкой к Конституции, подтверждавшей легальность их деятельности. В 1995 году был принят Закон «О раскрытии лоббистской деятельности». Данный закон называл лоббистом любого, кто за трехмесячный период получает более чем 2,5 тысячи долларов за услуги лоббиста и занимается лоббистской деятельностью свыше двадцати процентов времени. Компании и частные лица, осуществляющие лоббистскую деятельность, обязаны пройти регистрацию в Конгрессе и предоставлять информацию о своих действиях. В 2007 году был одобрен Закон «О честном лидерстве и открытом правительстве», который полностью заменил собой Закон «О раскрытии лоббистской деятельности». Данный закон был направлен на более строгий контроль над лоббистскими компаниями, сенаторами, высокопо-

ставленными лицами. Сенаторы, которые покинули свой пост, имели право заниматься лоббистской деятельностью только спустя два года после отставки. Высокопоставленным же лицам по данному закону запрещено заниматься лоббизмом. Кроме того, было запрещено предлагать представителям власти какие-либо подарки, поскольку это совершенно не соответствовало нормам этики, по мнению законодателей.

Организационные формы лоббизма в США: индивидуальные лоббисты, фирмы лоббистов, юридические фирмы, которые профессионально осуществляют лоббистскую деятельность. Есть такие лоббисты, которые не обязаны регистрироваться: люди и организации, имеющие заработок в течение квартала менее чем 3 тыс. долларов с клиента, люди и организации, которые тратят на лоббизм менее чем 11,5 тыс. долларов в квартал, религиозные и благотворительные организации, которые тратят на лоббизм менее 20% от своих расходов. В США развиваются профессиональные лобби, которые защищают интересы различных сфер экономики, например, оружейное лобби, представленное Национальной стрелковой ассоциацией, и выступающее в защиту права на владение оружием и т. п. Лоббистская деятельность в США существует в системе судебной власти. Верховный суд — объект лоббирования, поскольку он имеет право отменять законодательные акты, принятые Конгрессом. Кроме того, лоббисты часто направляют свои усилия на то, чтобы должность судей занимали выгодные для них лица или наоборот, чтобы определенные лица не становились судьями.

На лоббизм тратится огромное количество средств. На сегодняшний день даже существует тенденция к увеличению расходов на этот вид деятельности. Наибольшее количество денежных средств на лоббизм тратят следующие организации: торговая палата США и американская медицинская ассоциация.

Контроль лоббизма гарантируется законами США. За нарушение отчетности лоббисты могут быть наказаны штрафом до 200 тыс. долларов или лишением свободы до 5 лет. Кроме того, существует и общественный контроль за лоббистами. Существует ряд организаций, которые осуществляют данный контроль: «Центр ответственной политики» и «Общественный наблюдатель» и т. п.

Таким образом, мы видим, что если в большинстве других стран лоббизм находится вне правового поля, то в США лоббизм постепенно переходил от нелегальных форм к легальным. В США прослеживается усиление нормативной регламентации лоббизма. Но и сейчас в американском обществе, как и в любом другом обществе, существуют незаконные методы лоббистской деятельности, например, коррупция. Общественное сознание снова задается вопросом, является ли лоббизм высокопрофессиональным делом или же лоббизм по-прежнему, противоречит принципам демократического общества.

Литература:

1. Белоусов А. Б. Современная практика лоббизма в США // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 2. — С. 69–86
2. Гильметдинова З. М. Лоббизм в Российской и зарубежной практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 2. — С. 122–126
3. Кремянская Е. А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — С. 161–168
4. Меньшенина Н. Н., Пантелеева М. В. Лоббизм: курс лекций: учебное пособие. — М.: Уральский федеральный университет, 2016. — 136 с.
5. Тургаева А. С., Хренова А. Е. Политология: учебное пособие. — М.: Питер, 2005. — 560 с.

Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции

Ухина Наталья Ивановна, студент магистратуры;

Закалюжная Наталья Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Впервые миграция в целях трудоустройства стала объектом международного правового регулирования более 80 лет назад. С тех пор под эгидой Организации Объединенных Наций был принят целый ряд актов, направленных на защиту прав, законных интересов тех, кто осуществляет профессиональную деятельность за пределами страны происхождения.

Наиболее важным актом стала Всеобщая декларация прав человека¹, разработанная Комиссией и принятая в 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН, с момента принятия которой трудящиеся — мигранты получили право на защиту от дискриминации, долгое время имевшую место во многих странах.

Первая и вторая статьи Всеобщей декларации провозглашают, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах и должны обладать всеми правами и свободами без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного, иного положения.

Помимо гражданских и политических прав, Декларация определяет также экономические, социальные и культурные права человека, в том числе право на труд, право на равную оплату за равный труд, право создавать профессиональные союзы и вступать в них, а также право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния.

В 60-х годах были приняты и в 1976 г., после подписания правительствами, вступили в силу такие документы, как «Международный пакт о защите гражданских и политических прав»² и Факультативный протокол к нему.

Международный пакт о гражданских и политических правах гласит, что мигранты не должны лишаться права

поддерживать свою культуру, исповедовать свою религию и пользоваться своим языком.

Помимо общих документов, ООН были приняты нормативные акты, обеспечивающие защиту мигрантов от дискриминации в отдельных сферах.

Так, в 1965 г. была принята «Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации»³.

Целый ряд международных актов касается случаев, когда права человека нарушаются в связи с его принадлежностью к какой-либо социальной группе. При этом указывается, что группы людей, желающие сохранить свою идентичность, не должны подвергаться насильственной ассимиляции, сегрегации или дискриминации. «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», вступившая в силу в 1961 г., запрещает любые действия, направленные на «уничтожение, полное, частичное, национальной, этнической, расовой или религиозной группы».

Несмотря на многолетнюю мировую практику в сфере защиты мигрантов, до сих пор на международном уровне отсутствует универсальное юридическое определение термина «мигрант». В международно-правовых документах разного уровня даются различные по степени охвата определения понятия «трудящийся-мигрант».

18 декабря 1990 г. Генеральная Ассамблея приняла «Международную Конвенцию о защите прав всех трудящихся — мигрантов и членов их семей»⁴, явившуюся результатом десятилетней работы специальной рабочей группы ООН.

Международная Конвенция под термином «трудящийся — мигрант» понимает тех, кто собирается заниматься, занимается или занимался деятельностью, за которую выплачивается вознаграждение, в государстве, гражданином которого он не является (ст. 2)⁵.

Ею охвачены не только трудящиеся — мигранты, но и приграничные и сезонные работники, а также моряки, рыбаки, работники, занятые за границей на конкретных проектах, трудящиеся, работа которых связана с переездами, а также работающие не по найму (самостоятельно занятые).

Конвенция определяет основные права трудящихся — мигрантов и формирует принципы и меры их защиты в течение всего времени нахождения в другой стране, независимо от того, легально они приезжают или нелегально. Трудящиеся-мигранты трактуются не столько как экономические субъекты, сколько как социальные.

Следует отметить, что Конвенция констатирует, что трудящиеся — мигранты и члены их семей, занятые за рубежом, составляют незащищенную часть населения, чьи права часто не закреплены ни в национальном законодательстве принимающей страны, ни в стране их происхождения.

Конвенция 1990 г. предусматривает дополнительные права для трудящихся-мигрантов и членов их семей, которые имеют установленные документы или соответствующий статус. Эти права распространяются на свободное передвижение по территории государства трудоустройства; на создание ассоциаций и профсоюзов; на пользование политическими правами в государстве работы по найму (если это государство предоставляет им такие права); на равный с гражданами страны доступ к образованию, жилью, социальным услугам и здравоохранению, к защите от увольнения, пособиям по безработице. Предусмотрено также право (с некоторыми ограничениями) свободно выбирать вид оплачиваемой деятельности; в течение определенного срока оставаться на территории государства занятости в случае прекращения оплачиваемой деятельности.

Конвенция предполагает создание наблюдательного комитета экспертов за ее соблюдением, который должен рассматривать доклады государств о мерах, предпринятых для реализации положений Конвенции, о трудностях в ее реализации и о характерных для отдельных стран чертах миграционных потоков.

В рамках кампании за ратификацию данной Конвенции и в качестве признания общемировой значимости проблем миграции Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 18 декабря Международным днем мигранта.

В 1999 г. Комиссия по правам человека ООН учредила пост специального докладчика по правам мигрантов. В круг его обязанностей входит изучение путей и средств преодоления препятствий на пути защиты прав мигрантов, включая лиц, не имеющих документов, и лиц, находящихся в стране незаконно (в нерегулируемой ситуации).

Докладчик по правам мигрантов имеет право запрашивать и получать информацию от всех соответствующих источников, включая самих мигрантов, о фактах нарушения прав человека в отношении их или их семей, а также выработать соответствующие рекомендации по предотвра-

щению и исправлению нарушений прав мигрантов, где бы они ни происходили.

Помимо международных договоров по правам человека в рамках ООН принято большое число так называемых норм «мягкого права»: деклараций, принципов, кодексов поведения и т. д., которые хотя и не носят обязательного характера, тем не менее играют важную роль в формировании общественного мнения и национальной политики по данным вопросам.

К таким актам, в частности, можно отнести «Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» (1981 г.); «Декларацию о праве на развитие» (1986 г.); «Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992 г.) и ряд других.

При регулировании вопросов миграции на межгосударственном уровне имеют значение также и принципы международного права, определяющие мирные и дружественные отношения между государствами, в том числе:

- принцип мирного урегулирования споров между государствами;
- принцип, согласно которому, как двусторонние, так и многосторонние отношения в связи с международными передвижениями людей должны осуществляться на основании законов;
- принципы международного сотрудничества, солидарности и разделения бремени в отношении больших потоков беженцев и мигрантов, нуждающихся в международной защите и помощи;
- принцип, в соответствии с которым вопросы, относящиеся к правам человека, фундаментальным свободам и верховенству закона, имеют международное значение.

Защита права на труд является важной областью деятельности не только ООН, но и ее специализированных учреждений, одно из которых — Международная организация труда (МОТ)⁶ и ее главный орган — ежегодно созываемая Международная конференция труда, которая устанавливает международные стандарты в этой области путем разработки и принятия соответствующих конвенций и рекомендаций.

Из всех правовых норм, разработанных государствами в рамках международных организаций для регулирования положения трудящихся-мигрантов, конвенции и рекомендации МОТ являются наиболее полными и всеобъемлющими.

Правительства стран — членов МОТ обязаны представлять на рассмотрение своих национальных законодательных органов конвенции МОТ для их ратификации или принятия иных мер. Конвенции носят обязательный характер для ратифицировавших их государств. Кроме того, государства обязаны представлять раз в два года доклады о принятых в стране мерах по выполнению положений конвенции. Даже если решение о ратификации не принято, правительства в этом случае обязаны сообщать в МОТ о состоянии

законодательства и практики по затрагиваемым в конвенции вопросам. Рекомендации, в которых рассматриваются более конкретные аспекты, в отличие от конвенций, не подлежат ратификации и формально не налагают на государства международных обязательств, однако часто находят своей отражение в национальных законах и практике.

Комитет экспертов МОТ за применением конвенций и рекомендаций рассматривает, соответствуют ли законодательство и правоприменительная практика страны содержащимся в них нормам. Свои выводы в форме доклада он представляет специальному комитету Международной конференции труда, который рассматривает этот доклад и обсуждает с представителем соответствующего правительства конкретную ситуацию с соблюдением стандартов МОТ.

В настоящее время разработана целая система международных норм по всем областям трудовой деятельности: от производственных отношений, политики занятости, условий труда до защиты прав человека на рабочем месте и защиты прав особых категорий работников, например, трудящихся-мигрантов.

Следует отметить, что защита иностранных трудящихся являлась одной из основных целей МОТ, провозглашенных ею с момента создания в 1919 г. Это нашло отражение в преамбуле Устава МОТ⁷, где говорится о необходимости срочного улучшения условий труда, в том числе путем защиты интересов трудящихся, работающих за границей.

Первые акты МОТ в этой области, принятые в 1939 г. (Конвенция № 66 о миграции в целях трудоустройства; Рекомендация № 61 о трудящихся-мигрантах и Рекомендация № 62 о межгосударственном сотрудничестве в области труда трудящихся-мигрантов), не получили достаточной поддержки и не вступили в силу.

Некоторые Конвенции МОТ полностью посвящены трудящимся-мигрантам. Другие регулируют различные трудовые права трудящихся, в том числе и трудящихся — мигрантов. В частности, они касаются проблем занятости, условий труда, отдыха, социального обеспечения, права трудящихся на объединение: Конвенция № 19 о равноправии в области возмещения при несчастных случаях (1925 г.); Конвенция № 48 о сохранении за мигрантами прав на пен-

сию (1935 г.); Конвенция № 102 о минимальных нормах социального обеспечения (1952 г.); Конвенция № 111 о дискриминации в области труда и занятий (1958 г.); Конвенция № 117 об основных целях и нормах социальной политики (1962 г.); Конвенция № 122 о политике в области занятости (1964 г.).

Конвенция № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся — мигрантам равенства возможностей и обращения (1975 г.)⁸ под термином «трудящийся — мигрант» подразумевает «лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую с целью получения работы, кроме как за собственный счет, и включает в себя любое лицо, законно въехавшее в страну в качестве трудящегося-мигранта» (ст. 11). Это определение не распространяется на: трудящихся приграничных районов, артистов, моряков, учащихся, служащих учреждений, допущенных в страну для выполнения специальных функций или задач на ограниченный период времени.

Конвенция обязывает государства-члены МОТ, для которых данная Конвенция находится в силе, соблюдать основные права человека в отношении трудящихся-мигрантов. Это один из первых международных актов, направленных на пресечение нелегальной миграции и незаконного найма мигрантов. В нем отмечается необходимость систематических контактов и обмена информацией по этому вопросу с другими государствами, а также принятие мер на национальном, международном уровнях.

Таким образом, сотрудничество государств в области международной трудовой миграции осуществляется на основе таких общепризнанных универсальных правовых принципов, как не отчуждаемость закрепленных в международных нормах основных прав и свобод человека и применимость этих прав и свобод ко всякому человеку, независимо от его расы, цвета кожи, пола, гражданства, языка, вероисповедания, этнического или социального происхождения. В течении последних десятилетий ООН и МОТ проделали огромную работу: государства, которые ратифицировали их конвенции, обеспечивают достаточно высокий уровень международной защиты прав трудящихся мигрантов и их семей.

Литература:

1. Прудникова Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы): монография / Т. А. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.
2. Административно-правовой статус органов исполнительной власти. (На примере миграционных служб): учебное пособие / Т. А. Прудникова, В. М. Редкоус, С. А. Акимова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
3. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации. Учебное пособие. А. С. Прудников. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
4. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции: Правовые и организационные аспекты. А. С. Прудников. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018 г.
5. Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности. В сб.: Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.
6. Красинец Е. С. Внешняя трудовая миграция в Россию. В сб.: миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.

Проблемы собственника при вселении арендаторов в жилое помещение при отсутствии согласия другой стороны и пути их разрешения путем внесения дополнений в статью 30 Жилищного кодекса РФ

Чигрин Валерий Валерьевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Причиной написания статьи на данную тему явилась неоднозначность судебной практики по вопросу вселения долевым собственником квартиры арендаторов (квартирантов) и заключения с ними договора аренды или найма жилого помещения.

Подавляющее большинство судов и судебная практика пошла в этом вопросе по формальным основаниям, категорично основываясь на чисто формальной необходимости получения на вселение арендаторов (квартирантов) в жилое помещение (квартиру) согласия другого собственника, ссылаясь, что в противном случае будет нарушаться право другого собственника, при этом не особо раскрывая в чем именно.

Примером судебной практики по данной проблеме, является решение Заволжского районного суда г. Ульяновска от 26 ноября 2019 года по гражданскому делу № 2–3988/2019 по иску Деревянкиной Т. Г., действующей в интересах несовершеннолетнего опекаемого к Горбунову А. Г. и Тырцеву В. А. о выселении, обязанности передать ключи. [1]

В данном решении суд выселяет вселенного на основании договора найма с собственником ответчика, аргументируя отсутствием согласия другого собственника на его вселение.

Апелляционным определением Ульяновского областного суда от 18 февраля 2020 года, дело № 33–809/2020, решение суда оставлено без изменения, при этом апелляционным судом указано следующее:

«При разрешении заявленных Деревянкиной Т. Г. в интересах несовершеннолетнего Т***И. О. исковых требований суд первой инстанции исходил из того, что соглашение между собственниками комнат о порядке пользования общим имуществом квартиры не заключалось, порядок пользования общими помещениями в квартире на случай передачи собственниками принадлежащих им комнат в пользование другим лицам по гражданско-правовым договорам определен не был. [2]

Кассационная инстанция так же не нашла оснований для отмены судебного решения, видимо не желая менять сложившуюся в РФ судебную практику по данному вопросу, считая, что это прерогатива Верховного Суда Российской Федерации.

И самое интересное при этом суды первой, апелляционной и кассационной инстанций — «не видит», как впрочем и большинство судов РФ, доводов стороны ответчика, что пользование жилым помещением и местами общего пользования сторонами — определено на основании судебного акта, так как имеется вступившее в законную силу решение мирового судьи об определении порядка поль-

зования жилым помещением и квартирант был вселен исключительно в комнаты закрепленные за ответчиком, а не в комнаты истца.

По мнению автора, сколько раз квартирант или собственник пройдет на кухню или в туалет с ванной вряд ли относится к правовым основаниям в выселении, вселенного на основании договора гражданина, тем более такой договор судом недействительным не признан.

По факту квартира уже превратилась в коммунальную, и договор найма был исключительно заключен на переданные в пользование комнаты ответчика.

Суды в данной не единичной ситуации, почему-то не «видят», что в случае закрепленного судом порядка пользования истец отношения к комнатам ответчика не имеет, в них проживать и пользоваться ими не может.

Имеющие исключения в судебной, практики единичны, и общего направления судов не меняют, хотя автор считает, что данные единичные судебные акты вполне логичны.

Так Заочным решением Ленинского районного суда г. Саратова от 11 октября 2013 года по делу № 2–4378/2013, суд в выселении квартиранта отказал по следующим основаниям:

«Реализация собственником своих прав возможна без согласия собственников обще-долевой собственности и может быть ограничена лишь в том случае, если его реализация приводит к реальному нарушению прав и законных интересов остальных собственников.

В настоящем судебном заседании истцами не приведено никаких доказательств того, что их права и законные интересы реально нарушены в результате вселения ответчиком Хайруллиным Ю. М. в свою комнату квартиранта Николашина С. В.

Истец Новоженина В. Г. пояснила суду, что Николашин С. В. в квартире ведет себя неадекватно, однако никуда по данному поводу истцы не обращались. Истец представил суду, лишь одно постановление от 18.06.2013 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Николашина С. В. по ст. 119 ч.1, 167 ч.1 УК РФ в связи с его поведением по вышеуказанному адресу.

Кроме того истцы, основывают свои требования о выселении ответчика Николашина С. В., ссылаясь лишь на отсутствие письменного согласия собственников обще-долевой собственности на вселение квартиранта собственником Хайруллиным Ю. М. Данное основание не основано на требованиях закона и не подлежит удовлетворению, поскольку формальные мотивы отсутствия согласия собственников на вселение квартиранта не может быть основанием для выселения ответчика Николашина С. В». [3]

Определением Санкт-Петербургского городского суда от 13 декабря 2010 г № 33–16742/2010, суд отказал в удовлетворении исковых требований о запрете сдавать в аренду комнаты в квартире без предварительного письменного согласия других участников общей долевой собственности, поскольку собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования.

При этом судебная коллегия пришла к следующему выводу:

«ЖК РФ не предусмотрено ограничение прав собственника на распоряжение принадлежащим ему имуществом путем сдачи в наем только при наличии согласия всех собственников помещений в коммунальной квартире.

ЖК РФ специально оговорены ограничения, которые накладываются на собственника комнаты*** квартиры при сдаче ее в наем другим лицам, а именно содержать общее имущество собственников комнат в такой квартире, поддерживать жилое помещение в надлежащем техническом и санитарном состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним; соблюдать права и законные интересы соседей; соблюдать правила пользования жилыми помещениями, соблюдать правила содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме». [4]

В случае, когда собственник не может заключить договор найма или аренды, на занимаемые им помещения, ставиться в «тупик», — с одной стороны собственник в соответствии со ст. 30 ЖК РФ, вправе в соответствии с п.2 ст. 30 ЖК РФ предоставить во владение и (или) в пользование, принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение гражданину на основании договора найма, договора безвозмездного пользования, или на ином законном основании, с другой стороны в данной статье ничего не говорится, что делать в случае если собственность долевая и в ней установлен порядок пользования жилыми помещениями, что и дает судам возможность формально ссылаться на отсутствие согласия второго сосособственника на вселение гражданина в качестве квартиранта.

При этом не замечая, что ст. 247 ГК РФ, не указывает на безусловность владения и пользования исключительно

имуществом, находящимся в долевой собственности по соглашению всех участников, а предусматривает при не достижении согласия — в порядке, установленном судом.

Не указание в ст. 30 ЖК РФ на разрешения вопроса по поводу вселения другого гражданина, в случае если квартира находится в долевой собственности, дает необоснованное преимущество нежелающего вселения сосособственника над тем который желает распорядиться, своим жильем и законно получить от него прибыль.

Принцип — «ни себе, ни людям», в данном случае вряд ли можно назвать добросовестным.

Каким же образом можно разрешить данную ситуацию с сохранением баланса интереса обоих сосособственников.

По мнению автора, следует в данную норму закона, включить положения аналогичные ст. 250 ГК РФ.

Суть данной статьи как раз таки и соблюсти интересы сторон — и предложить вполне приемлемый вариант для сосособственников для реализации права продать свою долю.

То, есть законодательно право собственника на реализацию закреплено, а на владение и (или) пользование — нет.

Чем не выход из данной ситуации, если в ст. 30 ЖК РФ, так же включить условия, при наличии долевой собственности на жилое помещение, преимущественное право при передачи во владение и (или) пользование жилых помещений, при наличии определенного порядка пользования квартирой, постороннему лицу, преимущественное право на заключение договора аренды или найма жилого помещения, носящих возмездный характер, на условиях заключения договора аренды или найма.

Неплохо было бы включить и обязанность собирающегося заключить такой договор сосособственника об извещении в письменной форме остальных участников долевой собственности о намерении желания передачи своей доли постороннему лицу, с предоставлением проекта договора.

По аналогии со ст. 250 ГК РФ, для определенности, так же можно добавить и месячный срок, в который другой сосособственник должен будет определиться со своими действиями.

В данном случае принцип «ни себе, ни людям», у другого сосособственника уже не пройдет, так как его права нарушены уже не будут и баланс интересов будет соблюден

Литература:

1. Решение от 26 ноября 2019 года, дело № 2–3988/2019-М-4128/2019 Заволжский районный суд г. Ульяновска. [Электронный ресурс]: zavolgskiy.uln.sudrf.ru
2. Определение от 18 февраля 2020 года, дело № 33–809/2020 Ульяновский областной суд [Электронный ресурс]: www.uloblsud.ru
3. Решение от 11 октября 2013 года, дело № 2–4378/2013 Ленинский районный суд г. Саратова [Электронный ресурс]: leninsku.sar.sudrf.ru
4. Определение от 13 декабря 2010 г. № 33–1674/2010 Санкт-Петербургского городского суда [Электронный ресурс]: base.garant.ru

Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве

Шеховцова Николь Сергеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Проблема обратной отсылки занимает большое место в науке международного частного права. Ей посвящено огромное количество литературы, она породила горячие дискуссии среди юристов разных стран, и в доктрине по сей день не существует однозначного ответа на вопрос, стоит ли использовать обратную отсылку, или ее применение стоит ограничить. В настоящей статье автор обращается к опыту применения обратной отсылки в английском праве с целью отследить тенденции ее использования английскими судами и определить, какой подход к решению коллизий используется в последнее время.

Ключевые слова: обратная отсылка, Англия, дело, английский суд, Италия, норма, судья, Верховный суд.

Сложность в применении обратной отсылки заключается в необходимости судье при использовании двусторонней коллизионной нормы определять объем, в котором должен быть применен иностранный закон, на который указывает коллизионная норма. Если судья подразумевает под правом иностранного государства указание только на материальное право, то вопросов в применении не возникает. Но если он решит трактовать право в широком смысле, то есть как совокупность материальных и коллизионных норм, то могут возникнуть определенные проблемы, ведь право иностранного государства, в свою очередь, может указывать на правопорядок страны местонахождения суда или на правопорядок третьей страны. В случае широкого понимания права, суду будет необходимо определить, должна ли уступать домашняя коллизионная норма свое действие иностранной коллизионной норме. Если суд решит применять иностранную коллизионную норму, у него будет два способа разрешения этой ситуации. В английском праве эти подходы называются *single/partial renvoi* и *double/total renvoi*.

Правило об обратной отсылке изначально стало применяться в Англии в наследственных спорах, осложненных иностранным элементом. Его закрепление было обусловлено тем, что в то время в Англии были очень жесткие правила по определению права наследования — оно определялось только по праву последнего местожительства завещателя. А в континентальной Европе правила о наследовании были более гибкими и могли отсылать к праву иных государств. В результате того, что многие англичане переезжали жить в Европу, английским юристам пришлось столкнуться с проблемой обратной отсылки и разработать способы разрешения конфликта коллизионных норм. В то время феномен обратной отсылки только начинал зарождаться и использовались термины *remission* и *transmission*, и уже намного позже широкое употребление получили понятия *partial/single* и *total/double renvoi* [1, с. 471]. В первый раз обратная отсылка была использована в первой половине 19 века в деле *Collier v. Rivaz* (гражданин Англии имел постоянное место жительства в Бельгии, где и скончался, но Бельгия не признала его постоянное место жительства в своей стране, потому что он не оформил необходимые документы), где английский судья принял отсылку бельгийской коллизионной нормы, создав

тем самым прецедентную норму, в соответствии с которой отсылка иностранной коллизионной нормы к нормам английского права должна приниматься. В этом деле судья выразил мнение, что он должен рассмотреть дело так, «как если бы он был бельгийским судьей» [2, с. 68]. Английский суд должен «перевоплотиться» в судью той юрисдикции, на которую указывает его собственная коллизионная норма [3, с. 166]. В последствии, судьи по-разному решали вопрос о допущении обратной отсылки. Например, в деле *Bremer v. Freeman*, по существу схожем с *Collier v. Rivaz*, судья не допустил обратной отсылки и посчитал завещание недействительным. Со временем появлялось все больше дел, где использование обратной отсылки было оправданным (к примеру, дела *Baines a*, *Re Dale*, *Bartlett vs Bart left*, *Ross*, *Re Duke of Wellington*), но английские суды по-разному решали вопрос об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства, отсутствовал единообразный подход к решению проблемы обратной отсылки ввиду того, что практика не выработала достаточной прецедентной базы, и судьи находили обоснование своего решения исходя из конкретных обстоятельств дела [4, с. 61].

Итак, в конечном итоге, в Англии сформировалось два подхода к применению обратной отсылки — «*single/partial renvoi*» и «*double/total renvoi*». Первый вариант предполагает под собой принять обратную отсылку и воспользоваться материальным правом страны, к которому отсылает иностранная коллизионная норма. Как пример подобной отсылки можно привести дела *Re Ross*, или известном деле *Forgo*, которое, правда, уже рассматривалось во французском суде. В деле *Re Ross* завещательница гражданка Великобритании, местом жительства которой являлась Италия, составив завещание, исключила своего сына из списка наследников, что было правомерно по английскому праву, но противоречило праву Италии, по которому половина имущества полагалась сыну в качестве законной доли. Движимое и недвижимое имущество наследодательницы располагалось как в Италии, так и в Англии. В отношении движимого имущества английский суд вынес решение, по которому в соответствии с английской отсылочной нормой вопрос о законной доле сына должен определяться правом Италии как законом домицилия завещательницы. Затем судья стал определять, означает ли это лишь внутреннее право страны домицилия или включает

ее нормы международного частного права. В результате судья применил английское внутреннее право и отказал сыну в его требовании, потому что к такому выводу пришел бы итальянский судья. Он решил бы вопрос по закону гражданства и отверг бы обратную отсылку, которую делает английское право. Что касается недвижимости, то английская коллизионная норма отсылала судью к итальянскому праву как закону места нахождения имущества (*lex situs*). Показания экспертов свидетельствовали, что итальянский суд опять-таки обратился бы к закону гражданства и применил норму английского внутреннего права, относящуюся к недвижимости, находящейся в Англии и принадлежащей английскому завещателю. Поэтому судья и по данному вопросу отказал сыну в требовании.

Второй вариант обратной отсылки был разработан в Англии и применяется на практике только в странах общего права. Сейчас этот подход принято называть *double/total renvoi*. Суть концепции состоит в том, что английский судья должен применить всякую норму иностранного суда, на страну которого указывает его собственная коллизионная норма — норма страны суда. При этом суд должен принять во внимание то, как будет действовать иностранный судья. Помимо прочего это означает, что английский судья должен понять, как к *renvoi* относится иностранный судья и как этот иностранный судья понимает механизм действия своей коллизионной нормы [5]. Как пример действия *total renvoi* можно привести дело *Re Annesley*. Это дело касалось вопроса действительности завещания по существу. Гражданка Англии на момент своей смерти по закону Англии была домицилирована во Франции, но по французскому праву считалась домицилированной в Англии, поскольку ею не были выполнены условия по получению французского домицилия. Ее завещание было действительно по английскому внутреннему праву, но недействительно по праву Франции, поскольку она не оставила двух третей своего имущества своим детям. Решение, вынесенное английским судьей, гласило, что действительность завещания этой англичанки должна определяться по французскому праву. Следовательно, оно соответствовало точке зрения, согласно которой отсылка к закону определенной страны есть отсылка к ее материальному праву. Однако судья пришел к этому выводу не простым путем. Он применил «доктрину иностранного суда». Представляется, что он пришел в конечном счете к французскому внутреннему праву следующим образом. Английское международное частное право подчиняет вопрос французскому праву как праву домицилия. Французское право отсылает французского судью к английскому праву. Однако английское международное частное право отсылает его обратно к французскому праву. Обратная отсылка во Франции признается. Поэтому французский суд примет обратную отсылку и в результате применит французское внутреннее право. Вместе с тем надо заметить, что английский судья предпочел бы в своем решении опереться на другое, более простое основание, если бы он не считал себя связан-

ными прецедентами. Проще было считать, что естественное значение понятия «право страны» — это внутреннее право этой страны. «Когда мы говорим, что французское право регулирует порядок наследования движимого имущества англичанина, умершего домицилированным во Франции, мы имеем в виду французское внутреннее право, применяемое Францией тогда, когда речь идет о французах» [6].

Рассмотрим недавнюю судебную практику английских судов, в которых рассматривалась возможность обратной отсылки. Анализируя нижеизложенную судебную практику, можно сделать вывод о том, что существует тенденция к избеганию применения *renvoi*.

Возьмем, к примеру, дело *Iran v. Berend*, рассмотренное в Англии в 2007 году. Это дело касалось фрагмента известнякового рельефа Ахеменидов, предположительно относящегося к первой половине пятого века до нашей эры. Истцом выступал Иран, который пытался доказать, что английский суд должен не только применять французское внутреннее законодательство, но и применять нормы коллизионного права Франции. Истец утверждал, что французский суд применит исключение из правила *lex situs* и применит иранское законодательство (как закон государства происхождения), которое, в свою очередь, требует возвращения фрагмента. Ответчик, Дениза Беренд, в своей защите ссылаясь на то, что английские коллизионные нормы указывают на применимость к вопросу о титуле на этот барельеф французского права, поскольку она приобрела этот фрагмент на аукционе во Франции. А французское право помогло бы ей доказать, что, являясь добросовестным покупателем, она может воспользоваться правом приобретательной давности. Английский суд отказал истцу и не стал применять отсылку, сославшись на то, что с точки зрения английского права, необходимо применять французское материальное право, а не коллизионное.

В подтверждение тому, что в последнее время суды отказываются от применения доктрины обратной отсылки, можно привести дело 2009 года *Dallah Real Estate & Tourism Holding Co v. Pakistan* [7]. Дело рассматривалось Верховным судом Соединенного Королевства. В этом деле совершались попытки приведения в исполнение решения международного арбитража, вынесенного в Париже против Пакистана, но они оказались безуспешными. Центральный вопрос состоял в том, обязано ли правительство Пакистана применять принципы французского законодательства в отношении арбитражной оговорки, предусматривающей создание Пакистаном траста, но утратившего силу в результате смены правительства. Верховный суд постановил, что правительство Пакистана не является стороной соглашения и поэтому не связано арбитражной оговоркой. Однако судья был не уверен в отношении обратной отсылки. Судья отметил, что в статье 46 (2) Нью-йоркской конвенции об исполнении арбитражных решений, принятой в соответствии с Законом об арбитраже 1996 года, предусматривается, что правом, выбранным сторонами для применения к арбитражу, является «материально-правовая база этой

страны, а не ее коллизионное право» [8, с. 328]. Это, по словам лорда Коллинза, «было специально добавлено, чтобы избежать проблем *renvoi*». Согласно представлениям англичан, никакой ссылки на иную систему права не существует. Французское законодательство лишь проводит различие между внутренними делами и международными делами и применяет к ним различные правила. Если французский суд применит иные принципы в международном деле, то для английского суда поступить так, как поступил бы французский суд в таких обстоятельствах, не является применением принципа *renvoi* (см. пункт 125 решения).

Аналогичным образом в деле *Dornoch Ltd. v Westminster International BV*, [9] которое рассматривалось в 2009, суд отказался распространить действие доктрины *renvoi* на более широкое коммерческое пространство. Это дело касалось спора о судоходстве, в котором судье, заседавшему в суде адмиралтейства, было предложено рассмотреть вопрос о том, как применять *lex situs* для судна в территориальных водах. Обычно *lex situs* приводит скорее к применению законодательства страны, в водах которой судно находилось в данный момент времени, чем к месту его регистрации, поскольку судно является движимым имуществом (см. пункт 80 решения). Однако при вопросе должен ли *lex situs* включать нормы коллизионного права в рамках данной юрисдикции или только ее внутреннее законодательство в контексте притязаний на морские перевозки оставался нерешенным. Судья в своем решении сослался на вышеупомянутое дело *Iran v. Berend* (2007) и отказал в *renvoi*.

Следующее дело было рассмотрено не в Англии, а в Австралии, но я решила его включить как альтернативу предыдущим решениям, потому что в нем доктрина *renvoi* была применена. Дело рассматривалось в Верховном суде Австралии в 2005 году и называется *Neilson v Overseas Projects Corp of Victoria Ltd* [10]. Госпожа Нильсон получила травму в результате падения с лестницы в своей квартире в Китае. Ее квартиру предоставил работодатель ее мужа — *Overseas Projects Corp of Victoria Ltd*, и г-жа Нильсон подала иск против работодателя ее мужа в Верховный суд Западной Австралии в июне 1997 года, через шесть лет после несчастного случая. В соответствии с законом Австралии, в *lex loci delicti* применяются правовые нормы страны, где было совершено правонарушение. Это означает, что правом, имеющим отношение к урегулированию спора, являлось право Китайской Народной Республики. Однако по китайскому законодательству иск был бы подан после истечения срока давности. Однако г-жа Нильсон заявила, что положение китайского закона (ст. 146 в том же законе) должно применяться с учетом соответствующего законодательства Австралии. В результате судья Верховного суда пришел к выводу, что статья 146 дает право выбирать, применять ли закон Австралии, поскольку обе стороны являются гражданами Австралии. Это решение было отменено судом Западной Австралии, но дошло до Апелляции Высочайшего суда (последней инстанции в Австралии), где вынесли решение в пользу Нильсона на том основании, что отсылка

была возвращена в Австралию, и был применен австралийский срок давности. Это решение подверглось резкой критике, потому что в предшествующем австралийском деле *John Pfeiffer Pty Ltd v Rogerson* (2000) срок давности был считан судьей материальным правом. В связи с этим применимость законов об исковой давности больше не должна была зависеть от национального права.

В 2010 г. было рассмотрено еще одно дело, где судья отказался от применения *renvoi*. Судебный процесс по делу *Blue Sky One Ltd v Mahan Air* [11] возник в результате сделок, заключенных в 2006 году на фоне санкций, введенных США, которые препятствовали продаже или аренде американских самолетов и частей самолета, изготовленных в США иранским физическим или юридическим лицам. Balli Group контролировала три английские компании специального назначения (*Blue Sky One Ltd.*, *Blue Sky Two Ltd.* и *Blue Sky Three Ltd.*), которые купили самолеты Boeing 747-422 и сдавали их в аренду армянской компании («*Blue Airways LLC*»), которая в свою очередь зафрахтовала самолет у иранской частной авиакомпании. Впоследствии, американская компания согласилась предоставить Balli кредит для приобретения еще трех самолетов; в качестве гарантии обеспечения кредита компаниями был предоставлен залог. Одно из заложенных воздушных судов было зарегистрировано в авиационном реестре Армении, а другое было зарегистрировано в авиационном реестре Великобритании и находилось в Нидерландах. В 2008 г. Министерство торговли США издало приказ о временном отказе в выдаче визы для Balli. Balli подало иск в английский суд против Mahan, требуя поставки самолетов и возмещения ущерба за нарушение контракта, конвертацию и незаконное вмешательство в собственность). Для принятия решения по иску Верховный суд Англии должен был определить, эффективен ли залог в качестве обеспечительного права. Суд должен был рассмотреть вопрос о том, право какой страны регулирует этот вопрос, поскольку речь идет о коллизионных нормах английского права в отношении сделок с имуществом. Суд подтвердил, что в случае передачи права собственности на материальное движимое имущество английская правовая норма предусматривает, что эффективность такой передачи определяется *lex situs*, т. е. правом места физического нахождения воздушного судна на момент вступления залога в силу. Суд далее постановил, что ссылка на *lex situs* относится не ко всему законодательству страны местонахождения, а к внутреннему праву страны местонахождения, которое будет включать выбор правовых норм юрисдикции страны местонахождения. Другими словами, суд отказался от доктрины *renvoi*.

В современном английском праве обратная отсылка до сих пор имеет место быть, несмотря на то что многие ученые и практикующие юристы выступают против *total renvoi*, называя ряд негативных последствий использования такой отсылки. Чаще всего юристы критикуют такой подход по трем причинам. Во-первых, *total renvoi* не всегда обеспечивает принятие единообразных и предсказуе-

мых решений, очень сложно выработать единый подход к использованию обратной отсылки. Во-вторых, он отдает предпочтение нормам иностранного права, оставляя в стороне английское право. В-третьих, этот подход с практической точки зрения является очень трудоемким и сложным процессом, и судьям не всегда удается применить эту концепцию. Если всякая коллизионная норма указывает на иную правовую систему, включающую и коллизионные нормы, тогда неизбежно возникает бесконечный ряд отсылок, именуемый в доктрине «зеркальным кабинетом» (Spiegel Cabinet), «заколдованным кругом» (cercle vicieux), «лаун-теннисом» (lawn-tennis) [12, с. 477].

В английской доктрине обращается внимание и на иные сложности при применении обратной отсылки. Так, если статус физического лица регулируется законодательством государства, на территории которого действует несколько правовых систем, отсылка к национальному праву такого лица будет лишена смысла, так как претендовать на регулирование правоотношения все равно будут несколько право порядков, действующих в таком государстве [13, с. 23]. В этой связи указывают на английское решение по делу 1940 г. *re O'Keefe*: британская подданная умерла в Италии, не оставив завещания. Встал вопрос о наследовании движимого имущества. В соответствии с английскими коллизионными нормами наследование должно было регулироваться итальянским правом, так как итальянское право было правом domicilio умершей. Итальянская коллизионная норма указывала на применимость закона гражданства умершей. Местом рождения женщины была Индия, первоначальным domicilio — Ирландия, так как ее отец имел там постоянное место жительства, когда она родилась. Однако в Ирландии женщина была лишь однажды проездом, в то время как в Англию она приезжала гораздо чаще, а постоянно проживала в Ита-

лии. Тем не менее, суд решил, что применению подлежит право Ирландии [14].

Итак, как уже было сказано ранее, обратная отсылка впервые была применена в Англии в спорах о наследстве, осложненных иностранным элементом. Позже, *renvoi* начал распространяться и на другие сферы. Он применяется, когда речь идет о праве domicilio, т. е. о праве места, где было совершено завещание (*lex loci actus*), а также о законе места, где находилось недвижимое имущество (*lex situs*). За пределами сферы правопреемства оно, как представляется, применялось в Англии только для узаконивания браков. Однако следует отметить, что *renvoi* не применяется в области контрактов или в связи с *tort law*. Даже в сфере, в которой эта доктрина применяется наиболее часто, а именно в сфере наследования движимого и недвижимого имущества, следует подчеркнуть, что в каждом случае, подкрепляющем эту доктрину, существуют сотни случаев, когда внутренние нормы иностранного права применялись без какой-либо ссылки на коллизионные нормы, хотя следует признать, что в большинстве этих случаев было ясно, что использовать иностранные коллизионные нормы просто не имеет смысла.

Множество британских ученых и юристов склоняются к тому, что обратная отсылка должна в скором времени исчезнуть. Она может сохраниться лишь в тех областях, где существуют жесткие коллизионные нормы. У Тетли пишет: «сегодня, когда применяется критерий «наиболее тесной связи», в *renvoi* уже более нет необходимости: коллизионные нормы государств, принявших такой критерий, ведут к одинаковому решению проблемы» [15, с. 75]. Однако пока доктрина *renvoi* продолжает существовать. Правда, похоже, заключается в том, что в одних ситуациях доктрина удобна и способствует справедливости, а в других она неудобна и должна быть отвергнута [16].

Литература:

1. Clarkson C. M., Hill Jonathan. *The Conflict of Laws*. Oxford, 2006. P. 471. См. по Международное частное право: учебник: в 2 т. / А. И. Абдуллин, Н. М. Артемьева, Д. В. Афанасьев и др.; под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть. Стр. 166
2. Левитин А. Б. Спорные вопросы международного частного права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 2 (6). М., 1957. С. 68.
3. Международное частное право: учебник: в 2 т. / А. И. Абдуллин, Н. М. Артемьева, Д. В. Афанасьев и др.; под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть. Стр. 166
4. Fawcett J. James, Carruthers Janeen M., North Peter Machin. *Cheshire, North and Fawcett Private International Law*. 14th ed. Consultant ed. Peter North. Oxford [etc.], 2008. P. 61.
5. Там же.
6. https://mgimo.ru/files/210399/seminar3_pril2.pdf
7. <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2010/46.pdf>
8. Mustill & Boyd, *Commercial Arbitration, 2001 Companion* (2001), p 328.
9. <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admlty/2009/201.html>
10. <http://eresources.hcourt.gov.au/downloadPdf/2005/HCA/54>
11. <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2010/631.html>
12. Пиленко А. А. Указ. соч. С. 257; Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М., 2005 (по изд. 1924 г.). С. 58; Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 477

13. Collier J. G. Conflict of Laws, 3-rd ed. Cambridge, 2001. P. 23
14. Там же.
15. Tetley William, Wilkins Robert C. International Conflict of Laws: Common, Civil and Maritime. Montreal, 1994. P. 75–76.
16. Dicey, Morris, and Collins on the Conflict of Laws. London: Sweet & Maxwell, 2006. 4–024

Молодой ученый
Международный научный журнал
№ 27 (317) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–38059 от 11 ноября 2009 г.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 15.07.2020. Дата выхода в свет: 22.07.2020.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.